

ISSN 2223–2974

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№ 12 2018 (ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала

Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редакционный совет

В.Н. Боробов — д.э.н., проф. Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Ю.Б. Миндлин — к.э.н., доцент, Московская гос. академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

А.М. Абрамов — д.ю.н., проф. Российской таможенной академии

В.И. Бусов — д.э.н., проф. Государственного университета управления

А.М. Воронов — д.ю.н., проф. Финансовый университет при Правительстве РФ

В.А. Горемыкин — д.э.н., проф. Национального института бизнеса

С.П. Ермаков — д.э.н., проф. Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

М.Н. Кобзарь-Фролова — д.ю.н., профессор Российской таможенной академии

Н.А. Лебедев — д.э.н., проф. ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Б.Б. Леонтьев — д.э.н., проф., дир. Федеральн. института сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса

М.М. Малышева — д.э.н., ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

М.В. Мельничук — д.э.н., к.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

В.Н. Незамайкин — д.э.н., проф. Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Н.С. Нижник — д.ю.н., проф. Санкт-Петербургского университета МВД России

И.Н. Рыкова — д.э.н., проф., Зам. директора Научно-исследовательского финансового института

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

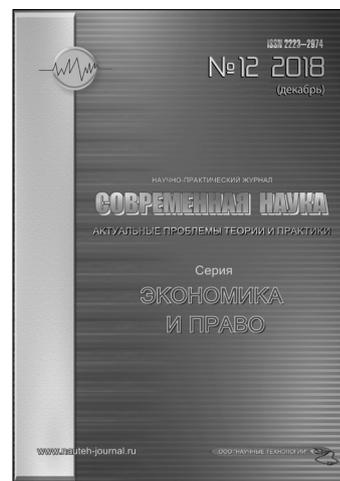
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 08.00.00, 12.00.00)

В НОМЕРЕ:

**ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ
НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ,
ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ
ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ,
БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, СТАТИСТИКА,
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА, ПРАВО**

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боробов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

А.В. Романов

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 25.12.2018 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика и управление
народным хозяйством

- Беянина И. В., Фомичёва Л. М., Чаплыгина М. А.** — Перспективы уровня мотивационно–ценностных особенностей населения РФ в условиях цифровой экономики
Belyanina I, Fomicheva L, Chaplygina M. — Prospects of the motivatsionno level – valuable features of the population of the Russian Federation in the conditions of digital economy..... 4
- Будзинская О. В.** — Экономические формы обеспечения непрерывного профессионального образования в России
Budzinskaya O. — Economic forms of lifelong professional learning in Russia..... 8
- Джолдошева Д. С.** — К обоснованию научного тезиса об эпидемиологическом дивиденде
Djoldosheva D. — Justification of the scientific thesis on the epidemiological dividend..... 16
- Еня В. В.** — Совершенствование контроля за исполнением контрактной системы в сфере строительства
Enya V. — Improving control over the implementation of the contract system in the sphere of construction..... 21
- Забайкин Ю. В., Назарова З. М., Рощина О. Е., Князева Е. В., Бойко К. Н., Шидиев З. М.** — Нефтегазовая отрасль экономики РФ: ресурсная зависимость и потенциал устойчивого развития
Zabaikin Yu., Nazarova Z., Roshchina O., Knyazeva E., Boyko K., Shidiev Z. — The oil and gas industry of the economy of the Russian Federation: resource dependence and the potential of sustainable development..... 27
- Забайкин Ю. В., Назарова З. М., Рощина О. Е., Князева Е. В., Бойко К. Н., Карасев А. Д.** — Влияние нелегальных поставок нефти на баланс мирового нефтяного рынка
Zabaikin Yu., Nazarova Z., Roshchina O., Knyazeva E., Boyko K., Karasev A. — The impact of illegal supply of oil to balance the world oil market..... 32

- Клековская С. Р.** — Государственное регулирование экологической безопасности на уровне региона: опыт Европейских стран и Франции
Klekovskaya S. — State regulation of environmental safety at the regional level: the experience of European countries and France 35
- Кожухова Ю.Э., Сывороткина И.Ю., Сывороткина С.Ю.** — Государственное регулирование социального предпринимательства
Kozhukhova Yu., Syrovotkina I., Syrovotkina S. — State regulation of economics in social entrepreneurship 39
- Конанова Е. И., Маслак Е. Н.** — Актуальные тенденции развития историко-культурного туризма и экскурсионного сервиса
Konanova E., Maslak E. — Current trends in historical and cultural tourism and tour service 42
- Крекова М. М., Киселева Е. М., Миндлин Ю. Б.** — Моделирование программного развития профессионализма персонала в условиях цифровой экономики
Krekova M., Kiseleva E., Mindlin Yu. — A model of software development professionalism in the digital environment..... 47
- Кузнецов В. В.** — Роль мониторинга в управлении стоимостью предприятия
Kuznetsov V. — Monitoring role in management of the cost of the enterprise 50
- Тришкина Н. А., Онанко Н. А., Юрасов А. Б.** — Производительность труда: важнейшие социально-экономические аспекты ее роста
Trishkina N., Onanko N., Yurasov A. — Labor productivity: the most important socio-economic aspects of its growth..... 55
- Файн Б. И.** — Совершенствование механизмов ценообразования на рынках электрической энергии с учетом развития распределенной генерации
Fain B. — The electricity market pricing mechanism improvement according to the distributed generation development..... 60

Фёдорова О. И., Лебедев Н. А. — Качественное состояние и экономическая направленность развития российского рынка пушнины (исторический аспект) <i>Fedorova O., Lebedev N.</i> — Qualitative condition and economic orientation of development Russian fur market (historical aspect) 66	Ибрагимова С. В. — Социальная функция гражданского права <i>Ibragimova S.</i> — Social function of civil law 96
Чернов А. В., Чернова В. А. — Интернет вещей как глобальная инфраструктура для новой экономики <i>Chernov A., Chernova V.</i> — The internet of things as a global infrastructure for a new economy. 73	Милюкова А. В. — Принятие следователем процессуальных и тактических решений <i>Milukova A.</i> — Acceptance by the investigator of the procedural and tactical decisions. 100
Шаипова С. А. — Высокочастотный трейдинг и его развитие на торговом рынке <i>Shaipova S.</i> — High-frequency trading and its development in the trading market. 77	Мищенко В. И., Гудков А. И., Долотова Д. В. — О некоторых аспектах законодательного регулирования организации капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов в Российской Федерации <i>Mishchenko V., Gudkov A., Dolotova D.</i> — On some aspects of legislative regulation the organization of the overhaul of the common property of apartment buildings in the Russian Federation 104
Мировая экономика	Попова Е. И., Гулина Е. В. — Антикоррупционное просвещение в сфере высшего образования <i>Popova E., Gulina E.</i> — Anti-corruption education in higher education. 108
Казанская Н. Н. — Перспективы расширения международных расчетов в национальных валютах <i>Kazanskaya N.</i> — Prospects for expanding international settlements in national currencies. 80	Пучков О. А., Пучков В. О. — Новые тенденции правоприменения и их влияние на характер правового воздействия <i>Puchkov O., Puchkov V.</i> — New tendencies of law-application and their influence on the nature of the legal impact 112
Право	Сывороткина И. Ю. — Классификация и типология форм завещаний как фактор развития наследственного права в условиях глобализации: выбор приоритетов <i>Syvorotkina I.</i> — Classification and typology of forms of wills as the factor of development of the law of succession in the conditions of globalization: choice of priorities. 122
Дворецкий М. Ю., Клюкин А. И. — Оптимизация предупреждения преступности посредством эффективной реализации штрафа – вида формы привлечения виновного к уголовной ответственности – наказания <i>Dvoretzkiy M., Klyukin A.</i> — Optimization of crime prevention through the effective implementation of penalty form of criminal liability – penalties 83	Фирсов В. Г. — Актуальные проблемы избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста <i>Firsov V.</i> — Actual problems of electing and applying a preventive measure in the form of house arrest 127
Зайцев С. В. — Актуальные проблемы в части налогообложения НДС услуг, оказываемых в рамках внешнеторговой деятельности и пути их решения <i>Zaitsev S.</i> — Actual issues of VAT on services provided within foreign economic activity and their ways of solving 88	Информация
Зацепин А. М., Филиппова О. В., Пермяков М. В. — Основные направления совершенствования уголовного законодательства о неправомерных действиях при банкротстве <i>Zatsepina A., Filippova O., Permyakov M.</i> — The basic directions of perfection of criminal legislation about illegal actions in bankruptcy 92	Наши авторы. Our Authors. 130
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 132

ПЕРСПЕКТИВЫ УРОВНЯ МОТИВАЦИОННО – ЦЕННОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РФ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

PROSPECTS OF THE MOTIVATIONAL LEVEL — VALUABLE FEATURES OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF DIGITAL ECONOMY

I. Belyanina
L. Fomicheva
M. Chaplygina

Summary. The article examines the key aspects of the processes of the digital economy, assesses the level of development of domestic digital technologies in comparison with the leading countries. It is noted that the General technological backwardness of the country creates serious obstacles to the digitalization of the economy and increases the risks of increasing technological dependence. The article suggests ways to overcome them. The main directions of the new strategy of digitalization of the economy, its main goals and objectives are analyzed.

Keywords: digital economy, program, national project, digital technologies, competitiveness, economic security.

Белянина Ирина Владимировна

К.э.н., доцент ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет»

Фомичёва Лилия Михайловна

К.э.н., доцент ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет»

liliya.fomicheva@yandex.ru

Чаплыгина Марина Андреевна

К.э.н., доцент ФГБОУ ВО «ЮЗГУ»

Аннотация. В статье исследуются ключевые аспекты процессов цифровой экономики, оценивается достигнутый уровень развития отечественных цифровых технологий в сравнении со странами-лидерами. Отмечается, что общая технологическая отсталость страны создает серьезные преграды на пути цифровизации экономики и увеличивает риски нарастания технологической зависимости. В статье предлагаются пути по их преодолению. Анализируются основные направления новой стратегии цифровизации экономики, ее основные цели и задачи.

Ключевые слова: цифровая экономика, программа, национальный проект, цифровые технологии, конкурентоспособность, экономическая безопасность.

Конкурентоспособность страны в глобальной цифровой экономике определяется качеством ее человеческого капитала, его способностью собирать, обрабатывать и эффективно использовать цифровую информацию. Для развития цифровой экономики нужно воспитывать новые кадры, обладающие новой психологией и новой этикой, что даст им новую энергию необходимую для цифрового общества. Полноценное образование и общая культура человека не ограничиваются суммой технических знаний и навыков, ввиду чего перекокс в сторону точных и технических дисциплин может не только пойти в ущерб гуманитарному знанию, но снизить в целом качество человеческого капитала страны.

Можно сказать, что само признание на государственном уровне необходимости работать над выработкой цифровых компетенций — это первый шаг к сокращению цифрового неравенства второго уровня. Первый уровень отражает неравный доступ к технологиям, в основе второго — различия между людьми по уровню владения цифровыми компетенциями и в мотивации пользователей. Несмотря на по-

лезность цифровых технологий в работе и развитии востребованных для карьеры навыков, большинство людей предпочитают использовать их для развлечения. Чтобы стимулировать сетевое образование и развитие гражданского общества нужны дополнительные меры вовлечения граждан в использование полезных интернет-платформ. Продвижению в этом направлении потенциально может способствовать внедрение государственной системы стимулирующих выплат в виде персональных цифровых сертификатов от государства на обучение детей и взрослых компетенциям цифровой экономики, неких «цифровых норм ГТО», создание и пропагандирование подобной системы предусмотрено планом мероприятий по направлению «кадры и образование», опубликованным 21 февраля 2018 года. При подобном подходе очень важно предусмотреть актуализацию предлагаемых населению навыков. В противном случае заявленная цель «доля граждан РФ, обладающих цифровыми навыками к 2021 году, составит не менее 40%» не принесет желаемого эффекта роста уровня жизни населения. Интересно, что цифровая грамотность и меры по её обеспечению предлагается создавать парал-

тельно системе цифровых сертификатов. Из текста программы и дорожной карты пока не совсем понятно, как именно будут строиться и соотноситься друг с другом эти две системы, но вероятно «цифровые ГТО» будут вторым уровнем относительно базового владения ИКТ.

Несколько неоднозначной представляется указанная в дорожной карте задача «проведение анализа уровня мотивационно-ценностных особенностей населения РФ в условиях цифровой экономики». Важно стимулировать использование цифровых навыков для личностного развития, но учитывая заявленную в Стратегии информационного общества необходимость сохранения традиционных ценностей, подобная задача потенциально может оказаться проверкой взглядов граждан на соответствие некой норме, что противоречит закрепленному Конституцией праву на свободу от доминирующей идеологии. При этом ответственными исполнителями назначены Минэкономразвития и Центр компетенций, которые, вероятно, сконцентрируются именно на навыках и связанной с ними мотивации.

Особый интерес представляет «Проведение мониторинга операциональной готовности различных групп и категорий населения к жизни и деятельности в условиях цифровой экономики», методика которого, вероятно ещё не выработана, поскольку до сих пор подобные оценки в РФ сводились к доступности технологий, даже должное внимание к цифровым компетенциям — всё ещё достаточно новое явление в отечественной практике. Но важно понимать, что готовность граждан к новым условиям не сводится к уже имеющимся у них навыкам. Поэтому важно создать условия для их реализации.

Целый спектр проблем связан с неравным распределением «цифровых дивидендов», то есть преимуществ от распространения и использования цифровых технологий. В процессе их получения гражданами большую роль играют не только технологии, но и так называемые «аналоговые дополнения», то есть ключевые элементы среды: нормативно-правовая база, обеспечивающая высокий уровень конкуренции, навыки, позволяющие использовать новую технологию, и подотчетные институты. Кратко их значимость можно выразить формулой: «Информация без подотчетности — контроль; автоматизация без навыков — неравенство; масштабирование без конкуренции — концентрация».

Традиционно высокая для России значимость социальных связей в экономических отношениях в последние годы стала ещё выше и сопровождалась паде-

нием доверия к формальным институтам и правилам, в том числе и потому, что для реализации активных стратегий требовалось использовать неформальные связи в обход правил. Авторы исследования «Евробарометр России» вывели общее правило для РФ: «чем больше контактов с представителями института, тем ниже уровень доверия». Если европейцы больше всего доверяют полиции, то опросы россиян показывают стабильно высокий рейтинг доверия к Президенту. Понятно, что это больше эмоциональная вовлеченность, на практике направляемые Президенту запросы граждан процедурно распределяются между ответственными ведомствами.

Из широкого спектра «аналоговых дополнений» общая дорожная карта программы «Цифровая экономика» направлена в основном на доработку законодательства, что потенциально влечет институциональные изменения, но пока трудно спрогнозировать, насколько это будет способствовать более справедливому распределению, переходный период требует быстрого управления знаниями, вложений в человеческий капитал и деятельность по его качественному улучшению, быстрой адаптации в сложившихся условиях, программных мер со стороны государства.

В условиях цифровизации экономики, рынок труда подвергается колоссальным изменениям. Уже сегодня можно наблюдать, как медленно, но все — таки исчезают такие профессии, как бухгалтер, юрист, экономист, возрастает востребованность специалистов IT сферы, инженеров и т.д. Эксперты прогнозируют, что в ближайшие 10–20 лет исчезнут около 50% профессий. Данный фактор может привести к социальному неравенству и росту числа безработных. Необходимо заранее проводить продуманную политику, связанную с образованием, быстро реагировать на изменения внешней среды и технологические вызовы: разрабатывать комплексные программы переквалификации кадров и непрерывного обучения. Доклад The Future of Jobs Всемирного экономического форума указывает, что до 2020 г. автоматизация уничтожит 5 млн. рабочих мест, и это только начало. Еще одним заменителем некоторых профессий может стать робот. В 2013 г. ученые Оксфордского университета провели эксперимент, который показал, что роботы не смогут вытеснить ученых, инженеров, актеров, руководителей, учителей, социальных работников. Робототехника, в первую очередь, заменит категорию «обслуживающий персонал». Уже сегодня в любом крупном городе можно обнаружить терминалы с кофе и едой, автоматы для оплаты парковки, пункты самообслуживания в разных сферах и т.д. Разработка беспилотных транспортных средств создает угрозу для большого количества водителей по всему миру. Большинство

профессий, которые активно предлагает рынок труда в настоящее время, исчерпает свой потенциал и значимость. Таким образом, «вымираемость» профессий в период цифровой трансформации ставит необходимость перед государством разработки новой программы, которая выступит связующим звеном между спросом/предложением рынка труда и цифровой грамотностью общества. В России высокий потенциал человеческого капитала (квалификаций, знаний и умений людей), который является важным ресурсом экономического роста. Перспектива перехода экономики на инновационный уровень состоит в следующем: в сфере высоких технологий необходимо объединить материальные ресурсы (применение новых технологий в производстве) и интеллектуальные (предоставить возможность людям создавать и внедрять креативные идеи).

Производство в большей части случаев не будет нуждаться в людях, они будут необходимы для сферы «человекоориентированных» услуг, так как роботы в ближайшем будущем не смогут заменить творчество, изобретательство, проектирование, программирование и обслуживание их самих, организацию и наладку производства. Будут развиваться технологии глобализации труда, база которой сосредоточится на онлайн — управлении роботизированной техникой (ботами). Каждый гражданин, желающий поработать, воспользуется унифицированным человеком — машинный интерфейс удаленного доступа. Этот процесс будет контролироваться облачными структурами. Для управления ботами потребуется большое количество онлайн — операторов, это будет востребованная и престижная интеллектуальная работа для женщин, пожилых людей, подростков и лиц с ограниченными возможностями.

Россия имеет огромный потенциал в сфере высоких технологий, она может занять лидирующие позиции. На сегодняшний день имеется огромное количество перспективных и креативно — мыслящих молодых людей, потенциальных работников, которых нужно лишь предоставить возможность и пространство для воплощения уникальных идей. В программе «Цифровая экономика Российской Федерации» достижение запланированных характеристик в области кадров и образования будет обеспечена к 2024 г.

В экономике, движимой инновациями, развиваются тенденции преобразования общества в целом за счет комплексного характера процесса обмена и использования знаний как в производстве, так и вне его; значительная роль уделяется эффективно-му использованию потенциала работников с целью повышения их производительности труда.

Для этого требуется комплексно подойти к рассмотрению проблемы мотивации персонала, особенно в тех сферах, где в значительной мере используется интеллектуальный и высококвалифицированный труд наёмных работников. Это связано с тем, что работники могут активно способствовать росту эффективности деятельности организации, а могут относиться безразлично к результатам деятельности и противодействовать нововведениям, нарушающим привычный для них ритм работы.

Поэтому актуален и необходим поиск новых подходов к управлению персоналом в части усиления мотивации труда наёмных работников для роста производительности труда и наиболее эффективного использования своего потенциала, в особенности интеллектуального.

Не всегда интеллектуальный потенциал используется эффективно, не всегда владелец такого ценного ресурса готов в полной мере делиться с окружающими столь ценным ресурсом для развития экономики предприятия, региона и государства. В связи с этим значительное место в работе будет уделено вопросам мотивации интеллектуального труда.

Методы мотивации работника в будущем, занятого физическим трудом будут отличаться от методов мотивации работника настоящего времени. На наш взгляд, будут актуальны в значительной степени такие методы мотивации, как возможность обучения, самореализации, а также гибкий режим работы, не связанный с посещением места работы (например, работа вне офиса), дистанционная занятость. Кроме того, важный и актуальный вопрос для управления имеющимся интеллектуальным потенциалом — оценка эффективности его использования, причем, как на уровне индивида, так и на остальных уровнях.

Мотивация труда — это внутреннее побуждение к определенному трудовому поведению, ограниченному умственными и физическими способностями людей, целью которого является достижение в процессе труда либо целей организации, либо целей работника, либо их совместное достижение целей. В основе мотивации труда лежат мотивы и стимулы как связанные с процессом труда, так и не связанные с ним, находящиеся вне него.

С одной стороны, мотивация — это проблема экономическая, и её результат — экономический. С другой стороны, в процессе мотивации немаловажную роль играют психологический и социальный факторы, без которых соответственно невозможен как сам процесс мотивации, так и его экономический результат.

Человек по-разному реагирует на воздействие различных факторов в процессе труда, избирательно к ним относится. На практике это выражается в разном восприятии этих факторов. И чем духовно богаче и психологически сложнее человек, тем большую роль играет его избирательность, тем большие требования он предъявляет к условиям труда и его организации. Все это обуславливает необходимость учитывать психологическую сторону мотивации труда.

Мотивация труда, несомненно, является важным фактором развития инновационной экономики, и без знания объекта мотивации — человека — любые экономические знания не дадут требуемого эффекта. И в максимальной степени это относится к мотивации интеллектуального труда.

Становление инновационной экономики в России происходит в противоречивых условиях. Наряду с позитивными тенденциями имеет место комплекс психологических ценностно-мотивационных барьеров развития инновационной деятельности на предприятиях и в организациях. Они проявляют себя в этнокультурных установках персонала в виде аморфной организационной культуры и культур с выраженным клановым и иерархическим компонентами, что обу-

словливает дефицит инновационной мотивации персонала.

Существует ряд благоприятных факторов, позволяющих прогнозировать возможность позитивных изменений: — отчетливая осознанная установка менеджмента на необходимость инновационного развития; — наличие в образовательных учреждениях кадров, мотивационно и поведенчески готовых к развитию инновационных форм работы. Они не являются большинством, но при соответствующей перестройке работы с персоналом именно эти люди смогут быть человеческим инновационным капиталом. Человеческий инновационный капитал способствует эффективному развитию современной экономики в России.

Современная экономика развивается под сильнейшим влиянием процессов информатизации, что способствовало формированию концепции цифровой экономики. Цифровая экономика призвана обеспечить динамичность развития и прозрачность управления бизнесом и государством на всех уровнях. Вместе с тем, помимо позитивного обновления среды и отношений, цифровая экономика очерчивает и усиливает опасности, вызовы и угрозы, которые прямо и косвенно связаны с особенностями и характеристиками новой цифровизированной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фомичёва Л.М., Дыдко А. С. Кадры и кадровая политика в эру цифровой экономики труда. В сборнике: Цифровая экономика труда материалы Международной научно-практической конференции. 2017. С. 144–149.
2. Беянина И.В., Фомичёва Л. М. Перспективы развития тьюторства в российском экономическом образовании. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право» –2017, -№ 12, -С. 9–13
3. Беянина И.В., Фомичёва Л. М., Антипенкова В. С. Модель профессиональных компетенций тьютора: знания, умения, навыки. В сборнике: Цифровая экономика труда материалы Международной научно-практической конференции. 2017. С. 11–24.
4. Кривошлыков В.С., Жахов Н. В., Фомичева Л. М., Экономика и управление типичными угрозами экономической безопасности региона, сдерживающими его поступательное социально-экономическое развитие // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2016. № 8. С. 19–26.
5. Кривошлыков В.С., Жахов Н. В., Фомичёва Л. М., Экономика и управление межрегиональной дифференциацией с позиций экономической безопасности // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2017. Т. 17. № 2. С. 27–30
6. Чаплыгина М.А., Фомичева Л. М., Совершенствование аналитической работы в практике хозяйствующих субъектов направленной на формирование условий самокупаемости и самофинансирования // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии, 2015. — № 8. — С. 52–56.

© Беянина Ирина Владимировна,

Фомичёва Лилия Михайловна (liliya.fomichewa@yandex.ru), Чаплыгина Марина Андреевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

ECONOMIC FORMS OF LIFELONG PROFESSIONAL LEARNING IN RUSSIA

O. Budzinskaya

Summary. the article formulates measures of institutional support of lifelong professional learning and proposes economic forms of their implementation. Against the background of intensive technological development, it is necessary not only to adjust the communication processes between the state and business concerning training and retraining, but also to consolidate them institutionally, establishing economic forms of interaction.

Keywords: lifelong professional learning, technological revolution, labor market.

Будзинская Ольга Владимировна

*К.э.н., доцент, Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени им. И. М. Губкина
budzinskaya@bk.ru*

Аннотация. В статье сформулированы меры институционального обеспечения непрерывного профессионального образования и предложены экономические формы их реализации. На фоне интенсивного технологического развития необходимо не только настроить коммуникативные процессы между государством и частным сектором в сфере повышения квалификации и переподготовки кадров, но и закрепить их институционально, установив экономические формы взаимодействия.

Ключевые слова: непрерывное профессиональное образование, технологическая революция, рынок труда.

Современное российское общество нацелено на динамичное развитие в экономической сфере. Важнейшим фактором экономической и технической конкурентоспособности страны является образование. Смена технологических укладов предъявляет более высокие требования к человеку, личности, работнику и выходит за рамки трудовой жизни. В XXI веке необходимы не только знания из различных областей науки, но и навыки саморазвития и самосовершенствования с целью постоянной подстройки к меняющейся внешней среде. Как отмечает В. А. Сластенин, «образование выходит на одно из первых мест по своему значению для воспитания современной, адаптированной к современному технологическому обществу личности» [1, с. 6].

Специалисты по прогнозам считают, что при сохранении нынешних темпов технико-экономического развития, шестой технологический уклад начнёт оформляться в 2010–2020 годах, а в фазу зрелости вступит в 2040-е годы. При этом в 2020–2025 годах произойдёт новая научно-техническая и технологическая революция, основой которой станут разработки, синтезирующие достижения названных выше базовых направлений. Для подобных прогнозов есть основания. В настоящее время техническая революция перерастает в четвертую промышленную революцию, характеризующуюся сочетанием технологий, которые размывают границы между физической, цифровой и биологической сферами. Нас уже не удивляют «мегатренды» идущей революции: искусственный интеллект, робототехника, нейротехнологии, «интернет вещей», автономные транспортные средства, самопilotируемые автомобили, появление

биткойнов, нанотехнология, биотехнология, трехмерная печать и т.д. В США, например, доля производительных сил пятого технологического уклада составляет 60%, четвертого — 20%. И около 5% уже приходится на шестой технологический уклад [2]. Переход к следующему технологическому укладу вызывает потребность к более эффективной подготовке кадров в современных технических условиях.

Одним из исследований, которое возродило дискуссию о новой волне технологий было исследование 2013 года Фрей и Осборн, которые классифицировали 702 профессии в Соединенных Штатах с точки зрения навыков, которые, вероятно, будут автоматизированы [3]. Авторы приходят к выводу о том, что в течение следующих двух десятилетий 47% этих профессий подвергаются риску автоматизации и компьютеризации. В России, в изданном в 2014 году Агентством стратегических инициатив (АСИ) «Атласе новых профессий» прогнозируется, что к 2030 году исчезнет 57 «традиционных» профессий и появится 186 новых [4]. Подобные исследования актуализируют вопрос эффективной подготовки кадров.

Международный опыт подготовки и повышения квалификации работников свидетельствует о интенсивной работе, проводимой в направлении разработки и применения концепции «обучение на протяжении жизни». Данная концепция успешно реализуется в нормотворческой деятельности на государственном уровне. Ниже представлены только основные нормативные документы, служащие основой для разработки Концепции обучения на протяжении жизни.

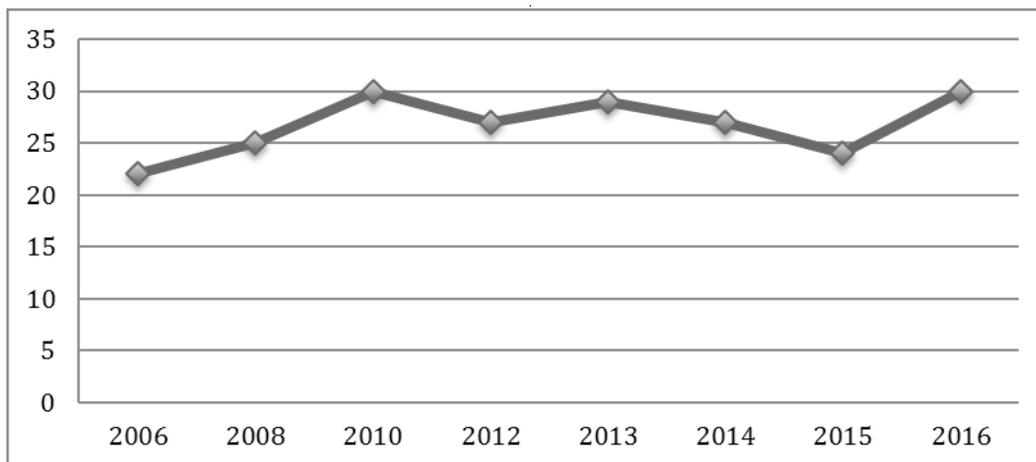

Рис. 1. Динамика охвата непрерывным образованием взрослого населения в 2006–2016 гг. (опрошенные в возрасте от 25 до 64 лет включительно,%) [5]

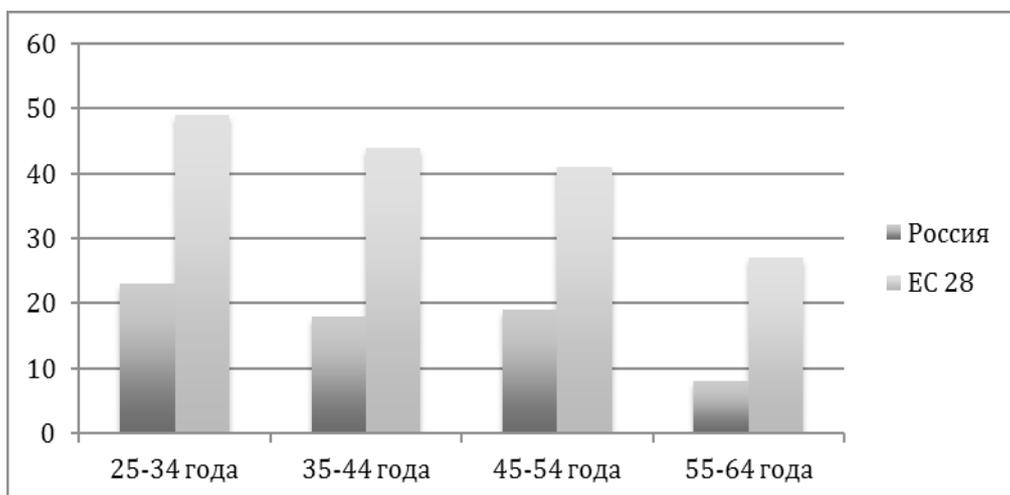

Рис. 2. Вовлеченность в формальное и непрерывное образование различных возрастных групп в России и ЕС (опрошенные в возрасте от 25 до 64 лет включительно,%) [6]

- ◆ Меморандум непрерывного образования, ЮНЕСКО, Лиссабон, 2000 г.;
- ◆ Квалифицированная рабочая сила — основа интенсивного, устойчивого и сбалансированного роста. Группа двадцати: стратегия в области профессиональной подготовки кадров (Доклад МОТ, ООН, 2011 г.);
- ◆ Обучение в течение всей жизни. Политики и стратегии. (ЮНЕСКО, Доклад Института обучения в течение всей жизни, 2014 г.);
- ◆ Декларация Всемирного образовательного форума ЮНЕСКО, 2015, Республика Корея.

Российское правительство осознавая потребность в применении концепции непрерывного образования

для достижения высоких целей экономического развития общества, включило ее в «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». В упомянутом документе признана назревшая необходимость обеспечения инновационного характера образования, создание системы непрерывного образования. Как правило, непрерывное образование подразделяют на три основные подсистемы, а именно:

1. Непрерывное образование как образование на протяжении всей жизни (lifelong learning).
2. Непрерывное образование как образование взрослых.
3. Непрерывное образование как непрерывное профессиональное образование.

С учетом поставленной задачи формирования финансового механизма обеспечения непрерывного образования, в данном исследовании автор рассматривает непрерывное образование как непрерывное профессиональное образование, вызванное скоростью научно-технического прогресса.

Доля российского взрослого населения, охваченная непрерывным образованием на данном этапе экономического развития не соответствует уровню экономически развитых стран, вошедших в эпоху экономики знаний. Однако, положительной динамикой является постоянство спроса на непрерывное образование, представленная на рис. 1. Скорее вызванная историческим аспектом воспитания в России, чем реакцией на государственную политику образования. Динамика свидетельствует о потребности отдельного работника как личности, стремящегося к саморазвитию.

Огорчает, что согласно общероссийским опросам взрослого населения страны по возрастным группам в сравнении со странами Европейского союза, уровень населения, вовлеченного в непрерывное образование 2–3 раза ниже по сравнению с европейскими данными. Обращает на себя внимание низкая доля трудоспособного населения. Такое явление может как раз иллюстрировать отсутствие институционального механизма реализации концепции непрерывного образования, а, следовательно, и финансового механизма обеспечения непрерывного образования.

В Российской Федерации на данный момент основным элементом непрерывного образования является дополнительное профессиональное образование (ДПО). Однако, помимо недостаточных масштабов системы непрерывного профессионального образования, основными проблемами развития данной сферы являются:

- ◆ неразвитость рынка образовательных услуг. Профессиональное образование нацелено на углубление уже сформированных профессиональных компетенций, а не на приобретение новых согласно потребностям рынка труда и уровню научно-технического прогресса;
- ◆ низкое качество образования в системе дополнительного профессионального образования вследствие низкой профессиональной квалификации преподавательского состава данной сферы (на состав ППС процессы середины 1990-х гг. оказали одно из наиболее разрушительных последствий). Преподаватели, являясь носителями компетенций, свойственных аналоговой экономике, не в состоянии воспроизвести компетенции, требуемые в рамках цифровой экономики;
- ◆ организация внутрифирменной системы переподготовки и повышения квалификации на со-

временном уровне доступна только крупным компаниям, что снижает конкурентоспособность компаний, относящихся к малому и среднему бизнесу;

- ◆ трансформация российской экономики к цифровой обозначила потребность в кадрах новой квалификации, при этом высвобождается доля работников, не соответствующих запросам работодателей. Система ДПО не в состоянии справиться с поставленной задачей в масштабах страны;
- ◆ предоставление образовательных услуг сформировало новую индустрию на мировой арене. В России на современном этапе не созданы условия и отсутствуют инструменты непрерывного профессионального образования как новой индустрии. На данный момент российская система ДПО не в состоянии конкурировать на мировом уровне в сфере оказания услуг по непрерывному профессиональному образованию.

Через систему ДПО поддерживается связь между рынком труда и рынком образовательных услуг, осуществляется адаптация деятельности системы образования к потребностям рынка труда.

Знаменитый английский кибернетик Уильям Росс Эшби примерно 70 лет назад сформулировал общий для сложных управляемых систем закон, именуемый законом необходимого разнообразия. Его суть состоит в том, что система управления должна быть в состоянии обработать (дать соответствующее управляющее воздействие на все возможные состояния объекта управления) все поступающие сигналы от объекта управления. Иначе в каком-то из состояний вся система может выйти из под контроля и оказаться неуправляемой.

В государствах с развивающейся экономикой система профессионального образования, поставляющая на рынок труда необходимых промышленности, сельскому хозяйству и всем другим системам жизнедеятельности общества специалистов, выступает в качестве одной из подсистем управления. И она должна быть способной оперативно реагировать на любые вызовы в части обеспечения сбалансированности рынка труда и сохранения динамики роста экономики. На данный момент из рис. 3 следует, что именно высокотехнологичные отрасли, в распоряжении которых функционируют корпоративные институты, поддерживают реализацию программами повышения квалификации и профессиональной переподготовки, как ключевого элемента непрерывного образования в российских условиях. Но, к сожалению, это не всем по карману.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ создание современной

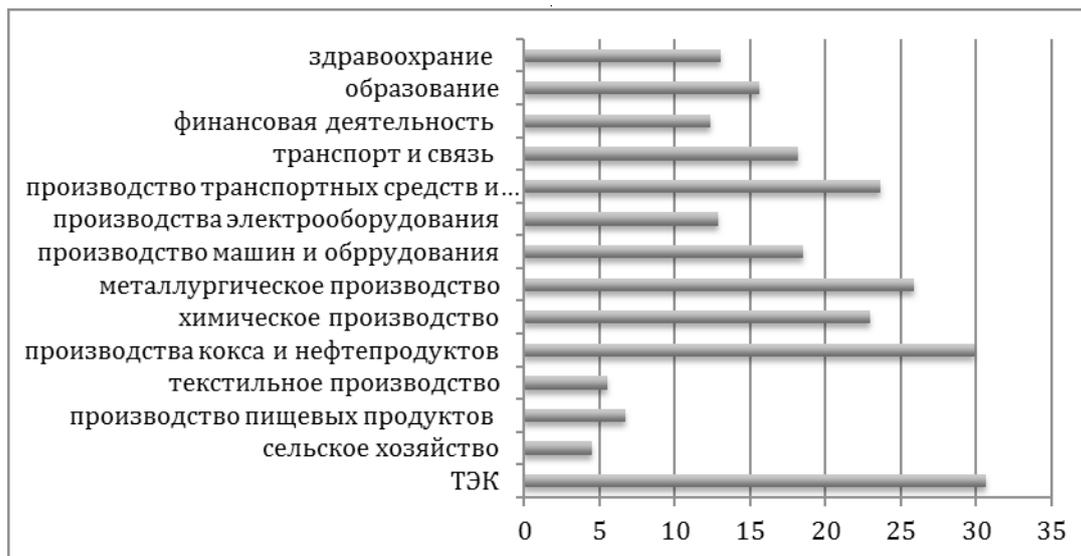

Рис. 3. Охват программами повышения квалификации и профессиональной переподготовки в некоторых секторах, % [7]

системы непрерывного образования, подготовки и переподготовки профессиональных кадров предполагает создание условий для обеспечения участия в непрерывном образовании не менее 50 процентов граждан трудоспособного возраста ежегодно и внедрение системы ежегодной поддержки до 100 организаций, реализующих лучшие инновационные программы непрерывного профессионального образования. Однако, кроме вышеперечисленных целей в документе не прописаны ни институциональные инструменты организации непрерывного образования, ни ее система финансирования.

1. Институциональные инструменты организации непрерывного образования

В России на данный момент отменены дипломы о дополнительном образовании государственного образца, государственная аккредитация программ дополнительного образования, не предусмотрены и какие-либо Федеральные государственные образовательные стандарты для дополнительного образования. Ни Минобрнауки России, ни Рособрнадзор не проводит экспертиз программ ДПО на предмет их качества и актуальности. Предполагается, что в системе ДПО рынок, то есть экономические законы спроса и предложения все расставят по местам автоматически. А функции регулятора в этой системе могут быть возложены на отраслевые советы по профессиональным квалификациям (СПК) — постоянно действующие органы создаваемой в стране национальной системы профессиональных квалификаций, призванные обеспечивать формирование и развитие систем профессиональных квалификаций по опре-

деленным видам профессиональной деятельности. [8, с. 33]

Опыт зарубежных стран, а именно Великобритании, ЕС, скандинавских стран свидетельствует, что провайдером образовательных услуг может быть как государственная, так и частная организация при условии прохождения аккредитации государственной комиссией и профессиональным сообществом. Система независимой оценки результатов обучения в непрерывном образовании позволяет объективно оценивать качество полученного образования. Очередность аккредитации варьирует от 2 до 3 лет, но государственное финансирование возможно только при условии прохождения аккредитации. Аккредитация государственным и профессиональным сообществом и есть одна из первых норм институционального закрепления непрерывного профессионального обучения.

2. Система финансирования непрерывного образования

Для организации экономических форм обеспечения системы непрерывного образования, необходимо уточнить роль каждого субъекта в формировании и потреблении образовательного продукта, а именно государства, организации и отдельного работника. С точки зрения автора, финансирование обучения на протяжении всей жизни требует от государства затрат на тех уровнях образования, от которых социальная отдача больше индивидуальной (например, дошкольное и школьное образование). В сфере, где преобладает индивидуальная отдача от образования (например, высшее образование,

Таблица 1. Инструменты финансирования непрерывного образования [9, с. 129]

Инструменты	Описание	Основные переменные	Сильные стороны	Слабые стороны	Примеры
Механизмы распределения бремени затрат					
Традиционный заем	Фиксированные выплаты, ограниченный отрезок времени	Сумма займа, процентная ставка, срок выплаты	Относительно легко реализовать, легко понять инструмент	Требует залога, поэтому выгоден больше богатым; высокий процент неуплат	Многочисленны
Контракт «человеческий капитал»	Обучающийся выплачивает% с доли своих будущих доходов	% будущего дохода, который нужно будет отдать, срок выплаты, сбор выплат	Создает рынок инвестиций в навыки, выплаты можно подстроить под платежеспособность	Требуется развитая система сбора налогов	MyRich Uncle (США)
Заем в зависимости от уровня доходов	Собирается% от общего дохода до момента выплаты кредита	% будущего дохода, который нужно будет отдать в счет выплаты по кредиту, срок выплаты	Снижает риск неуплаты	Требуется развитая система сбора налогов	Австралия, Венгрия, Новая Зеланди, Швеция, Великобритания
Налог на будущий доход выпускника	Налог на будущий заработок учащегося	Налоговая ставка	Универсальный, гибкий, выплаты производятся на протяжении всей жизни	Выплаты на протяжении всей жизни требуют развитую систему налогообложения	В н.в. не применяется
Механизмы субсидирования					
Ваучеры	Целевая помощь государства тем, кто хочет получить образование	Затраты на учебу, целевая аудитория, уровень образования, финансирование, диктуемое спросом	Финансирование диктуется спросом/ количеством зачисленных на обучение	Средства могут быть использованы не по назначению	Чили, Бангладеш, Нидерланды, Швеция
Образовательная субсидия	Сочетание займа и ваучера	Сумма субсидии, сумма софинансирования, сроки выплат	Исходя из доходов обучающихся и мотивации, помогает наращивать индивидуальные активы	Средства могут быть использованы не по назначению	Механизмы студенческих займов
Индивидуальный образовательный счет	Стимул для инвестирования в образование	Индивидуальная субсидия, сумма софинансирования, тип образования	Индивидуальная ответственность, участие частного сектора	Средства могут быть использованы не по назначению	Нидерланды, Испания, Швейцария, Великобритания
Образовательный накопительный счет	Стимул для накопления денег на своем счету для получения образования	Индивидуальная субсидия, сумма софинансирования, налоговая скидка	Индивидуальная ответственность	Нужна система маркетинга для изучения	Канада
Налоговые кредиты на обучение	Налог уменьшается пропорционально расходам на образование	Налоговая скидка, верхняя планка расходов	Индивидуальная ответственность, участие частного сектора	Может быть неустойчивым	СШ

ПП, ПК), должны увеличиваться вложения частного сектора на фоне действующего институционального механизма обеспечения непрерывного профессионального обучения. Вмешательство государства в данной сфере должно касаться только социально незащищенной группы населения. Следовательно, необходимо взаимодействие между государством и частным сектором.

Представляется целесообразным рассмотреть зарубежный опыт финансирования непрерывного образования. Финансирование образовательных услуг, помимо основных знаний и компетенций, включает два компонента — механизм распределения бремени затрат и государственные субсидии. Образовательные накопительные счета, займы частного сектора, контракты «человеческий капитал», гарантируемые государством студенческие кредиты, личные счета на развитие, ваучеры и именные гранты, обыкновенные гранты, налоговые кредиты и другие механизмы включают один или оба компонента. Большинство стран используют сочетание этих инструментов. Рассмотрим их более подробно.

Механизм распределения финансового бремени в обеспечении непрерывного образования, особенно профессионального образования, исключает участие бедных слоев населения. Такие механизмы, как образовательные кредиты, займы не получили своего распространения и действуют на бумаге. Построение институционального механизма через понятный алгоритм получения государственных субсидий позволит обеспечить право всех граждан на образование. Механизм государственных субсидий предполагает, что часть своих расходов оплачивает обучающийся. Финансовое участие обучающегося мотивирует обучающегося к учебе и делает его выбор более осознанным. Без государственного участия распространение получили следующие инструменты финансирования непрерывного обучения: образовательные кредиты, контракты «человеческий капитал», налог на будущий доход выпускника, определяемые доходом кредиты. В таблице 1 представлены инструменты государственного субсидирования. Первоначально они получили свое широкое применение для студентов, стремящихся получить высшее образование. Однако, в эпоху непрерывного профессионального образования данные инструменты применяются и для взрослого населения, стремящегося овладеть новыми компетенциями.

В таблице 1 представлены инструменты финансирования непрерывного обучения при содействии государства или самим обучающимся. Политика финансирования в сфере непрерывного образования должна способствовать предоставлению информации для обучающихся, увеличению возможностей для образовательных учреждений, росту конкуренции в об-

разовательной среде. основополагающим принципом, обеспечивающим критерии вышеупомянутой политики непрерывного профессионального образования, является сетевой или электронное обучение. Безусловно, это инструмент. Но инструмент, доказавший свою эффективность. Как отметил Олег Смолин, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке: «Развитие электронного обучения является во многом основой того самого технологического прорыва, о котором мы справедливо говорим в последнее время. Среди основных игроков на рынке электронного обучения — образовательная платформа Coursera. Сегодня здесь 25 миллионов слушателей, из них миллион-российских». На корпоративном уровне также международный опыт имеет ряд моделей финансирования непрерывного образования. Самые распространенные, из которых следующие:

1. Создание фонда поддержки непрерывного профессионального обучения. Во Франции Фонд по привлечению средств для профессионального образования, средствами которого распоряжается Национальная ассоциация по профессиональному обучению взрослых AFPA. Основной задачей ассоциации является борьба с безработицей и социальной изоляцией. Ассоциация AFPA — это «самая большая во Франции и в Европе организация профессиональной подготовки взрослых с общим числом персонала 11~<500 человек. Ее финансирование осуществляется на 80% из госбюджета и на 20% — из Европейского сообщества» [10]. В 98 региональных отделений фонда в соответствии с действующим законодательством на подготовку кадров концентрируются обязательные отчисления от фонда заработной платы предприятий региона на подготовку и повышение квалификации кадров в размере 0,25 (для предприятий с численностью менее 10 работающих), и 1,5% (для предприятий с численностью более 10 работающих). Фактические же затраты предприятий Франции на подготовку кадров составляют в среднем 3,5% от фонда заработной платы предприятий [11, с. 43].

2. Предоставление компаниям льгот при налогообложении в зависимости от затрат на обучение персонала. Данный инструмент является наиболее прозрачным, менее бюрократичен для реализации и демонстрирует наиболее очевидную связь между затратами и выгодами для работодателя.

Во всех изученных странах значимую роль в финансировании непрерывного профессионального обучения играет государство, кроме Великобритании. С конца прошлого столетия в Великобритании были подготовлены и опубликованы ряд правительственных документов, имевших целью развитие непрерывного образования в стране, которые утверждали статус LLL как широко-

масштабную задачу по взаимодействию образовательных учреждений, крупных работодателей, частных лиц и организаций. Необходимо указать на весьма скромную роль самого государства: программы повышения квалификации за государственный счет все же существуют, в размере до 75% от общей стоимости их поддерживает Совет по финансированию непрерывного образования. По большей части непрерывное образование осуществляется за счет предприятий, либо за счет привлечения частных инвестиций, либо сам работник оплачивает свое обучение, получая определенную правительственную поддержку.

Частные лица также могут рассчитывать на государственную поддержку: по ряду программ профессиональной переподготовки или повышения квалификации Министерством образования и занятости Великобритании предоставляются кредиты и займы в размере от 20% до 80% от стоимости обучения. В целом же государство обеспечивает систему непрерывного образования лишь на 10%, остальные 90% лежат на предприятиях и частных инвесторах [12, с. 4].

Таким образом, на современном этапе развития российского общества распространению системы непрерывного образования препятствует отсутствие законодательной базы об электронном обучении. Далее, отсутствуют и другие меры институционального обеспечения непрерывного профессионального обучения, а именно государственная аккредитация образовательных провайдеров системы непрерывного обучения; независимая система оценки результатов обучения; признание всеми работодателями единой формы серти-

фикации обучающихся. От построения институционального механизма непрерывного обучения зависит и система финансирования. Финансирование непрерывного профессионального обучения может осуществляться через механизм государственных субсидий, через инвестиции частного сектора. С точки зрения автора, в рамках непрерывного профессионального образования, где преобладает индивидуальная отдача от образования, должны увеличиваться вложения частного сектора на фоне действующего институционального механизма обеспечения непрерывного профессионального обучения.

Опыт зарубежных стран показал необходимость центра, координирующего непрерывное профессиональное образование, как на федеральном уровне с целью реализации образовательных проектов, так и на региональном уровне, учитывая территориальное разделение труда. С точки зрения автора, институционально система непрерывного образования целесообразно обеспечить не только на государственном уровне, но и на корпоративном, поскольку это усилит взаимосвязь рынка труда и рынка образовательных услуг, а именно усилит интеграцию высшей школы и бизнеса, разовьет конкурентоспособные направления профессиональной подготовки, позволит ввести многоканальную систему финансирования в сфере образования. Институциональное обеспечение непрерывного профессионального образования превращает современный университет в конструктор, как одного из провайдеров образовательных услуг, удовлетворяющих потребность обновления индивидуума в знаниях на протяжении всей его жизни с целью непрерывной адаптации на рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слостенин, В. А. Болонское соглашение: курс на интеграцию // Педагогическое образование и наука. — 2011. — № 8. — С. 4–7.
2. Каблов Е. Шестой технологический уклад // Наука и жизнь, № 4, 2010
3. Frey, C. and M. Osborne (2013), "The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation?" Oxford Martin School Working Paper
4. Атлас новых профессий. Альманах перспективных отраслей и профессий на ближайшие 15–20 лет. Сайт проекта: atlas100.ru. Полный текст: atlas100.ru/upload/pdf_files/atlas.pdf
5. Становление в России непрерывного образования: анализ на основе результатов общероссийских опросов взрослого населения страны. Информационный бюллетень. — Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. — с. 10 (Мониторинг экономики образования; № 5 (104)).
6. Источник: Становление в России непрерывного образования: анализ на основе результатов общероссийских опросов взрослого населения страны. Информационный бюллетень. — Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. — с. 13 (Мониторинг экономики образования; № 5 (10)).
7. Авраамова, Е. М., Клячко, Т. Л., Логинов, Д. М. Мониторинг непрерывного профессионального образования: позиции работодателей и работников / Е. М. Авраамова, Т. Л. Клячко, Д. М. Логинов. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — с. 12 — (Научные доклады: образование).
8. Будзинская О.В., Шейнбаум В. С. Институциональное обеспечение непрерывного инженерного образования // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 10, с. 33
9. Обучение на протяжении жизни в условиях новой экономики (Серия "Актуальные вопросы развития образования") — М.: "Алекс", 2006. — с. 129
10. Кадыров Н.Х., Опыт социального партнерства в профессиональной подготовке кадров во Франции и возможности развития взаимодействия предприятий и профессионального образования в Казахстане / Н. Х. Кадыров // Сборник статей «Подготовка кадров во Франции: примеры для использования

- в Казахстане». Ассоциация «Образование для всех в Казахстане», Национальный наблюдательный центр при поддержке Европейского фонда образования. — с. 11–16.
11. Краснова Г.А., Парфенова С. В. К вопросу о финансировании непрерывного профессионального образования в европейских странах // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2015. № 1 (198). Выпуск 33/1, с. 43
12. Савченко И. В. Механизмы реализации концепции LLL: опыт Великобритании // Концепт. — 2015. - № 9, с. 4

© Будзинская Ольга Владимировна (budzinskaya@bk.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени им. И.М. Губкина

К ОБОСНОВАНИЮ НАУЧНОГО ТЕЗИСА ОБ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ДИВИДЕНДЕ

Джолдошева Динара Сабатбековна

К.э.н., докторант, Киргизско-Российский Славянский
Университет имени Ельцина Б. Н
ddjoldosheva@yahoo.com

JUSTIFICATION OF THE SCIENTIFIC THESIS ON THE EPIDEMIOLOGICAL DIVIDEND

D. Djoldosheva

Summary. This article justifies the scientific thesis on definition of «epidemiological dividend». It set out the development of demographic transition, epidemiologic transition, and demographic dividend shortly. The definition of epidemiologic dividend means economic benefits from high to low cardiovascular mortality rate among working age population. Prevention of the premature cardiovascular death can increase a working age/dependents ratio, which creates demographic dividend. Besides the definition of «epidemiologic dividend» is more attractive and understandable to policy makers who define a priorities on financing of all sectors including health. More financial and human resources are crucial for developing countries, which have double or triple burden of diseases.

Keywords: demographic transition, epidemiologic transition, demographic dividend, epidemiologic dividend

Аннотация. Цель статьи — обоснование научного тезиса об эпидемиологическом дивиденде. Кратко изложена последовательная разработка теорий демографического перехода, эпидемиологического перехода и демографического дивиденда. Понятие «эпидемиологический дивиденд» подразумевает получение экономической выгоды от перехода высокой смертности к низкой среди населения трудоспособного возраста, прежде всего, от болезней системы кровообращения. Предотвращение преждевременной смертности трудоспособного населения от сердечно-сосудистых заболеваний приведет к сохранению и/или увеличению соотношения трудоспособной части населения к иждивенцам, то есть, обеспечит условия для получения демографического дивиденда. Кроме того, понятие «эпидемиологический дивиденд» более привлекательно и понятно, особенно, для лиц, принимающих политические решения, при определении приоритетов финансирования отраслей народного хозяйства в пользу системы здравоохранения, что крайне важно для развивающихся стран, испытывающих «двойное» или «тройное» бремя болезней и других состояний.

Ключевые слова: демографический переход, эпидемиологический переход, демографический дивиденд, эпидемиологический дивиденд.

Понятие «демографический переход» было предложено в 1945 году [14], а [27] в этом же году разработал модель демографического перехода, состоящую из четырех этапов (стадий), которые должны пройти все страны, но длительность этапов может различаться. Однако обоснование первой концепции демографического перехода было осуществлено в 1909–1934 годах французским демографом [24]. В последующие десятилетия благодаря трудам многих ученых теория демографического перехода совершенствовалась с учетом происходящих изменений в рождаемости, смертности, фертильности, миграции, этнического состава, брачного поведения и т.д. [2, 6, 34 и другие]. В 1971 году [29] обосновал теорию эпидемиологического перехода и выделил три последовательные стадии этого процесса. Первую стадию [29] охарактеризовал как эру мора и голода, когда средняя продолжительность жизни людей составляла 20–40 лет. Вторая стадия — это отступление пандемий, приведшее к увеличению средней продолжительности жизни до 30–50 лет. Третья стадия — это рост дегенеративных и «рукотворных» заболеваний таких, как болезни системы кровообращения и рак, а также внешние причины (несчастные случаи и др.). На этой стадии продолжается снижение смертности от инфекций, налаживается эффективный

контроль неинфекционных заболеваний, что сопровождается увеличением средней продолжительности жизни населения до 70 лет. На базе статистических данных в США с 1980-х годов и прогнозам по динамике средней продолжительности жизни населения до 2020 года [28] предложили выделить четвертую стадию эпидемиологического перехода, назвав её как стадию отсроченных дегенеративных заболеваний, когда благодаря новым медицинским технологиям и улучшенным программам здравоохранения смертность от неинфекционных заболеваний смещается в старческие годы. Пятая стадия эпидемиологического перехода связана с достижением желанного качества жизни, равенством, развитием и социальной справедливостью для всех [15]. В 1998 году на основе обширных исследований по изменениям возрастной структуры населения в результате снижения рождаемости, смертности и фертильности, обусловивших увеличение численности трудоспособной части населения по отношению к иждивенцам (дети и пожилые лица) [10] использовали понятие «демографический подарок (gift)», означающий позитивный вклад в экономический рост и развитие страны. В последующих трудах многих исследователей, в том числе из России, начало широко применяться определение «демографический дивиденд (dividend)» [1, 10, 21 и др.]. В связи с вышеизло-

женным, логичным представляется обоснование научного тезиса об эпидемиологическом дивиденде.

Во всех индустриальных государствах с 1960 года по 2000 год произошло снижение на одну треть стандартизированного по возрасту показателя смертности от болезней системы кровообращения (БСК) [25]. Это явилось результатом прогресса в профилактике и лечении, включая эффективный контроль гипертонии, прекращение/сокращение курения, применение статинов для снижения уровня холестерина крови, раннее использование тромболитиков и стентов для предупреждения инфаркта миокарда и другие. Например, в США стандартизированный по возрасту показатель смертности от БСК снизился на 22% в 1990–2013 годах соответственно от 376 до 274 на 100 тыс. населения. В 1980–2009 годах данный показатель снизился более чем на 70% среди мужчин и женщин Голландии и более чем на 60% в Великобритании и Ирландии [22, 30]. В связи с этим, были проведены многочисленные исследования по оценке предотвращенного экономического ущерба и прогноза экономического бремени от БСК. Так, согласно прогнозам [8], в США экономическое бремя от БСК к 2035 году достигнет более 1,1 триллиона долларов США, из них расходы на медицинские услуги составят 749 млрд. и не прямые расходы — 368 млрд. долларов США. При этом под непрямыми расходами подразумеваются потери от снижения производительности труда на рабочих местах и на дому. Стоимость лечения БСК непрерывно возрастает и составляет 6,8 млрд. долларов США в Англии, а в США ежегодные затраты в здравоохранении и потери производства достигают 320 млрд. долларов США [19]. Высокое экономическое бремя БСК наблюдается и в Канаде [11]. По данным [18], в целом экономическая цена БСК в 2014–2015 годах возросла в странах Европейского Союза и достигла 210 млрд. евро в год. Из них 53% (111 млрд. евро) — это стоимость медицинских услуг, 26% (54 млрд. евро) — производственные потери и 21% (45 млрд. евро) — официальная помощь больным с БСК. По базе данных Национальной медицинской страховой системы [33] определили экономический ущерб от БСК во Франции. Оплаченные затраты за медицинские услуги, предоставленные 3,5 миллионам больным с БСК составили 15,1 млрд. евро в 2015 году. В Японии в 2014 году в связи со смертностью от коронарной болезни сердца экономические затраты увеличились от 904,2 млрд. йен в 1996 году до 1 триллиона 040 млрд. йен. При этом экономические расходы на одного умершего также возросли от 12,6 млн. йен в 1996 году до 14,1 млн. йен в 2014 году [20]. С 1968 года по 2006 год показатель смертности от БСК в Австралии снизился соответственно от 830,6 до 201,9 на 100 тыс. населения, а от коронарной болезни сердца соответственно от 428,3 до 101,8 на 100 тыс. населения. Если бы данные показатели сохранялись на уровне 1968 года, то число смертей от них было бы в 4 раза

выше их уровня в 2006 году. То есть, вместо 45670 умерли бы 187000 австралийцев. Число сохраненных жизней составило более 140000 [9].

БСК стали также ведущей причиной смертности населения развивающихся стран, нанося огромный ущерб их экономическому развитию. Рост этих заболеваний объясняется быстрой урбанизацией и современным эпидемиологическим переходом, охватившем многие развивающиеся страны [17]. Показано, что недорогие, но эффективные профилактические вмешательства в развивающихся странах с высоким бременем БСК могут сохранять 24 млн. жизней ежегодно. Снижение смертности приведет к уменьшению экономических расходов развивающихся стран на 8 млрд. долларов США в год. Оценив экономическое воздействие БСК за 2010–2015 годы в Бразилии, [31] пришли к заключению о том, что они определяют 28% от всех причин смерти и 38% смертей трудоспособного населения страны (18–65 лет). В 2015 году оценочные расходы на БСК составили 37,1 млрд. бразильских реалов, увеличившись на 17% в 2010–2015 годах. На основе изучения экономического бремени БСК в 2016 году в Иране [16] установили, что затраты на одного больного составляют 1881,4 долларов США, а общая стоимость по стране достигает 1159,62 млн. долларов США или 6,7% ВВП страны. В Индии наблюдается быстрый рост БСК не только среди взрослого, но молодого населения. Учитывая данный негативный тренд, ожидается значительное падение экономической производительности в стране. Поэтому Индия может потерять выгоды от положительных демографических изменений, а именно, от увеличения доли трудоспособного населения. Это диктует целесообразность усиления профилактики, контроля и лечения БСК в стране [12]. За последние 30 лет в Китае произошли огромные эпидемиологические изменения, прежде всего, в результате эпидемии БСК, обусловленной урбанизацией, ускоренным старением населения и трансформацией образа жизни [13]. Экономический ущерб от БСК в Российской Федерации изучили [6] за период 2006–2009 годов. При этом учитывались, как прямые затраты, так и потери в экономике. Затраты на госпитализации, вызовы скорой медицинской помощи, амбулаторные посещения, высокотехнологичную медицинскую помощь, а также на медикаментозную терапию на амбулаторном этапе лечения рассматривались как прямые затраты. Потери в экономике включали снижение ВВП вследствие смерти в трудоспособном возрасте и временной нетрудоспособности, а также выплаты пособий по инвалидности. Суммарный экономический ущерб от БСК, по данным авторов, в 2008–2009 годах превысил 1 трлн. руб., что соответствовало 3% ВВП России за соответствующий период. 21,3% общего экономического ущерба в 2009 году составили прямые затраты системы здравоохранения, а 78,7% — потери в экономике. Значительный экономи-

ческий ущерб от БСК свидетельствует о необходимости большего инвестирования средств в профилактические программы и совершенствование медицинской помощи, что будет способствовать снижению риска смерти людей трудоспособного возраста [6, 7]. Результаты исследований [4] показали, что Россия потеряла 4,5 млн. лет потенциальной жизни в экономически активном возрасте, преимущественно, за счет мужчин (3,3 млн. лет). В целом экономический ущерб от БСК в стране в 2016 году составил 2,7 трлн. рублей или 3,2% ВВП. В структуре экономического ущерба свыше 90% составляют потери в экономике, обусловленные преждевременной смертью лиц экономически активного возраста. Высокая смертность от БСК является основной причиной отставания России от других государств по средней продолжительности жизни населения. Ситуация в России столь сложна, что вероятность того, что 15-летний российский мальчик не доживет до 60 лет составляет более 40%, т.е. на 16% выше, чем в Бразилии, вдвое выше, чем в Турции, и в четыре раза выше, чем в Соединенном Королевстве [32]. Смертность мужчин от БСК в Российской Федерации значительно выше, чем в других странах со сходным уровнем доходов на душу населения. В России соотношение смертности от БСК для разных возрастных групп было крайне неблагоприятным по сравнению со Швейцарией. Так, смертность пожилых людей в России превышала этот показатель в Швейцарии в два-три раза, а в возрастной группе от 30 до 34 лет — в 12 раз [32]. В Киргизской Республике, по данным [5], стандартизированный по возрасту показатель смертности от БСК в возрастных группах 30–44 лет и 45–59 лет составил соответственно 172,0 и 926,8 на 100 тыс. населения, а в Европейских странах группы А — соответственно 36,5 и 207,3 на 100 тыс. населения. Таким образом, смертность лиц наиболее трудоспособного возраста в КР в несколько раз превышала таковую в Европе. Кроме того, авторы отметили, что на протяжении 10 лет (1995–2005 годы) БСК занимали первое место как причина первичной инвалидности населения страны.

В 1990 году для согласованной оценки бремени болезней в разбивке по болезням, факторам риска и регионам [26] разработали методику глобального бремени болезней (ГББ). Результаты первого исследования ГББ были опубликованы в Отчете о мировом развитии Всемирного Банка в 1993 году [35]. Под ГББ подразумевается количество лет жизни, потерянных в результате инвалидности и годы жизни, утраченные из-за преждевременной смертности и в связи с состояниями здоровья, не отвечающими критериям полного здоровья (Disabled-Adjusted Life Year, DALY). Основной целью оценки ГББ является предоставление достоверной информации лицам, принимающим решения, для разработки политики здравоохранения по оптимальному распределению ресурсов и максимальному улучшению здоровья населе-

ния. В 2010 году было проведено обширное исследование ГББ с охватом 187 стран и 21 регионов, в том числе, Европы и Центральной Азии [34]. В совместном отчете Всемирного Банка, Института по измерению показателей здоровья и оценки состояния здоровья (Institute for Health Metrics and Evaluation, IHME) и Сети человеческого развития (Human Development Network) были представлены глобальные, региональные и на уровне отдельных стран изменения главных причин DALY, по потенциально изменяемым причинам потери здоровья и факторам риска. С 1990 года по 2010 год в КР увеличились потери DALY от коронарной болезни сердца, цирроза печени, туберкулеза и ВИЧ/СПИД, а уменьшились от острых кишечных инфекций, неонатальной энцефалопатии, осложнений при преждевременных родах и инфекциях нижних дыхательных путей. В России наблюдался рост потерь DALY, помимо коронарной болезни сердца, цирроза печени, туберкулеза и ВИЧ/СПИД, также от злоупотребления алкоголем, сахарного диабета и механических травм, но отмечено снижение потерь от рака легких и желудка, ХОБЛ и дорожно-транспортных происшествий [23]. При всех достоинствах метода оценки ГББ, он не учитывает экономическую составляющую, а именно, экономические потери или выгоды от изменений структуры болезней и факторов их развития. Вышеизложенные данные также свидетельствуют о множестве определений, касающихся экономических аспектов увеличения или снижения смертности от БСК, а именно, «экономический ущерб, экономическое бремя, экономические сбережения, экономическая цена, экономические затраты, статическая экономическая выгода и др. Однако, они не отражают важнейшую роль демографических процессов. С целью единообразия в понятийном аппарате экономической составляющей данной актуальной проблемы целесообразно введение понятия «эпидемиологический дивиденд» по аналогии с демографическим дивидендом, который получил мировое признание. Важным представляется также естественная взаимосвязь и взаимообусловленность между двумя определениями. Под эпидемиологическим дивидендом подразумевается получение экономической выгоды от перехода высокой смертности к низкой среди населения трудоспособного возраста, прежде всего, от БСК. Предотвращение преждевременной смертности трудоспособного населения от БСК приведет к сохранению и/или увеличению соотношения трудоспособной части населения к иждивенцам, то есть, обеспечит условия для получения демографического дивиденда. Кроме того, понятие «эпидемиологический дивиденд» более привлекательно и понятно, особенно, для лиц, принимающих политические решения, при определении приоритетов финансирования отраслей народного хозяйства в пользу системы здравоохранения, что крайне важно для развивающихся государств мира, испытывающих «двойное» или «тройное» бремя болезней и других со-

стояний. Учитывая опыт развитых стран мира, развивающиеся страны могли бы при соответствующей политической воле, пересмотре приоритетов финансирования отраслей экономики и социальной сферы в пользу системы здравоохранения достичь значительного сокращения смертности трудоспособного населения, прежде всего, от БСК, которые более «чувствительны» к профилактическим вмешательствам на уровне первичной ме-

дико-санитарной помощи и методам вторичной профилактики, и получить эпидемиологический дивиденд.

Хронологическое развитие исторически важных понятий (теорий, концепций) выглядит следующим образом: демографический переход — эпидемиологический переход — демографический дивиденд — эпидемиологический дивиденд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васин С. От депопуляции с дивидендом к депопуляции без дивиденда // Демоскоп Weekly, 2008, 21 января — 3 февраля 2008 года, № 317–318
2. Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика. 1982. — 287 с.
3. Ионцев В. А. Международная миграция населения и демографическое развитие России // Международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. редактор В. А. Ионцев. Выпуск 5. М.: Диалог-МАКС Пресс, 2000. — с. 38–62
4. Концевая А. В., Драпкина О. М., Баланова Ю. А. и соавт. Экономический ущерб сердечно-сосудистых заболеваний в Российской Федерации в 2016 году // Рациональная фармакотерапия в кардиологии, 2018, 14 (2). — с. 156–166
5. Кыдыралиева Р. Б., Рыскельдиева Э. Ф. Проблемы кардиологии в Кыргызской Республике // Российский кардиологический журнал, 2007, 5 (67). — с. 83–87
6. Оганов Р. Г., Концевая А. В., Калинина А. М. Экономический ущерб от сердечно-сосудистых заболеваний в Российской Федерации // Кардиоваскулярная терапия и профилактика, 2011, 10 (4). — с. 4–9
7. Стародубов В. И., Николаев Д. В., Коростылев К. А. О качестве данных профилактических программ в центрах здоровья и способе повышения эффективности бюджетных расходов // Аналитический вестник Совета Федерации РФ. Об актуальных проблемах борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Составители: О. Б. Анисеева, О. В. Павленко, С. Н. Титов, Е. А. Фалецкая. Аналитический вестник № 44 (597), 2015. — с. 19–43
8. American Heart Association. Cardiovascular disease: a costly burden for America. Projections through 2035, 2017. — 14 p.
9. Australian Government. Australian Institute of Health and Welfare. Trends in cardiovascular deaths. Bulletin 141 // September 2017. — 24 p.
10. Bloom D., Williamson J. Demographic trends and economic miracles in emerging Asia // World Bank Economic Review, 1998, 12 (3). — p. 419–455
11. Canada. PHAC2014. Public Health Agency of Canada. Economic Burden of Illness in Canada, 2005–2008 // PHAC, Ottawa, 2014. — 75 p.
12. Chauhan S., Aeri B. The rising incidence of cardiovascular diseases in India: Assessing its economic impact // Journal of Preventive Cardiology, 2015, 4 (4). — p. 435–440
13. Chen W., Gao R., Liu L. et al. China cardiovascular diseases report: a summary // Journal of Geriatric Cardiology, 2017, 14 (1). — p. 1–10
14. Davis K. The World Demographic Transition // Princeton University, the Office of Population Research, 1945 January 1
15. Defo B. Demographic, epidemiological, and public transitions: are they relevant to population health patterns in Africa? // Global Health Action, 2014, 7. — p. 10
16. Emamgholipour S., Sari A., Pakdaman M., Geravandi S. Economic Burden of Cardiovascular Disease in the Southwest of Iran // International Cardiovascular Research Journal, 2018, 12 (1). — p. 1–6
17. Estel C., Conti C. Global Burden of Cardiovascular Disease. Cardiovascular Innovations and Applications // 2016, 1 (4). — p. 369–377
18. European Cardiovascular Disease Statistics, 2017
19. Giedrimiene D., King R. Burden of cardiovascular disease (CVD) on economic cost. Comparison of outcomes in US and Europe // Circulation: Cardiovascular Quality and Outcomes, 2018, 10, A 207
20. Gochi T., Matsumoto K., Amin R. et al. Cost of illness of ischemic heart disease in Japan: a time trend and future projections // Environmental Health and Preventive Medicine, 2018, 23 (21). doi: 10.1186/s12199-018-0708-1
21. Gribble J. South Korea's demographic dividend // Population Reference Bureau, November 27, 2012. — 6 p.
22. Hartley A., Marshall D., Saliccioli J. et al. Trends in mortality from ischemic heart disease and cerebrovascular disease in Europe: 1980 to 2009. Circulation, 2016, 133 (20). — p. 1916–1926
23. IHME, 2013. Institute for Health Metrics and Evaluation, Human Development Network, the World Bank. The Global Burden of Disease: Generating Evidence, Guiding Policy — East Asia and Pacific Regional Edition // Seattle, WA: IHME, 2013. — 49 p.
24. Landry A. La revolution demographique. Paris, 1934. — 276 p.
25. Mensah G., Wei G., Sorle P. et al. Decline in cardiovascular mortality: Possible causes and implications // Circulation Research, 2017, 120 (2). — p. 366–380.
26. Murray C., Lopez A. Mortality by cause for eight regions of the world: Global burden of disease study // Lancet, 1997, 349 (9061). — p. 1269–1276
27. Notestein F. Population — The Long View. In: Food for the World, ed. T. W. Schultz. Chicago: University of Chicago Press, 1945. — p. 37–57
28. Olshansky S., Ault A. The fourth stage of the Epidemiologic Transition: The age of delayed degenerative diseases // The Milbank Quarterly, 1986, 64 (3). — p. 355–391
29. Omran A. The epidemiological transition: a theory of the epidemiology of population change // The Milbank Memorial Fund Quarterly, 1971, Vol. XLIX, № 4.
30. Roth G., Huffman M., Moran A. et al. Global and regional patterns in cardiovascular mortality from 1990 to 2013. Circulation, 2015, 132 (17). — p. 1667–1678
31. Siqueira A., Siqueira-Filho A., Land M. Analysis of the economic impact of cardiovascular diseases in the last five years in Brazil // Arquivos Brasileiros de Cardiologia, 2017, 109 (1) http://dx.doi.org/10.5935/abc.20170068

32. Suhrcke M., Rocco L., McKee M. et al. Экономические последствия неинфекционных заболеваний и травм в Российской Федерации // Европейская обсерватория по системам и политике здравоохранения. В03, 2008. — 97 с.
33. Tupina P., Riviere S., Rigault A. et al. Prevalence and economic burden of cardiovascular diseases in France in 2013 according to the national health insurance scheme database // Archives of Cardiovascular Disease, 2016, 109. — p. 399–411
34. Van de Kaa D. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin, 1987, 42 (1). — p. 1–59
35. World Development Report 1993. Investing in health // Oxford University Press, Washington, DC, 1993. — 348 p.

© Джолдошева Динара Сабатбековна (ddjoldosheva@yahoo.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНТРОЛЯ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

IMPROVING CONTROL OVER THE IMPLEMENTATION OF THE CONTRACT SYSTEM IN THE SPHERE OF CONSTRUCTION

V. Enya

Summary. The article analyzes the main problems of the state contractual system in the field of construction with the aim of proposing measures to improve the integrated mechanism of budget control and monitoring. The legislative base of the public procurement control system in the Russian Federation is considered. Special attention is paid to Federal Law No. 44-ФЗ, in which more government purchases are made in the construction industry. It highlights its main principles and the problem of practical application associated with the lack of a model for evaluating the effectiveness of public procurement of construction works. The main risks associated with corruption schemes, the purpose of which is the abuse and theft of budget funds, are listed. The mechanism for improving the monitoring of the execution of the contract system in the construction industry with the participation of the Federal Treasury of the Russian Federation has been considered. The main types of treasury support of public procurement / contracts are highlighted. The risks that are eliminated within the framework of the budget control of state contracts and the shortcomings that remain relevant for practical solutions are listed. In conclusion, the proposed list of measures to address other pressing issues that contribute to the improvement of the system of control over the execution of the contract system in the construction industry.

Keywords: procurement; government procurement; economic efficiency; public administration; procurement organization; 44-FZ; construction industry; control system; contract system; budget expenses; budget monitoring mechanism; Accounting Chamber; Federal Treasury.

Еня Владимир Владимирович

*Экономист, аудитор ведомственного контроля,
независимый исследователь
vnya@mail.ru*

Аннотация. в статье проведен анализ основных проблем государственной контрактной системы в сфере строительства с целью предложения мероприятий для совершенствования комплексного механизма бюджетного контроля и мониторинга. Рассмотрена законодательная база системы контроля государственных закупок в Российской Федерации. Отдельное внимание уделено Федеральному закону № 44-ФЗ, в рамках которого совершается большее число государственных закупок в сфере строительства. Выделены его основные принципы и проблема практического применения, связанная с отсутствием модели оценки эффективности государственных закупок строительных работ. Перечислены основные риски, связанные с коррупционными схемами, целью которых злоупотребление и кража бюджетных средств. Рассмотрен механизм совершенствования контроля за исполнением контрактной системы в сфере строительства при участии Федерального казначейства РФ. Выделены основные виды казначейского сопровождения государственных закупок/контрактов. Перечислены риски, которые устраняются в рамках бюджетного контроля государственных контрактов и недостатки, которые остаются актуальными для практического решения. В заключении предложен список мероприятий по решению других насущных проблем, способствующих совершенствованию системы контроля за исполнением контрактной системы в сфере строительства.

Ключевые слова: закупочная деятельность; государственная закупка; экономическая эффективность; государственное управление; организация закупок; 44-ФЗ; сфера строительства; система контроля; контрактная система; бюджетные расходы; механизм бюджетного мониторинга; Счетная палата; Федеральное казначейство.

Согласно проведенным исследованиям 48% государственных закупок в России — это контракты на проведение строительных работ. Тем самым, вопрос контроля за исполнением контрактной системы необходимо рассматривать, в первую очередь, по отношению к сфере строительства [1].

Актуальность совершенствования системы государственных контрактов и закупок связана с высоким уровнем коррупции при реализации инвестиционно-строительных проектов. Совершение незаконных действий чиновниками различных уровней приводят к многомил-

лиардным убыткам и хищениям средств из бюджетной казны Российской Федерации.

Так, из последних громких событий можно перечислить отдельные коррупционные скандалы, среди которых [9; 10]:

- ◆ коррупционный скандал вокруг космодрома «Восточный», где на протяжении 2006–2009 гг. были украдены 5,2 млрд. рублей, выделенных государством на строительство. При этом уголовную ответственность преступники несут лишь с 2017 года;

- ♦ дело братьев Магомедовых, состояние которых входит в сотку крупнейших семей России. По данным журнала Forbes, они присвоили 2,5 млрд. рублей бюджетных средств.

С целью страховки от повторения таких значительных потерь актуальной является задача по совершенствованию системы государственного контроля за контрактной деятельностью.

Отношения в сфере государственных закупок Российской Федерации регулируются Федеральным законом № 44-ФЗ «О Контрактной системе», регламентирующим закупку товаров, работ услуг для государственных и муниципальных нужд [1].

В нашем случае идет речь об эффективном использовании бюджетных средств. Законодательный акт предусматривает целую систему норм, правил, запретов и ограничений при осуществлении закупок.

Несмотря на сформированную систему контроля за государственными контрактами в сфере строительства, на сегодняшний день существует n-ое число фундаментальных проблем, негативно влияющих на эффективность использования бюджетных средств России. В связи с этим, возникает актуальность научного исследования вопроса совершенствования процесса контроля за исполнением контрактной системы РФ в сфере строительных работ.

Целью научной статьи является анализ основных проблем государственной контрактной системы в сфере строительства, определение основных текущих принципов, и предложение мероприятий для комплексного совершенствования механизма контроля.

Для этого необходимо решение следующих задач:

- ♦ рассмотреть законодательную базу системы контроля государственных закупок Российской Федерации, отдельное внимание уделить Федеральному закону 44-ФЗ, в рамках которого совершается большее число государственных закупок в сфере строительства;
- ♦ выделить основные принципы Федерального закона № 44-ФЗ и проблему практического применения, связанную с отсутствием модели оценки эффективности государственных закупок строительных работ;
- ♦ перечислить основные риски, связанные с коррупционными схемами, целью которых являются злоупотребление и кража бюджетных средств;
- ♦ рассмотреть механизм совершенствования контроля за исполнением контрактной системы в сфере строительства с участием Федерального казначейства РФ;

- ♦ выделить основные виды казначейского сопровождения государственных закупок/контрактов;
- ♦ перечислить риски, которые устраняются в рамках бюджетного контроля государственных контрактов и недостатки, которые остаются актуальными для практического решения;
- ♦ предложить список мероприятий по решению других насущных проблем, при ликвидации которых возможно совершенствование системы контроля государственных контрактов на строительные работы.

Система государственных закупок представляет собой ключевой элемент, через который проходит трансфер финансовых потоков в различные секторы экономики. Соответственно, именно от эффективности организации системы государственных закупок и ее работы зависит успешность функционирования строительного сектора России в целом [2].

Исследуя эффективность государственных закупок в сфере строительства, следует обратить внимание на их экономическую и общественную значимость. Эффективность государственных закупок характеризует в целом эффективность деятельности государства и, как интегральный показатель, раскрывает оптимальное распределение имеющихся у общества ресурсов для максимального удовлетворения публичных потребностей в условиях рынка.

Максимальная эффективность государственных закупок должна быть ориентирована на такой системный результат, который полностью соответствует приоритетам развития государства. В рамках федеральных национальных проектов большое внимание уделяется исследованиям и разработкам по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса страны. Ключевым инструментом государственного регулирования проведения закупочной деятельности выступает законопроект 44-ФЗ [2].

Согласно отчету Казначейства РФ, в 2017 году были достигнуты следующие результаты государственной системы закупок [4]:

- ♦ в единой регистрационной системе зарегистрировано на 2,44% больше заказов;
- ♦ планы-графики закупщиков составляли на 9,2 трлн. рублей;
- ♦ денежный объем рынка закупок вырос на 17%;
- ♦ средняя цена закупки выросла на 82%;
- ♦ 398,6 млн. рублей экономии средств при закупках.

В Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ есть упоминания об экономической эффективности государственных закупок, но нет, увы, определения о том, что

это такое и каким образом данная эффективность может быть измерена, тем более с учетом специфики деятельности различных государственных заказчиков, которых в России достаточно много. Как правило, традиционная эффективность закупочной деятельности в рамках 44-ФЗ определяется экспертным путем, либо оценивается исключительно рациональностью расходования бюджетных средств.

Согласно статье 58 Федерального закона № 44-ФЗ могут быть привлечены эксперты, которые участвуют в проведении закупочной деятельности. В статье 41 перечислены кто может быть экспертом, кто не может ним являться, какие существуют ограничения и цели деятельности экспертных групп, включая оценки государственных закупок [3].

Сами же эксперты, предлагают свои способы оценки эффективности государственных закупок, которые делаются по рейтинговой шкале. Таким образом, экспертная методика оценки предполагает субъективное мнение, которое зависит от отдельных личностей. Одни эксперты могут назвать экономическую оценку положительной, другие, наоборот, негативной. Чем больше количество экспертов, тем сложнее оценка, ведь мнения не сходясь будут вызывать рабочие конфликты.

Исходя из этого, экспертную оценку экономической эффективности проведения закупочной деятельности в рамках 44-ФЗ стоит признать неусовершенствованным методом, который необходимо проработать в рамках законодательства. Более того, именно вопрос оценки эффективности государственной закупки — ключевая проблема контроля за исполнением контрактной системы в сфере строительства.

Таким образом, оценка экономической эффективности проведения закупочной деятельности в рамках Федерального закона № 44-ФЗ является вопросом, который не имеет официальных государственных разработок, пояснений и моделей. Вопрос оценки эффективности государственных контрактов в строительной сфере является прямой причиной того, почему система контроля за исполнением несовершенная.

В случае отсутствия эффективной модели оценки целесообразности государственной закупки строительного-монтажных работ, отсутствует и оценка эффективности расхода бюджетных средств. Данная задача ложится на плечи не только Счетной палаты Российской Федерации и других контролирующих органов, но и на плечи российских ученых и экономистов.

Помимо оценки эффективности государственных закупок, в сфере строительства присутствуют и дру-

гие проблемы. Так, по состоянию на сегодняшний день, именно государственные закупки строительных работ подвержены максимальному уровню коррупции. Причиной этому является значительная доля строительных работ на общем рынке контрактной системы России.

Счетная палата Российской Федерации выделяют следующие основные виды коррупционных схем, наблюдаемых при исполнении контрактной системы в сфере строительства [1]:

- ◆ использование заказчиками устаревших подходов к ценообразованию строительных работ, а также использование в их рамках необоснованно высоких коэффициентов, что завышает реальную стоимость строительного проекта;
- ◆ авансирование расходов из бюджетной казны без того основания, а также отсутствие возврата денежных остатков после покрытия сметной стоимости строительного проекта;
- ◆ отсутствие проектной и технической документации на закупаемые строительные-монтажные работы;
- ◆ назначение нереальных временных периодов государственного тендера на закупку;
- ◆ победа в торгах исполнителя с заведомо заниженной рыночной ценой строительных работ, что сказывается на качестве материалов и приводит к строительству некачественного объекта.

В рамках совершенствования контроля за исполнением контрактной системы в сфере строительства и других отраслях экономики страны, в 2017 году Федеральное казначейство Российской Федерации стало одним из участников большого пилотного проекта по организации системы бюджетного мониторинга. Этот проект был разработан в целях обеспечения контроля за расчетами на всех уровнях кооперации. Эффективность такого контроля во многом зависит от качества и объема информации об исполнении контракта (договора, соглашения), получаемой из различных источников и подлежащей комплексному анализу в целях выявления и минимизации возможных бюджетных рисков [5].

Механизм реализации бюджетного мониторинга разработан во исполнение поручений Президента РФ и Правительства РФ. 14 июля 2017 года Правительство РФ утвердило распоряжение № 1502-р, в соответствии с которым Казначейству России поручено обеспечить казначейское сопровождение отдельных строительных проектов.

Изначально механизм казначейского сопровождения и бюджетного мониторинга контрактов был введен в 2016 году, с момента чего уже не раз подтвердил свою практическую ценность.

Согласно части 2 ст. 5 Закона № 415-ФЗ, казначейскому сопровождению подлежат следующие виды финансовых и экономических операций [7]:

- ◆ субсидии юридическим лицам и государственные инвестиции, источником которых является государственный бюджет России;
- ◆ авансовые платежи по государственным контрактам на выполнение работ, поставки товаров, предоставления услуг, заключаемых на сумму свыше 100 млн. рублей (что крайне актуально для строительной сферы);
- ◆ авансовые платежи по государственным контрактам, которые осуществляются в рамках взаимодействия исполнителя и соисполнителя;
- ◆ денежные средства, получаемые в рамках государственного контракта и в случаях, установленных Правительством РФ.

На сегодняшний день, по мнению руководителя Федерального казначейства РФ Романа Артюхина, сформированы три основных вида казначейского сопровождения [6]:

- ◆ базовый механизм, имеющий распространение на авансы государственных контрактов и получателей субсидий (с его помощью формируется механизм, при котором оплата государственных субсидий и авансов происходит при целевом назначении. В случае отсутствия целевой значимости их выплаты, формируются резервные накопления. Так, за все время работы разработанной программы сформированы накопления по системе авансов государственных контрактов в размере 11 млрд. рублей и по выплате субсидий в размере 32 млрд. рублей (по состоянию на 1 сентября 2018 года));
- ◆ расширенный механизм, при котором денежные средства проходят не только через казначейские счета, но и проходят через требования предоставления их расходной декларации (с помощью данного механизма сформирована система учета реальных затрат поставщиками и контроль над выполнением их обязательств по государственным контрактам. Тест данного механизма был опробован при сопровождении государственного контракта на создание информационной системы к Чемпионату мира по футболу — 2018, проходившего в России);
- ◆ полное сопровождение финансово-хозяйственной деятельности отдельных юридических лиц, выбранных государственными органами власти РФ (примером использования механизма являются акционерные общества «Свободные экономические зоны»).

Подтверждением практической значимости контроля государственных контрактов в сфере строительства

со стороны органов Федерального казначейства России выступают проекты, которые подпадают под данный механизм государственного регулирования:

- ◆ строительство дорог в Московской области;
- ◆ строительство медицинского центра в Красноярском крае;
- ◆ строительство крупных объектов рыночной инфраструктуры на Крымском полуострове.

Процесс бюджетного контроля государственных строительных проектов в России на основе контрактной системы со стороны Федерального казначейства осуществляется с очередностью следующих этапов [8]:

- ◆ подготовка проведения бюджетного мониторинга;
- ◆ осуществление процесса бюджетного мониторинга;
- ◆ применение мер реагирования;
- ◆ оформление отчетов бюджетного мониторинга;
- ◆ оценка результатов осуществления бюджетного мониторинга.

С начала 2018 года, в России было заключено 4550 контрактов на общую сумму 2,1 трлн. рублей. Необходимо понимать, что цена каждого контракта не менее 100 млн. рублей, уже является подтверждением высокого уровня значения совершенствования системы контроля за исполнением государственных контрактов.

Таким образом, Федеральное казначейство России проводит финансово-бюджетный контроль уже половины рынка государственных контрактов, что делает его эффективность еще выше.

На примере строительной отрасли России, можно привести следующие виды рисков, которые устраняются за счет работы казначейского сопровождения и бюджетного мониторинга [5]:

- ◆ риски необоснованного планирования расходов;
- ◆ риски неэффективного использования бюджетных средств, полученных в распоряжение;
- ◆ риски не достижения целевых показателей, запланированных при осуществлении проектов;
- ◆ риски неисполнения государственных контрактов;
- ◆ риски сговора участников государственной закупки;
- ◆ риски вывода средств бюджета через фиктивные компании;
- ◆ риски неустойчивости финансового положения участников государственных закупок.

Исходя из возложенных на Федеральное казначейство РФ задач, устраняются все возможные риски, приводящие к коррупционным схемам в рамках реализации

строительных проектов посредством контрактной системы.

Несмотря на положительные стороны применения контроля Федерального казначейства в рамках механизма бюджетного мониторинга, существуют отдельные недостатки, которые необходимо доработать на уровне законодательного поля:

- ◆ если раньше свободные денежные средства находились на счетах головной компании, то на сегодняшний день они разбиты на дочерние компании, которые выступают субподрядчиками при выполнении государственного контракта. Это способствует выводу денежных средств без участия контроля со стороны государственных регулирующих органов;
- ◆ с помощью отсутствия аванса при выполнении государственного контракта, компании могут извлекать банковское, а не казначейское сопровождение;
- ◆ при заключении государственных контрактов не предусматривающих условий авансирования исполнителя, как правило отсутствовала экономия средств (так, при проведении авансирования, максимальная цена контракта опускается в среднем на 3–6 процентов от первоначальной суммы);
- ◆ в контрольно-надзорных органах отсутствует единая методика аудита контрактной системы.

Помимо вышеперечисленных рекомендаций по совершенствованию контроля за исполнением контрактной системы в сфере строительства, необходимо предложить и другие механизмы, практическое применение которых увеличит эффективность использования бюджетных средств в рамках государственных закупок:

- ◆ исследования различных авторов подтверждает необходимость реформирования законодательной базы государственных контрактов, которая слишком усложнена;
- ◆ необходимо введение механизма общественного контроля государственных контрактов;
- ◆ необходимо стимулирование развития рынка закупок;
- ◆ введение более точного планирования рынка государственных контрактов на строительные работы;

- ◆ более частый допуск на рынок строительных контрактов предприятий малого и среднего бизнеса;
- ◆ необходимо совершенствовать систему ответственности за несоблюдение контрактов со стороны исполнителей, которые в рамках уклонения создают фирмы-однодневки;
- ◆ введение в Закон о контрактной системе требований о квалификационном отборе исполнителей и подрядчиков в неконкурсных процедурах закупки;
- ◆ введение единой программы подготовки специалистов контрактной службы, изменение их мотивационной системы, повышение уровня оплаты труда и привлечение высококвалифицированных специалистов;
- ◆ необходимо определить единый орган контроля за контрактной системой.

Таким образом, существующая государственная система контроля и мониторинга контрактных заказов в сфере строительства Российской Федерации требует своего усовершенствования. При научном исследовании установлено, что за последние 2 года, правительство России внедрило новые инструменты, целью которых является увеличение эффективности контрактной системы. Несмотря на такие меры, практический уровень эффективности государственных заказов при строительных работах достаточно низкого уровня.

По этой причине, с целью его повышения, необходимо принятие новых мер и инструментов с целью совершенствования механизма контроля и мониторинга за исполнением контрактной системы. Более того, решение данного вопроса напрямую влияет и на эффективность расходования бюджетных средств, а при эффективной реализации государственных заказов возможно совершенствование и условий рыночной инфраструктуры. В связи с этим, необходимо проводить дальнейшие научные исследования на данную тематику. Учитывая разработанные рекомендации, необходимо их практическое применение, с целью дальнейшего анализа эффективности системы контроля за государственными закупками. Лишь при соблюдении комплексной программы возможны структурные изменения. Реализуя по отдельности некоторые инструменты — российская система контроля за соблюдением законодательства в контрактной системе особо не изменится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаева Е. П. Особенности и проблемы системы госзакупок в строительстве. URL: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2016/26476.pdf> (дата обращения 29.10.2018).
2. Шешукова Т. Г., Мальцева А. А. Методика оценки эффективности государственных закупок в национальных исследовательских университетах // Международный бухгалтерский учет. — 2015. — № 6 (348). — С. 28–36.

3. Чертков В. С. Практика применения закона о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд через систему контроля // Международный научно-исследовательский журнал. — 2015. — № 10 (41) Часть 1. — С. 80–84.
4. Итоги закупок по 44-ФЗ за 2017 год от Минфина. URL: <http://zakupki-kontur.ru/news/itogi-zakupok-po-44-fz-za-2017-god-ot-minfina/> (дата обращения 11.10.2018).
5. Бюджетный мониторинг. Практические аспекты. URL: <http://bujet.ru/article/344226.php> (дата обращения 29.10.2018).
6. Роман Артюхин: Механизм казначейского сопровождения интенсивно развивается // Федеральное казначейство. URL: <http://roskazna.ru/novosti-i-soobshheniya/novosti/1328092/> (дата обращения 29.10.2018).
7. Бюджетный кодекс Российской Федерации — Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2016).
8. Реализация полномочий Федерального казначейства в рамках контроля целевого расходования бюджетных средств. URL: https://www.keysystems.ru/news/seminar/09_2017_seminar/celeveye_rashody.pdf (дата обращения 29.10.2018). Массовые хищения на космодроме «Восточный». URL: <https://www.mk.ru/social/2018/02/26/massovye-khishheniya-na-kosmodrome-vostochnyy-figuranty-poluchili-novye-sroki.html> (дата обращения 11.11.2018). Дела семейные. Как братья Магомедовы строили бизнес и к чему привела их ссора. URL: <http://www.forbes.ru/milliardery/365175-dela-semeynye-kak-bratya-magomedovy-stroili-biznes-i-k-chemu-privela-ih-ssora> (дата обращения 11.11.2018).

© Еня Владимир Владимирович (vvenya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕФТЕГАЗОВАЯ ОТРАСЛЬ ЭКОНОМИКИ РФ: РЕСУРСНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

THE OIL AND GAS INDUSTRY
OF THE ECONOMY OF THE RUSSIAN
FEDERATION: RESOURCE DEPENDENCE
AND THE POTENTIAL OF SUSTAINABLE
DEVELOPMENT

Y. Zabaikin
Z. Nazarova
O. Roshchina
E. Knyazeva
K. Boyko
Z. Shidiev

Summary. The article analyzes the specifics of the macroeconomic concepts of the “resource curse” and the “Dutch disease”, which are exclusively relevant for Russian reality with its export-raw material orientation. It was stated that the prospects for effective economic development of a resource-rich country should not be focused only on overcoming the “resource curse”. According to the authors of the article, the increase in the global competitiveness of the Russian economy should also be associated with the optimization and stimulation of the innovative development of the oil and gas industry to the benefit of maintaining the achieved positions in the global energy market while further harmonizing the national economic system. The main endogenous (first of all, structural and technological) and exogenous difficulties (in particular, geopolitical contradictions and sectoral sanctions), which restrain the restructuring of the oil and gas industry of Russia, were identified.

Keywords: raw materials, hydrocarbons, oil and gas industry, resource availability, resource curse, Dutch disease.

Забайкин Юрий Васильевич

К.э.н., доцент, МГРИ–РГГРУ

79264154444@yandex.com

Назарова Зинаида Михайловна

Д.э.н., профессор, МГРИ–РГГРУ

Рощина Ольга Евгеньевна

Д.э.н., профессор, МГРИ–РГГРУ

Князева Екатерина Васильевна

Аспирант, МГРИ–РГГРУ

Бойко Кирилл Николаевич

МГРИ–РГГРУ

Шидиев Заур Маусович

МГРИ–РГГРУ

Аннотация. В статье проанализирована специфика макроэкономических концепций «ресурсного проклятия» и «голландской болезни», исключительно актуальных для российской действительности с её экспортно-сырьевой ориентацией. Констатировано, что перспективы эффективного экономического развития ресурсообеспеченной страны не должны быть сконцентрированы лишь на преодолении «ресурсного проклятия». По мнению авторов статьи, повышение глобальной конкурентоспособности экономики России также должно быть связано с оптимизацией и стимулированием инновационного развития нефтегазовой отрасли на благо удержания достигнутых позиций на мировом рынке энергоносителей при дальнейшей гармонизации национальной экономической системы. Выделены основные эндогенные (в первую очередь, структурные и технологические) и экзогенные сложности (в частности — геополитические противоречия и секторальные санкции), сдерживающие реструктуризацию нефтегазовой отрасли России.

Ключевые слова: сырьевые ресурсы, углеводороды, нефтегазовая отрасль, ресурсообеспеченность, проклятие ресурсов, голландская болезнь.

В существующих условиях геополитического хаоса и гибридных войн решение вопросов оптимизации использования природных ресурсов России (в частности — нефти и газа) становится важнейшей и исключительно актуальной задачей сохранения национального суверенитета, повышения качества жизни россиян, обеспечения социально-экономической защищенности и устойчивости нашей страны.

Добыча и использование нефтегазовых ресурсов в экономических связях — одна из самых многогранных, неоднозначных и обсуждаемых проблем, исследуемых как в российской, так и зарубежной научной и экспертной литературе. Распространенной является теория «ресурсного проклятия», декларирующая инновационно обусловленную экономическую развитость стран,

характеризуемых дефицитом природных ресурсов, с одной стороны, и примитивизацию процессов хозяйствования при недостаточных темпах экономического роста в странах, богатых в ресурсном отношении, с другой. Хотя устойчивое словосочетание «ресурсное/сырьевое проклятие» предполагает рассмотрение всего спектра добычи минерального сырья, в последние годы акценты перенесены в сферу изучения политических и экономических рисков обширного экспорта углеводородов. Противопоставление таких стран, как Япония, Сингапур с одной стороны, и Российской Федерации и стран ОПЕК с другой, подтверждает существование подобной зависимости.

Эффект «ресурсного проклятия», по оценкам ученых, тесно взаимосвязан с феноменом «голландской

болезни» (при этом оценки того, какой из этих экономических феноменов является первичным, разнятся). С позиции разрушительного воздействия на экономику в долгосрочной перспективе опасность «голландской болезни» заключается в отвлечении экономических ресурсов из технологичных, генерирующих инновации и открытых для них обрабатывающих отраслей промышленности в добычу сырья и сферу услуг, которая всегда выигрывает от роста номинального благосостояния. Укрепление национальной валюты на базе экстра-доходного экспорта делает национальные товары менее конкурентоспособными по сравнению с товарами других стран как на мировом, так и на внутреннем рынке. В результате спрос на национальные товары снижается, что ведет к сокращению их производства и дальнейшей деиндустриализации [16].

Рассматривая специфику воздействия данных макроэкономических теорий на примере экономики России, необходимо указать, что наша страна обладает крупнейшими и интенсивно разрабатываемыми запасами углеводородов. Благоприятная ценовая конъюнктура, существовавшая на мировых рынках энергоносителей в первом десятилетии XXI века, обеспечившая Россию значительными доходами от экспорта ресурсов, способствовала общему повышению платежеспособного спроса, что позволяло российскому бизнесу наращивать производство без соразмерного повышения инвестиционной активности: так, за период 1992–2015 гг. доля инвестиций в основной капитал в ВВП России в среднем составляла всего 17,6%, а за период максимального роста цен на углеводороды в 1999–2008 гг. — 17,2%, что не является достаточным для обеспечения расширенного воспроизводства экономики. Кроме того, повышение налоговой нагрузки на сырьевой сектор с целью изъятия сверхдоходов хоть и позволило сформировать суверенные стабилизационные фонды, но, по сути, лишь забирало финансовые ресурсы из экономики и не способствовало значительной активизации инвестиционных процессов. Несовершенство российского рынка капитала сдерживало доступ отечественных предприятий к долгосрочному кредитованию, однако смягчалось наличием возможности использования внешних заимствований. Вместе с тем это, в свою очередь, создавало новые риски и угрозы, нашедшие выражение в условиях девальвации рубля в 2008 и 2014 гг. Вызванный данными условиями низкий уровень инвестирования привел к обострению проблемы износа основных производственных фондов, уровень которого вырос с 41,9% в 1999 г. до 45,3% в 2008 г., продолжив свой рост до 49,4% в 2015 г. [1, 3, 16].

Обострение геополитического соперничества, деструктивное и необоснованное воздействие западных экономических санкций заставило российские биз-

нес-структуры столкнуться с резким ограничением доступа к внешнему финансированию, отягощенному значительным ростом процентных ставок внутри страны. Эти факторы лишь пролонгировали процессы недостаточной инвестиционной активности и ухудшали перспективы восстановления экономики нашей страны. Однако при общем снижении инвестиций за период 2014–2016 гг. на 12,2%, инвестиции в добычу полезных ископаемых увеличились на 22,5% [12]. Таким образом, рассмотренные процессы привели к формированию в России экономики исключительно экспортно-сырьевого типа, переориентация которой не стала интересна экономическим агентам даже в период ярчайшего проявления сформированных проблем. Подобная направленность экономического развития обеспечила деформацию модели поведения субъектов хозяйствования с производительной и новаторско-предпринимательской на ориентированную на поиск ресурсной ренты, а модель поведения государственных управленцев — с рационализированно-бюрократизированной (в рамках идеального типа бюрократии по М. Веберу) на коррупциогенную и также рентоориентированную. По сути, превращение экспорта сырья в основной регулятор федерального бюджета и высокая концентрированность экспорта сформировала исключительную уязвимость страны к внешним шокам на мировых рынках.

Несмотря на многочисленные научные работы, распространившие макроэкономические концепции «ресурсного проклятия» и «голландской болезни», представляется, что примеры США, Норвегии, ОАЭ опровергают наличие подобной взаимосвязи между сырьевым богатством, качеством экономического развития и темпами экономического роста. Все больше современных исследователей указывают, что концепция «ресурсного проклятия» в современных условиях не находит достаточных подтверждений, а природные ресурсы при грамотном их использовании (что остается актуальным, впрочем, и для ресурсов иных типов) оказывают исключительно благотворное влияние на экономику. Дополнительно целесообразно сделать акцент на излишней политизированности концепций «голландской болезни» и «ресурсного проклятия». Ссылаясь на них, действительно удобно объяснять парадоксы и провалы экономического роста в ресурсообеспеченных странах, не углубляясь в анализ реальных предпосылок и факторов, обуславливающих качество и специализацию экономического развития [13].

«Проклятием» России необходимо признать не собственно её богатство ресурсам, а неэффективность государственного управления и отсутствие механизмов, стимулирующих стратегический подход к ведению бизнеса в данной сфере. В этой связи использование тезиса о деструктивной экспортно-сырьевой зависимости России

дезинформирующе и неэффективно. Более конструктивным представляется переход к оценке и формированию в обществе восприятия богатства природными ресурсами как естественной уникальности и избранности России, специализация на добыче которых (конечно, развиваемая в конструктивном направлении) не является признанием отсталости экономической системы и народа в целом. За счет использования мультипликативного эффекта доходы от добычи природных ресурсов целесообразно рассматривать как возможность для развития других отраслей. Более того, именно энергетика, неразрывно связанная с потреблением природных сырьевых ресурсов, является основой любой экономики (в том числе и цифровой), а сам процесс добычи и переработки сырья обуславливает необходимость непрерывного научного прогресса и совершенствования технологий. Учитывая данные предпосылки, Россия не должна отказываться от развития нефтегазовой отрасли. Сохраняя эту сферу, важно ускорить её развитие на основе внедрения инновационных разработок и углубления перерабатывающих индустрий, попутно инвестируя средства и в другие отрасли хозяйствования для создания гармоничной экономической системы.

Значительно снижают потенциал устойчивого развития российского нефтегазового комплекса замедленные процессы его реструктуризации. По оценкам экспертов, поддержание уровня добычи в пределах 525–530 млн. т даже в среднесрочной перспективе требует разработки трудно извлекаемых запасов нефтяных ресурсов на шельфовых месторождениях в Арктике. Также необходимо учесть, что запасы нефти на разрабатываемых в настоящее время месторождениях выработаны более чем на 65% в европейской части России и более чем на 70% — на Урале и в Поволжье. Современный уровень добычи нефти на 77% обеспечивается за счет разработки крупных месторождений, запасов которых хватит еще на 8–10 лет [14]. Сложность ввода в эксплуатацию новых месторождений заключается в том, что на действующих месторождениях себестоимость добычи нефти существенно ниже, чем на новых по объективным причинам, начиная от масштабов самих месторождений и заканчивая их геологическими особенностями — как правило, это месторождения с ТРИЗ и шельфовые месторождения. Кроме того, необходимо систематически проводить разведку новых месторождений. Ситуация усугубляется тем, что в настоящее время порядка 70% нефти добывается на таких крупных месторождениях, как Самотлор, Уренгой, Ромашкинское, Ванкорское и др., но уже в недалекой перспективе прирост добычи нефти будет обеспечиваться за счет более мелких месторождений, начальные объемы извлекаемых запасов на которых не превышают 10–15 млн. тонн. В целом структура минерально-сырьевой базы (МСБ) природного газа в России более благоприятна, чем структура МСБ нефти, од-

нако тенденции происходящих изменений имеют много сходства. Такая ситуация связана с тем, что на протяжении многих десятилетий в России традиционно велась выборочная добыча запасов легкодоступного «сухого» газа, что постепенно ухудшало структуру МСБ [17]. Для того, чтобы поддерживать достигнутый уровень добычи в ближайшей перспективе необходимо приступить к активизации освоения запасов так называемого «жирного» газа и газа, содержащего конденсат.

С целью решения данных проблем, конечно, необходимо поступательно работать над поиском и нахождения оптимального вектора совершенствования налогового законодательства. Дополнительно с целью оптимизации процессов разработки новых месторождений, углубления процессов переработки сырья, общего преодоления технологического отставания и импорто-технологической зависимости были разработаны стратегии развития инновационного импортозамещения, основные положения которых зафиксированы в таких нормативных актах, как «Энергетическая стратегия России на период до 2035 года»; «Стратегия развития энергомашиностроения Российской Федерации на 2010–2020 годы и на перспективу до 2030 года»; «План мероприятий по снижению зависимости российского ТЭК от импорта оборудования, технических средств, комплектующих, услуг (работ) иностранных компаний и использования иностранного программного обеспечения». Импортозаместительная стратегия разделена на несколько этапов, переход между которыми должен осуществляться по мере достижения установленных значений ключевых показателей. С 2018 по 2020 годы предполагается сократить импорт оборудования до 8% за счет увеличения локальных закупок до 92%. С 2020 по 2030 годы сокращение импорта оборудования должно достигнуть 3–5% при росте локальных закупок [4]. При этом основными целями импортозамещения как одного из стратегических направлений развития нефтяной отрасли российской экономики являются: повышение конкурентоспособности продукции национальных производителей; снижение, а в дальнейшем ликвидация зависимости России от экспортируемых технологических решений; стимулирование технологического совершенствования комплектующих и оборудования для добычи нефти.

Инновационное развитие сектора должно стимулироваться как на уровне корпораций, так и на уровне государства и наднациональных объединений в контексте повышения экологической безопасности и экономической недропользования. Непосредственно создание, внедрение и коммерциализация инноваций могут совершаться субъектами трех уровней:

- ◆ крупными вертикально-интегрированными корпорациями, играющими центральную роль в тех-

нологическом развитии сектора и формирующемся спросом на новые технологические решения;

- ◆ независимыми нефтегазовыми компаниями, оперирующими меньшими ресурсами и ведущими свою деятельность более гибко и адаптивно, в том числе — на сложных месторождениях, где необходимо применение новых технологий;
- ◆ обеспечивающие нефтесервисные компании, производящие в условиях возрастания интереса к аутсорсингу значительную часть технологических инноваций, связанных с разведкой и добычей нефтегазовых ресурсов [4].

Вместе с тем, подобное трехуровневое развитие в условиях России существенно затруднено ввиду сосредоточения основного объема добычи нефтегазовых ресурсов в группе крупнейших вертикально-интегрированных нефтяных компаний. Подобная структура сектора во многом обусловлена подходом к организации нефтегазовой промышленности, который применялся ещё во времена СССР и был связан с опорой на освоение крупнейших месторождений. Несмотря на предпринятые в 1990-х гг. в ходе приватизации попытки преобразований, государству так и не удалось преодолеть инерционность организационной структуры. Более того, в последнее десятилетие наблюдается даже усиление прямого участия государства (в виде роста доли госкомпаний) в деятельности нефтегазового сектора, что приводит к использованию режима «ручного управления», тормозящего развитие независимых нефтегазовых компаний, не обладающих необходимыми лоббистскими ресурсами. Так, например, в Соединенных Штатах Америки США насчитывается более 14000 компаний-операторов, отвечающих за разработку нефтегазовых месторождений (в том числе компании мирового уровня — ExxonMobil, Chevron, ConocoPhillips), при этом на 10 крупнейших операторов приходится около 54% доказанных запасов нефти и 48% природного газа, что является относительно невысоким уровнем концентрации [6, 14].

В этой связи дискуссионным остается вопрос о необходимости формирования кластеров в отрасли. С одной стороны, задача кластеризации нефтегазового сектора

отражена в «Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года», поскольку, по экспертным оценкам, объединенные в рамках кластера предприятия функционируют более эффективно, опираясь на наиболее специализированные активы и повышенную скорость диффузии инноваций. С другой стороны, рассмотренные проблемы в структуре отрасли уже сами по себе являются следствием сохранившегося со времен СССР направления к формированию крупных региональных взаимосвязанных комплексов нефтегазодобычи, подконтрольных государству. Внедрение кластероориентированного подхода может лишь усугубить данную особенность нефтегазовой отрасли России.

Таким образом, вопросы существования обратной взаимозависимости между уровнем экономического роста и развития государства и его ресурсообеспеченностью продолжают оставаться дискуссионными в современной научной и экспертной среде. Так или иначе, ни концепция «голландской болезни», ни теория «ресурсного проклятия» не являются доказательством того, что экономическое развитие и качество жизни в странах с данными эффектами стало бы выше и лучше при отказе от политики интенсивного недропользования. Мы полагаем, что для Российской Федерации является нецелесообразным отказ от развития нефтегазовой отрасли в пользу исключительного акцентирования управленческих, финансовых и трудовых ресурсов на столь трендовом сегодня направлении формирования нематериальной цифровой экономики. Напротив, необходимо сохранять и углублять «нефтегазовую специализацию», ускорять рост и развитие данной отрасли на основе внедрения инновационных разработок и совершенствования перерабатывающих индустрий, попутно инвестируя средства и в другие отрасли хозяйствования для создания диверсифицированной экономической системы, исключительно конкурентоспособной на мировом рынке сырья, но также защищенной от внешних «шоков», геополитического давления и агрессии. Работа в данном направлении требует стратегического инновационного импортозамещения, интегрирующего возможности государства и бизнеса по созданию, коммерциализации и применению инновационных технологий отечественной разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейзеров Н.А., Васильева С.А., Фортуна Е.Д. Голландская болезнь в России — проблемы и решение // Ученые записки Международного банковского института. — 2015. — № 11 (2). — С. 37–44.
2. Бирюков С.В. Политэкономика ренты и Россия. Существует ли средство от «голландской болезни»? // Общественные науки и современность. — 2015. — № 2. — С. 20–30.
3. Гильмундинов В.М. Новые аспекты «голландской болезни» экономики России в условиях санкций: риски и рецепты // Идеи и идеалы. — 2017. — Т. 1. № 1 (31). — С. 68–81.
4. Дежина И.Г., Спасенных М.Ю., Фролов А.С., Арутюнян А.Г., Мясников А.В., Вершинин А.В., Смирнов Н.Ю., Осипцов А.А. и др. Актуальные технологические направления в разработке и добыче нефти и газа / под науч. ред. Дежиной И.Г., Мясникова А.В., Коротеева Д.А. — М: БИТУБи, 2017. — 220 С.

5. Ермакова А.А., Калинин Д. Д. Влияние нефтегазового сектора на развитие экономики в России // Бенефициар. — 2017. — № 15. — С. 65–68.
6. Кородюк И.С., Трофимов С.Е. Нефтегазовый комплекс России как объект государственного регулирования // Baikal Research Journal. — 2017. — Т. 8. № 2. — С. 18.
7. Королев П. Ю. Сырьевой экспорт России: тиски, проклятие или осознанная необходимость? // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2016. — № 4 (60). — С. 70–75.
8. Куян М. А. Ресурсное проклятие России: миф или реальность? // Вестник Омского университета. — 2016. — № 1. — С. 140–143.
9. Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Тарасов А.Г. Роль внешнеэкономической составляющей в развитии российской нефтяной отрасли // Управленец. — 2017. — № 6 (70). — С. 28–39.
10. Ларин С.Н., Стебеньяева Т. В., Знаменская А. Н. Мероприятия и механизмы импортозамещения в рамках стратегии развития нефтяной отрасли российской экономики // Успехи современной науки. — 2017. — Т. 3. № 2. — С. 7–14.
11. Легусова О.Н., Цацкин В. В. Современное состояние нефтяной промышленности и тенденции её развития // Новая наука: Проблемы и перспективы. — 2016. — № 6–1 (85). — С. 154–159.
12. Николаев М.А., Махотаева М. Ю. Основные составляющие инвестиционной безопасности и их оценка // Научно-технические ведомости СПбГПУ. — 2017. — Т. 10. — № 5. — С. 34–45.
13. Садовская В.О., Шмат В. В. Парадокс «ресурсного проклятия»: межстрановой анализ // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — Т. 61. № 3. — С. 25–35.
14. Соколов Н.А., Ларин С. Н. Перспективы развития нефтегазового сектора российской экономики в условиях реализации программ импортозамещения // Бюллетень науки и практики. — 2018. — Т. 4. — № 1. — С. 191–206.
15. Трубицын Д. В. Исследование ресурсного проклятия в экономике, возможности использования их результатов в концепции модернизации // Ученые записки Забайкальского государственного университета. — 2014. — № 4 (57). — С. 102–113.
16. Школьнова Д. А. Проблема голландской болезни в экспортно-сырьевой экономике // Проблемы современной экономики (Новосибирск). — 2014. — № 20. — С. 17–22.
17. ВЗГЛЯД. Нефтегазовая отрасль одержала в 2017-м несколько важных побед [Электронный ресурс]. — URL: <https://vz.ru/economy/2017/12/28/901625.html>

© Забайкин Юрий Васильевич (79264154444@yandex.com), Назарова Зинаида Михайловна,
 Рощина Ольга Евгеньевна, Князева Екатерина Васильевна, Бойко Кирилл Николаевич, Шидиев Заур Маисович,
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГРИ-РГГУ

ВЛИЯНИЕ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ПОСТАВОК НЕФТИ НА БАЛАНС МИРОВОГО НЕФТЯНОГО РЫНКА

THE IMPACT OF ILLEGAL SUPPLY OF OIL TO BALANCE THE WORLD OIL MARKET

**Y. Zabaikin
Z. Nazarova
O. Roshchina
E. Knyazeva
K. Boyko
Z. Shidiev**

Summary. Opportunities for the development of the state economy are mainly due to the timeliness of providing various sectors of the national economy with energy resources. Among the latter, a significant share is occupied by oil and petroleum products. The article analyzes the impact of illegal oil supplies on the balance of the world oil market.

Keywords: oil, oil market, illegal supplies, oil products, energy resources of the world.

Глобальный характер рынка нефти и нефтепродуктов привлек значительный интерес исследователей разного научного профиля к проблемам его развития. Это труды энергетиков, экономистов, в частности экономистов-международников, политологов из разных стран мира. Среди отечественных специалистов отметим работы В. Бурлаки, Л. Гальперина, М. Ковалева, В. Омельченко, А. Рябцева, С. Денисюк, В. Точилин, А. Шидловского и др. Современные наработки зарубежных ученых представлены в работах М. Симмонс, М. Йоманс и др.

Однако, несмотря на большую численность публикаций по этому поводу, до сих пор остается открытым такой вопрос как место нефти и нефтепродуктов в структуре мирового рынка первичных энергоресурсов и роль нелегальных поставок нефти в нем.

Основными странами-добытчиками энергоносителей на мировом энергетическом рынке являются страны ОПЕК, на долю которых приходится ежегодно около 79% добычи нефти [1]. Странами-лидерами по добыче нефти являются Венесуэла, Ирак и Иран. Алжир, Венесуэла и Иран — страны, добывающие большое количество газа. Уголь также является одним из популярных энергоресурсов. Крупнейший объем добычи этого ресурса приходится на Китай, также ключевые позиции занима-

Забайкин Юрий Васильевич

*К.э.н., доцент, МГРИ-РГГРУ
79264154444@yandex.com*

Назарова Зинаида Михайловна

Д.э.н., профессор, МГРИ-РГГРУ

Рощина Ольга Евгеньевна

Д.э.н., профессор, МГРИ-РГГРУ

Князева Екатерина Васильевна

Аспирант, МГРИ-РГГРУ

Бойко Кирилл Николаевич

МГРИ-РГГРУ

Шидиев Заур Маусович

МГРИ-РГГРУ

Аннотация. Возможности развития экономики государства преимущественно обусловлены своевременным обеспечением энергоресурсами различных отраслей национального хозяйства. Среди последних значительный удельный вес занимают нефть и нефтепродукты. В статье проанализировано влияние нелегальных поставок нефти на баланс мирового нефтяного рынка.

Ключевые слова: нефть, рынок нефти, нелегальные поставки, нефтепродукт, энергоресурсы мира.

ют Индия и Австралия. При этом достаточно интересной является позиция Российской Федерации, которая входит в десятку стран по добыче всех трех ресурсов. Как видим Венесуэла и Иран являются лидерами по добычи нефти и газа, то есть географическая структура нефтяного и газового рынка является фактически весьма похожей.

РФ является лидером по экспорту энергоресурсов на рынок Европы, что делает ЕС частично зависимыми от России. Географическая структура отталкивается от принадлежности ресурсных месторождений на территории того или иного государства. Так вот, чтобы изменить географическую структуру поставок энергоресурсов нужно искать новые месторождения, что займет достаточно много времени и приведет к большим сметным расходам, поэтому о смене географической диверсификации энергетического рынка нужно говорить в долгосрочной перспективе.

По прогнозам ОПЕК, минимум два десятилетия нефть останется главным энергетическим ресурсом, и можно утверждать о глобальном влиянии рынка нефти и нефтепродуктов. Несмотря на то, что на нефть сегодня приходится 33,1% от общего объема потребления энергоресурсов (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение основных энергоресурсов мира (объемы указаны в млн. баррелей нефтяного эквивалента / день) [3]

Энергоресурс	Объемы основных энергоресурсов мира, млн. барр.н.э. / день				Темп годового изменения, 2008–2030	Удельный вес энергоресурсов мира, %			
	2008	2010	2020	2030	%	2008	2010	2020	2030
Нефть	80,9	80,4	89,9	97,6	0,9	35,7	35	32,7	30,2
Уголь	64,8	66,2	80,1	92,1	1,6	28,6	28,8	29,2	28,5
Газ	51,4	52,1	64,5	79,1	2	22,7	22,7	23,5	24,5
Атомная энергия	14,4	14,7	16,9	20,7	1,7	6,3	6,4	6,2	6,4
Гидроэнергия	5,5	5,8	7,3	9	2,3	2,4	2,5	2,7	2,8
Биотопливо	8,6	9,2	12,9	17,5	3,3	3,8	4	4,7	5,4
Другие восстановительные	1,3	1,5	3,2	6,8	7,8	0,6	0,7	1,2	2,1
Всего	226,8	229,9	274,8	322,9	1,6	100	100	100	100

Сейчас рынок нефтепродуктов разделен на легальный и нелегальный. Легальный рынок пытается выжить в условиях конкуренции, где нелегальные игроки рынка, освободив себя от уплаты всех налогов (акциза и НДС), осуществляют ценовой демпинг [2]. Последнее способствует уменьшению продаж на легальном мировом рынке нефтепродуктов за счет перетекания части потребителей к нелегальному (где цена топлива является ниже легального рынка).

В связи с тем, что покупательная способность населения в последние два года резко упала из-за резкой девальвации рубля, нелегальный рынок получил возможность повысить в несколько раз свой доход с каждого литра. Но от этого теряет не только бюджет, но и потребители.

Рынок нефти и нефтепродуктов в 2017 г. находился в кризисном состоянии.

Среди главных причин такого положения является, в частности:

- а) сокращение уровня добычи нефти и газового конденсата почти на 10%, в связи с ненадлежащим уровнем финансирования проведения геологоразведочных и эксплуатационных работ;
- б) снижение уровня производственной деятельности НПЗ из-за недостаточного уровня инвестиций

- в) модернизацию основных фондов и техническое переоснащение НПЗ;
- в) отсутствие государственного контроля за качеством нефтепродуктов.

Едва ли не единственным возможным путем выхода из кризисного состояния нефтепродуктов в 2017 г. является модернизация (в частности применения принципиально новой инновационной схемы развития) действующих НПЗ, что позволит увеличить показатели переработки нефти до уровня глубокой схемы, то есть до 90–95% (сегодня глубина переработки низкая, около 50%) [4].

Таким образом, проблема нелегальных поставок на мировом рынке нефти заключается не столько в повышении доли налогов в стоимости топлива, сколько в том, чтобы эти налоги платили все без исключения участники рынка. Тенденции нелегального рынка:

- ◆ незаконный ввоз бензина приобрел угрожающие масштабы;
- ◆ потребление бензина превысило объемы его легального производства и импорта, из-за чего ежегодные потери бюджета выросли до нескольких миллиардов долларов;
- ◆ недостаточное взаимодействие между органами власти способствовало реализации нелегально производимого и импортируемого, а также контрафактного и некачественного бензина;

ЛИТЕРАТУРА

1. Кантур К. С. Нелегальные поставки на мировом рынке нефтепродуктов / К. С. Кантур // Теория и практика государственного управления. — 2015. — Вып. 3. — С. 249–255.
2. Моргунов Е. В. Анализ нефтяного рынка и рекомендации по совершенствованию Российской модели биржевой торговли нефтью // Вестник Университета. — 2015. — № 2. — С. 196–201.
3. Прогноз развития мировой энергетики до 2030 г.: презентация, январь 2018. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://Statistical Review of World Energy>.
4. ОПЕК — World Oil Outlook. — 2017. — С. 48. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/woo_2017.pdf.

© Забайкин Юрий Васильевич (79264154444@yandex.com), Назарова Зинаида Михайловна,
Рощина Ольга Евгеньевна, Князева Екатерина Васильевна, Бойко Кирилл Николаевич, Шидиев Заур Маисович,
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА УРОВНЕ РЕГИОНА: ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН И ФРАНЦИИ

STATE REGULATION OF ENVIRONMENTAL SAFETY AT THE REGIONAL LEVEL: THE EXPERIENCE OF EUROPEAN COUNTRIES AND FRANCE

S. Klekovskaya

Summary. The article is devoted to the study of the European experience of state regulation of environmental safety. Separate emphasis is placed on the structure and hierarchy of the bodies included in the management system. Their tasks, tools and mechanisms for the implementation of environmental policies are also reviewed. Particular attention is paid to the experience of France and the achievements of this country in the field of environmental safety.

Keywords: ecology, security, EU, France, politics.

Клековская Светлана Робертовна

*К.э.н., старший преподаватель, Московский Государственный Институт Международных Отношений
svetakle@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию европейского опыта государственного регулирования экологической безопасностью. Отдельный акцент сделан на структуре и иерархии органов, входящих в систему реализации экологической политики. Также рассмотрены их задачи, инструменты и механизмы реализации природоохранных мероприятий. Особое внимание уделено опыту Франции и достижениям этой страны в сфере обеспечения экологической безопасности.

Ключевые слова: экология, безопасность, ЕС, Франция, политика.

В современном мировом экономическом пространстве особую остроту и актуальность приобретают вопросы международной экологической безопасности. Они характеризуются новым измерением и глобальным значением в контексте реализации стратегии устойчивого развития, предусматривающей создание прогрессивной модели экономического роста с учетом принципов «справедливого» сохранения и распределения экологических ресурсов для обеспечения безопасности развития нынешнего и будущего поколений человечества [1].

Вместе с тем, несмотря на провозглашение и попытки воплощения концепции устойчивого развития, сегодня наблюдается усиление процессов негативных трансформаций эколого-охранного потенциала регионов и государств, сопровождающихся истощением и снижением качества невозобновляемых природных ресурсов; преобладанием частных экономических интересов над общественными, ориентированными на социально-экологические нужды.

Государственное регулирование экологической безопасности — это очень вместительное пространство с наличием определенных противоречий в нем, которые являются движущими факторами формирования новой идеологии развития, что сопровождается системным

и многовекторным процессом интеграции, либерализации и демократизации международных отношений [2].

Итак, проблемы охраны окружающей среды становятся тем фактором, под воздействием которого все больше стран мира аккумулируют свои усилия в направлении обеспечения экологической безопасности, формируют и реализуют соответствующую государственную экологическую политику, основной целью которой является система так называемой «коллективной ответственности» за состояние окружающей природной среды, решение актуальных экологических проблем и предотвращение возникновения экологических угроз.

В данном контексте особое внимание привлекает изучение опыта обеспечения экологической безопасности в странах Европы, в целом, и во Франции, в частности, учитывая высокую степень результативности консолидации европейского общества на пути решения экологических проблем и достижения сбалансированности распределения эколого-экономических благ и природных ресурсов.

Передовые достижения в области формирования и реализации государственной экологической политики, особенности внедрения экологического надзора в условиях глобальных вызовов, направления обеспечения

экологического мониторинга безопасности, перспективы экологического развития государств в условиях интенсификации производства на примере различных регионов и стран мира рассматривали такие ученые, как Л. Браун, Д. Пирс, Дж. Диксон, К. Тернер, В. Сакс, В. Офулс, Р. Костанзо, Дж. Форрест, К. Хагедорн и др.

Однако, на сегодняшний день все еще нерешенными остаются вопросы поиска эффективных инструментов бережливого природопользования, также остаются малоисследованными проблемные аспекты, касающиеся организации системы органов государственного управления охраной окружающей среды в странах-членах ЕС, в частности во Франции, что в целом переопределяет целевую направленность проводимого исследования.

Одним из основных базовых принципов, на которых основывается европейская система экологического управления, — передача полномочий охраны окружающей природной среды на региональный и местный уровни [3].

Системы органов государственного управления охраной окружающей среды в большинстве стран ЕС, как правило, имеют такую иерархическую структуру: центральные (федеральные), региональные и местные органы, между которыми исполнительная компетенция распределена по вертикальным (взаимосвязь) и горизонтальным (координация) уровням.

Особенности таких систем управления определяют многими факторами. Так, вертикальные связи между органами исполнительной власти центрального, регионального и местного уровней могут иметь сложную юридическую и организационную структуру, обусловленную или федеративным устройством (Германия), или сложным экономико-географическим районированием при унитарном устройстве (Франция). Также на особенности таких систем влияют объемы компетенции органов управления, уровень значимости экологических проблем для каждой страны. С учетом вышеизложенного, очевидно, что государственное управление охраной окружающей среды может сочетать как централизацию в проведении национальной политики, так и децентрализацию в исполнении решений, учитывая при этом местные особенности.

Важным направлением государственного регулирования экологической безопасности на уровне регионов является отслеживание всех форм государственной поддержки, которую страны-члены ЕС предоставляют секторам, оказывающим негативное влияние на окружающую среду. Такие сектора, как указано в Белой книге, не должны получать поддержку от государства (нефте- и газодобывающая промышленность, атомная энергетика и т.д.) [4].

Важным инструментом формирования и реализации государственной экологической политики в странах ЕС является экологическая сертификация, которая направлена на стимулирование производителей к внедрению современных технологических процессов и выпуск таких товаров, которые минимально загрязняют окружающую среду, а, в свою очередь, цель производителей заключается в получении специального экологического знака. Он предоставляется тем товарам, которые имеют определенные экологические преимущества перед аналогами в однородной группе. Такая маркировка добровольная и может иметь национальный, региональный или международный масштаб. В европейском сообществе экологическая маркировка содержит знаки, которые не только апробированы на национальном уровне, но и получили широкое международное признание: «Голубой ангел» (Германия); «Белый лебедь» (Скандинавские страны); «NF-Environment» (Франция) [5].

Также следует отметить, что органы государственного экологического регулирования в европейских странах являются заказчиками научных разработок экологических программ, необходимых им для повышения эффективности своей деятельности. Например, во Франции, Германии, Великобритании, Нидерландах в составе агентств охраны окружающей среды существуют научные учреждения, которые по заказу этих агентств выполняют экологические исследования, в частности разработку «чистых» технологий, способствующих интеграции экологической политики в производство.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что эволюция развития государственного регулирования экологической безопасности европейских стран сформировала четкие подходы к разрешению проблем окружающей среды. Так, решение задач обеспечения экологической безопасности и непосредственная работа по их реализации осуществляется непосредственно на местах.

В рамках государственного регулирования экологической безопасности в Европе применяются такие административные меры, как введение стандартов качества продукции; соглашения между местными органами власти и предприятиями о контроле за загрязнением; система арбитража экологических конфликтов.

Рассмотрим теперь более подробно опыт Франции по реализации системы эффективного управления вопросами государственной экологической безопасности.

Присоединение Франции к ЕС повлекло за собой изменения в национальной экологической политике. С одной стороны, пришлось отказаться от некоторых из своих наиболее жестких стандартов, с другой сто-

Таблица 1. Рейтинг стран мира по индексу экологической эффективности в 2016 г. [7]

Рейтинг	Страна	Индекс	Рейтинг	Страна	Индекс
1	Финляндия	90,68	6	Испания	88,91
2	Исландия	90,51	7	Португалия	88,63
3	Швеция	90,43	8	Эстония	88,59
4	Дания	89,21	9	Мальта	88,48
5	Словения	88,98	10	Франция	88,20

роны, в рамках ЕС увеличились возможности влияния на страны, чьи выбросы непосредственно угрожают Франции. Кроме того, ЕС имеет гораздо больший вес, чем отдельные государства, в переговорах по заключению глобальных конвенций, связанных с охраной окружающей среды [6].

Во Франции действует значительное количество законов и подзаконных актов в области регулирования экологической безопасности. Основные из них — законы «Об охране окружающей среды», «Об отходах» и «О зарегистрированных домах». Уголовный кодекс Франции содержит понятие экологического терроризма. При этом, Франция стала одной из первых стран, применивших систему платежей за стоки и выбросы.

Права и обязанности в сфере охраны окружающей среды во Франции закреплены на конституционном уровне. На формирование структуры государственных органов по охране окружающей среды влияет тот факт, что в систему управления данной сферой, кроме профильного министерства (Министерство экологии, устойчивого развития и энергетики), входит также широкий круг других министерств, наделенных соответствующими полномочиями, а это, с одной стороны, может обеспечивать качественное управление, а с другой — определенным образом усложнять этот процесс.

Следует обратить внимание, что одним из главных направлений деятельности профильного министерства, в процессе обеспечения устойчивого развития, является введение новых режимов производства и потребления, основанных на экономном использовании природных ресурсов и минимизации негативного воздействия на окружающую среду. В свою очередь, реализация поставленной цели требует мобилизации всех участников процесса на местах, адаптации режимов управления, а также принятия соответствующих государственных решений.

Практическая реализация экологической политики во Франции осуществляется в большинстве своем на региональном уровне, что значительно повышает ее эффективность. Территориальные службы в области управ-

ления и охраны окружающей среды входят в структуру министерства и, в свою очередь, делятся на региональный, межрегиональный и департаментский уровни [6].

Ярким примером действия такой разветвленной системы регулирования является функционирование агентств речных бассейнов. Во Франции в течение 30 лет существуют шесть речных агентств на каждом из основных бассейнов рек, имеющих полномочия по финансовому и техническому регулированию водопользованием, а также сбору платы за водопользование и загрязнение вод. Полученные средства используются для финансирования инвестиционных программ улучшения качества воды и развития водных ресурсов региона.

Достаточно мощным инструментом государственного регулирования экологической безопасности Франции является экологический аудит. Введение экологического аудита во Франции нацелено на проверку безопасности производства и оказание помощи власти в реализации мероприятий по изучению экологических рисков и обеспечению безопасности.

Отдельно следует отметить, что Франция участвует в международных экологических организациях и фондах таких, как: Глобальный экологический фонд, Северный фонд экологического развития, Римский клуб и др.

Итак, обобщая выше представленные данные, а также принимая во внимание большое количество принятых правительством Франции конвенций в сфере экологической безопасности, разветвленную систему органов регулирования и действующих стандартов можно отметить, что государственным надзором и управлением охвачены почти все проблемные вопросы по поддержке экологической стабильности в стране, также наблюдается высокий уровень экологической эффективности по сравнению с другими странами мира.

Все это подтверждается результатами глобально-го исследования стран мира по уровню экологической эффективности в 2016 г. (The Environmental Performance Index 2016), который ежегодно публикуются Центром

экологической политики и права при Йельском университете (Yale Center for Environmental Law and Policy) [7]. В 2016 г. было исследовано 180 стран мира, мировым лидером по уровню экологической эффективности стала Финляндия, а вот Франция вошла в первую десятку лидеров (см. табл. 1).

Согласно данным рейтинга, органы государственного управления Франции очень много внимания уделяют экологической безопасности страны. Вхождение в первую десятку лидеров является показателем активного участия Франции в сфере природоохранной деятельности, как на государственном, так и на мировом уровнях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Safety, Health and Environmental Auditing: A Practical Guide, Second Edition Boca Raton, FL: CRC Press, 2018. — 286 p.
2. Боголюбов С. А. Сочетание обязанностей и прав служит обеспечению экологической безопасности // Черные дыры в Российском законодательстве. — 2018. — № 1. — С. 42–47.
3. Кузьмин В. Н. Обеспечение экологической безопасности в странах ЕС // Вестник Юридического института. — 2018. — № 2. — С. 98–106.
4. Technical guidance for deriving environmental quality standards/ Luxembourg: European Commission, 2017. — 198 p.
5. Risk Communication: A Handbook for Communicating Environmental, Safety, and Health Risks / Regina E. Lundgren, Andrea H. McMakin/ Wiley-IEEE Press, 2018–544 p.
6. OECD environmental performance reviews. France, 2016. Paris: OECD Publishing, 2016. — 253 p.
7. «Convention on the Protection of the Marine Environment of the Baltic Sea Area» HELCOM, Web. Sept. 2017.

© Клековская Светлана Робертовна (svetakle@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский Государственный Институт Международных Отношений

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

STATE REGULATION OF ECONOMICS IN SOCIAL ENTREPRENEURSHIP

Yu. Kozhukhova
I. Syrovotkina
S. Syvorotkina

Summary. In the world practice, socially significant business is regulated by the regulatory and legal framework, including in the use of profit for the development and promotion of the project. In our country, unfortunately, while the boundaries of socially significant entrepreneurship are not legally defined. And above all, special legal forms are needed for such organizations. Social entrepreneurship, of course, can be competitive and self-sufficient, and this is confirmed by foreign experience. The spread of successful practices in the field of social entrepreneurship, the formation of public confidence and the changing image of both the entrepreneur himself and the social business as a whole will lead to an explosive growth of social entrepreneurship in our country. The dialogue between business and government on this topic is not only being conducted, but it is already bringing its results. This article discusses the notion of "social entrepreneurship", analyzes the legislative regulation of this field of activity, creates government support measures and regulates, and provides foreign practice on this issue.

Keywords: social entrepreneurship, bill, state, support, organization.

Определение социального предпринимательства, которое чаще всего используется в России, основывается на том, что проекты создаются и живут в первую очередь для решения или смягчения социальных проблем. При этом они должны быть устойчивыми, самодостаточными и конкурентоспособными. Многочисленные практические примеры доказывают, что такая модель существует и достаточно успешна. Зачастую эти проекты разрабатывают новые, еще не занятые ниши (говорят, что социальные предприниматели видят возможность там, где остальные видят только проблему) и, как часто бывает с бизнесом, приходящим в новую сферу, могут рассчитывать на большую долю, чем последователи. Более того, сама социальная направленность бизнеса, понимание личной ответственности за людей, вовлеченных в проект в качестве сотрудников либо являющихся основной целе-

Кожухова Юлия Эдуардовна

Аспирант, Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
motina.julia@yandex.ru

Сывороткина Ирина Юрьевна

Преподаватель, Академия Федеральной службы исполнения наказаний России
i.sivorotkina@yandex.ru

Сывороткина Светлана Юрьевна

Преподаватель, Академия Федеральной службы исполнения наказаний России

Аннотация. В мировой практике социально значимый бизнес регламентируется нормативно — правовой базой в том числе в вопросах использования прибыли на развитие и продвижение проекта. В нашей стране, к сожалению, пока границы социально значимого предпринимательства законодательно не определены. И прежде всего, необходимы специальные юридические формы для таких организаций. Социальное предпринимательство, безусловно, может быть конкурентоспособным и самодостаточным, и это подтверждает зарубежный опыт. Распространение успешных практик в сфере социального предпринимательства, формирование доверия общества и изменение имиджа, как самого предпринимателя, так и социального бизнеса в целом приведет к взрывному росту социального предпринимательства в нашей стране. Диалог бизнеса и власти на эту тему не только ведется, но и приносит уже свои результаты. В данной статье рассматривается понятие «социальное предпринимательство», производится анализ законодательного регулирования этой сферы деятельности, создание государственных мер поддержки и регулирования, приводится зарубежная практика по указанному вопросу.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, законопроект, государство, поддержка, организация.

вой аудиторией его потребителей, нередко дает проекту дополнительную устойчивость, хороший запас конкурентных преимуществ.

За рубежом социальное предпринимательство успешно развивается уже более 30 лет, в том время как в России данное направление является довольно молодым и существует около 10 лет. Есть основополагающий принцип, который используется в развитых странах: товары и услуги социальных предприятий должны быть конкурентоспособными — чтобы потребитель делал выбор в их пользу, исходя из собственной заинтересованности, а не из жалости или желания поддержать полезное начинание. Такой бизнес выполняет социальные функции, что, как правило, обуславливает его низкую доходность. Например, петербургская компания «Либерти» уже несколько лет органи-

зует туры для инвалидов — колясочников. Социальное предприятие скорее должно обеспечивать свое воспроизводство, чем ставить целью высокую доходность и широкую экспансию. Основателем социального предпринимательства в России считается Фонд «Наше Будущее» [5]. Когда фонд только начинал продвигать в России идеи социального предпринимательства, они казались непонятными. Государство, каким бы социально ориентированным оно ни было, не способно услышать каждого человека. Между тем потребность в индивидуальном подходе у людей лишь растет, причем речь идет далеко не только о потребностях материального характера.

Одно из самых общих определений социального предпринимательства является его обозначением как бизнес — деятельность, характеризующаяся такими характеристиками, как сосредоточенность внимания на социальном воздействии — смягчении или разрешении социальной проблемы; использование инновационных технологий для достижения поставленной цели; предпринимательский подход к решению проблем; стремление к финансовой устойчивости и самодостаточности, а также масштаба деятельности предприятия с целью увеличения прибыли. В отличие от обычного бизнеса, социальные предприниматели не только производят товары и услуги, но и стремятся добиться социального эффекта. Самоцелью такого рода предприятий не является извлечение прибыли, деньги в данном случае являются ресурсом, позволяющим реализовывать важную социальную миссию. И такая модель, сочетающая в себе одновременно бизнес и альтруизм, находит все больше последователей.

Рассмотрим примеры зарубежного социального предпринимательства.

К примеру, во Франции существует организация «Emergence» («Эмержанс»), борющаяся с молодежной преступностью [6]. Ее организатором выступил бывший соцработник и боксер Аллауи Генни. Организация обеспечивает условия для занятий спортом для бывших заключенных и лиц, имеющих проблемы с законом, и осуществляет меры по социальной интеграции и профессиональной адаптации людей с помощью спортивной практики. В этой ассоциации спорт рассматривается в качестве способа для решения проблем бедных слоев населения, а также в качестве средства занятости граждан, урегулирования социальных конфликтов и налаживания дружественных связей между представителями разных слоев населения.

Еще один пример — проект «Conserve» (Индия) [9]. Данная организация занимается переработкой пластиковых отходов для производства широкого спектра различной продукции. Социальное назначение данного проекта — решение проблем переработки отходов и повышения доходов бедных слоев населения, которое занимается

сбором, сортировкой и утилизацией отходов. По статистическим данным, в Индии каждый день выбрасывается 4000 тонн бытового мусора, 15% от которого составляют изделия из пластика. В связи с тем, что в Индии производство полиэтилена и пластика стремительно дешевеет, переработка бытовых отходов из пластика становится экономически невыгодной. Государственные учреждения страны обращаются за помощью к частным компаниям, которые, в свою очередь, нанимают сборщиков мусора. Мусор в дальнейшем идет на переработку. Сборщики мусора зарабатывают около 25 долларов в день, и для многих это является основным источником дохода. Таким образом, компания «Conserve» выполняет две функции: социальную и экономическую — обеспечивает людей возможностью заработать и успешно решает проблему утилизации отходов с их последующей переработкой. Из переработанного пластика впоследствии изготавливают сумки, плащи, зонты, органайзеры и т.д., которые пользуются широким спросом среди средних слоев населения.

Еще один пример социального предпринимательства — проект «Школа фермеров», функционирующая на территории РФ [10]. Развитие социального предпринимательства необходимо для эффективной и благоприятной социальной сферы общества.

Статус социального предпринимателя в настоящее время не является легитимным и не может рассматриваться наравне с некоммерческими организациями и малым бизнесом. Законодательными актами, регулирующими социальное предпринимательство, являются: приказ Минэкономразвития России № 220 от 24.04.2013 г. «Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2013 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации» [7], также приказ № 223 Минэкономразвития и Закон о некоммерческих организациях (НКО) [8], в которых речь идет о социально ориентированных некоммерческих организациях. Тем не менее данные положения не закрепляют статус социального предпринимательства на законодательном уровне, и поэтому социальное предпринимательство в РФ развивается стихийным образом, в различных организационно-правовых формах коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей (как субъектов малого и среднего предпринимательства) и организовано, в форме социально ориентированных НКО.

Тем не менее Министерство экономического развития РФ занимается вопросом предоставления государственных субсидий для создания и финансирования региональных организаций социального предпринимательства, для поддержки индивидуальных социальных предпри-

нимателей, в том числе тем, кто оказывает поддержку наименее защищенным слоям населения, а также детям [1]. Например, в августе 2016 года Минэкономразвития России разработало законопроект о внесении понятия «социальное предпринимательство» в федеральное законодательство. Он предполагает внесение изменений в законы «О защите конкуренции» и «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части закрепления понятия «социальное предпринимательство») разработан в целях реализации положений Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ, а также в соответствии с «дорожной картой» по поддержке доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере. Данным законопроектом социальное предпринимательство определяется как значимое направление деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства. Также в рамках законопроекта определены отдельные формы и виды государственного регулирования и поддержки социального предпринимательства.

Кроме того, законопроект предусматривает, включение сведений о субъектах социального предпринимательства в единый реестр субъектов малого и среднего

предпринимательства, который находится в ведомстве Федеральной налоговой службы. Необходимо отметить, что государственное бюджетирование социального предпринимательства весьма невысоко. Обычно социальные проекты имеют низкую маржинальность, которая зачастую не выше 8% [4]. Это в принципе устойчивая модель, которая позволяет обеспечивать решение социальной проблемы, но не впечатляет бизнесменов, привыкших к высокодоходным проектам. Согласно экспертным оценкам, в настоящее время лишь 1% от общего количества малых и средних предпринимателей являются социально ориентированными, что существенно отличается от практики зарубежных стран.

Подводя итог всему вышесказанному, важно отметить, что социальное предпринимательство в России развивается в основном благодаря инициативе активных граждан страны, поддержке негосударственных фондов и практике иностранной сертификации. Наблюдается рост заинтересованности и поддержки данного социально-экономического направления деятельности граждан со стороны государства и правительства.

Государственная экономическая поддержка и регулирование социального предпринимательства необходимы, т.к. оно может стать важнейшим инструментом решения разного рода проблем в области социально-экономической политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева А. Когда спасение утопающих становится делом // Бизнес России. — 2013. — № 5. — С. 68–70.
2. Герасимова С. Прибыль на втором месте // Российская газета. Бизнес и власть. — 2015. — 11 августа.
3. Гурина А. В. Проблемы социального предпринимательства в России и пути его реформирования / Актуальные проблемы права: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). — М.: Буки-Веди, 2015. — С. 91–93.
4. Потапов О. Социальное предпринимательство получит новые стимулы для развития // Комсомольская правда. — 2015. — 3 августа. 50
5. Фонд «Наше будущее» [Сайт]. URL: <http://www.nb-fund.ru> (дата обращения: 17.08.2018).
6. Приказ Минэкономразвития России от 24.04.2013 № 220 (ред. от 16.05.2013) «Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2013 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146770/ (дата обращения: 17.08.2018).
7. Приказ Минэкономразвития РФ от 17.05.2011 № 223 «О ведении реестров социально ориентированных некоммерческих организаций — получателей поддержки, хранении представленных ими документов и о требованиях к технологическим, программным, лингвистическим, правовым и организационным средствам обеспечения пользования указанными реестрами» (вместе с «Порядком ведения реестров социально ориентированных некоммерческих организаций — получателей поддержки и хранения представленных ими документов», «Требованиями к технологическим, программным, лингвистическим, правовым и организационным средствам обеспечения пользования реестрами социально ориентированных некоммерческих организаций — получателей поддержки») (Зарегистрировано в Минюсте РФ 07.07.2011 № 21278) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=11667~<1> (дата обращения: 17.08.2018).
8. Социальный проект «Conserve». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.conserveindia.org/> (дата обращения: 01.09.2018).
9. Школа фермеров. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shkolafermerov.ru/#&slider1=1> (дата обращения: 01.09.2018).

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА И ЭКСКУРСИОННОГО СЕРВИСА

CURRENT TRENDS IN HISTORICAL AND CULTURAL TOURISM AND TOUR SERVICE

**E. Konanova
E. Maslak**

Summary. The article examines the current trends in the development of historical and cultural tourism, unusual museums and areas of film, animation, anime, street art tourism. International experience and prospects of implementation in Russia are analyzed. One of the modern trends in international tourism is the “economy of impressions” — a principle in which great importance is given to the emotions that a tourist experiences during his trip. Tendencies of excursion service at the present stage are considered.

Keywords: historical and cultural tourism, unusual museums, experience economy, kinetism, cartoon holiday, animators, street art tourism, tour service, innovation, business tour, tourist, guide.

Конанова Евгения Игоревна

*К.и.н., доцент, Южный федеральный университет
konanova-evgeniy@mail.ru*

Маслак Елена Николаевна

К.и.н., доцент, Южный федеральный университет

Аннотация. В статье исследуются современные тенденции развития историко-культурного туризма, необычные музеи и направления кино-, мультипликационного, аниме-, стрит-арт туризм. Анализируются международный опыт и перспективы реализации в России. Одним из современных трендов международного туризма является «экономика впечатлений» — принцип, при котором большое значение отводится эмоциям, которые турист переживает во время своей поездки. Рассматриваются тенденции экскурсионного сервиса на современном этапе.

Ключевые слова: историко-культурный туризм, необычные музеи, экономика впечатлений, кинотуризм, мультипликационный туризм, аниметуризм, стрит-арт туризм, экскурсионный сервис, инновации, экскурсионный бизнес, экскурсант, экскурсовод.

В современном туризме одним из определяющих мотивов проведения досуга и отдыха является поиск новых впечатлений (или экономика впечатлений). Историко-культурный туризм реализуется в потребности знакомства и изучения мест, связанных с историей и культурой (прошлых веков и современности), определенной территории, а также посещение событий, отражающих историческую и культурную направленность (исторические реконструкции, национальные фестивали и ярмарки). Задача историко-культурного туризма на современном этапе сформировать спрос наиболее перспективной целевой аудитории — молодежи (возраст от 14 до 30 лет). В условиях «клипового мышления» (прим.авт. — скорость усвоения информации, быстрое переключение внимания с одного предмета на другой, отсутствие глубины мышления, низкая способность формулировать собственные мысли) одной из приоритетных задач досуга является решение трудностей разно уровневое восприятия объектов истории и культуры, в сочетании характера эпохи, социально-экономических, культурных особенностей, менталитета общества. Понимание закономерностей развития локальных цивилизаций, формирует общественное сознание, построенное на фундаментальных культурных ценностях, способное динамично развиваться на пути прогресса мировой цивилизации. Таким образом, для формирования спроса на историко-культурный продукт необходимо предложить экскурсионные программы, от-

вечающие интересам и потребностям данной целевой аудитории.

Одной из тенденций современного историко-культурного туризма является появление необычных музеев. Рассмотрим на примере международного опыта.

Международный музей шпионажа («The International Spy Museum») был открыт в Вашингтоне (округ Колумбия, США) 19 июля 2002 года и является частным музеем [1]. Коллекцию музея составляют более 600 экспонатов. Это самая большая коллекция артефактов международного шпионажа, когда-либо размещаемых на всеобщее обозрение. Предметы, выставленные в музее, освещают работу знаменитых шпионов, стратегию и методы шпионской деятельности в мировой истории. Миссией данного музея является содействие пониманию важности роли шпионажа и влияния, которая оказывала эта деятельность на исторические события. Музей посвящен мировой истории шпионажа, многие объекты показа являются шпионскими разработками бывшего СССР, Великобритании, Германии и других стран.

Музей парижской канализации («Musées Égouts de Paris») предлагает посетителю познакомиться историей развития канализационной сети Парижа, ознакомиться с различными методами очистки воды: от римских поселений Лютеции (приблизительно 18 метров труб

канализации с того времени и до сегодняшних дней находятся под развалинами бань римлян в Латинском квартале) до современности [2]. Экспонаты музея выставлены в подземных галереях действующей канализационной системы, что позволяет посетителю не только увидеть тоннели изнутри, но и понять структуру канализационной сети города. В экспозиции музея представлены знаменитый коллектор авеню Боске, оригинальный отход выпуска, который отводит сточные воды на станцию в Ашере, где происходит очищение, систему защиты от наводнения, которая расположена на площади Резистанс, а также множество макетов и настоящих канализационных машин. Музей пользуется популярностью у туристов и жителей города: ежегодно его посещают около 100000 человек. Следует также отметить, что сама канализационная система Парижа также является историческим объектом.

К примерам подобных российских музеев можно отнести «Музей Стрит-арта» в Санкт-Петербурге и «Музей кино» в Москве.

Музей стрит-арта (г. Санкт-Петербург) был основан в 2012 г. Находится в частной собственности [3]. Миссия данного музея заключается в предоставлении площадки для реализации новаторских проектов молодых художников, хранении и предоставлении информации об уличном искусстве, внедрении нового подхода к развитию индустриальных территорий и удаленных от центра районов посредством творческих практик, и современного искусства. Совместно с Русским музеем, Санкт-Петербургским государственным университетом и Молодежным центром Эрмитажа, музей проводит различные образовательные программы, в том числе лекции, дискуссии, встречи, мастер-классы. Коллекция ежегодно обновляется. Таким образом, музей проводит различные выставки уличного искусства и организует экскурсии по постоянной и временной коллекции музея.

Музей кино (г. Москва) основан в марте 1989 г. [4]. В пространстве «Музея кино» находятся три кинозала для показа фильмов из коллекции музея, оборудованы зоны для постоянной экспозиции и тематических выставок, аудитории для проведения лекций по истории и теории киноискусства. Все экспозиции отнесены к различным фондам, таким как изобразительный фонд (с экспозицией материалов проявления творчества художников в кино — декорации, костюмы, грим), фонд анимации (с такими экспонатами как раскадровки и «фильмовые дела», включающие варианты сценария, договоры с авторами, официальную переписку), фототека (портретная галерея кинематографистов, запечатленных на кинофестивалях, встречах со зрителями и коллегами, фотопробы актеров к фильмам, рабочие моменты киносъемок), фонд киноплакатов и афиш и др.

Спрос на «туризм впечатлений» стимулирует развитие ещё одной тенденции: кино-, мультипликационного, аниме-, стрит-арт туризма. Например, кинотуризм основан на посещении мест, связанных с посещением съемок бестселлеров мирового кинематографа на современном этапе, полнометражных художественных фильмов и сериалов. Наибольшей популярностью пользуются путешествия по местам съемок фильмов фантастического жанра, таких как «Властелин колец», «Звездные войны», «Гарри Поттер», «Сумерки», «Игра престолов», «Викинги» и т.д. Так, компания «Visit Britain» разработала специальную карту по фильмам Гарри Поттера, которая включает в себя все места Великобритании, в которых снимались сцены из всех восьми фильмов. Большая часть съемок «Сумерки» происходила в штате Орегон, тем не менее, наибольшей популярностью пользуются окрестности Форкса, города в штате Вашингтон, где, согласно фильму и одноименным романам Стефани Майер, жили главные герои. Следует отметить, что прежде чем фильм вышел в прокат, туризм в городе Форкс был основан преимущественно на посещении природных туристских мест. Фильмы, снятые по романам Стефани Майер, подняли рынок туризма в штате Вашингтон на совершенно новый уровень. Вместе с тем, в городе ежегодно, в дни рождений главных героев, проходит «День Стефани Майер». В течение этого периода туристы могут участвовать в дискуссиях по книгам, танцах, мероприятиях у костра. Для расширения количества возможных мест, связанных с местами из фильмов, часть местных ресторанов и кафе изменили свои названия на такие как, например, «Bella Burger» или «Twilight Special» [5].

В России данный вид туризма не получил такого распространения. Причины в отсутствии фильмов и сериалов, востребованных в международном прокате. Российский кинематограф приравнивается к советскому бренду. Например, фильмы «Война и мир» (режиссёр С. Бондарчук), «Летят журавли» (режиссёр М. Калатозов), «Анна Каренина» (режиссёр А. Зархи) — эти кинокартины получили мировую известность. Для целевой аудитории молодежь, советский кинематограф не конкурентен с мировыми западными бестселлерами, приведенными выше. Поэтому, кинотуризм для российского потребителя — это выездные туры по местам съемок популярных фильмов и сериалов.

Мультипликационный туризм является одним из популярных направлений в Европе. Например, после выхода в 2013 году мультфильма «Холодное сердце», количество туристов из США, решивших посетить Норвегию, увеличилось более чем на треть [6]. Компания «Innovation Norway», которая представляет «Visit Norway» в США, использовала мультфильм киностудии «Disney», как рекламу Норвегии. И, как отмечает изда-

ние, страницу «Холодное сердце» на сайте «Visit Norway» посетили более 270~<000 раз, что в десять раз больше, чем у обычных страниц сайта. Ещё одной тенденцией стал повышенный интерес к местам для семейного отдыха в Норвегии. В отличие от кинотуризма, развивающегося лишь в тех местах, где снимались популярные фильмы, мультипликационный туризм имеет более широкую географическую карту. Можно привести примеры отдельно взятых историко-культурных объектов и городов, которые послужили прототипом мест или пейзажей мультипликационных фильмов. В России данный вид туризма, также, не развит, несмотря на то, что имеет значительный потенциал реализации в рамках «коммерциализированной» культуры — создание узнаваемых историко-культурных объектов (например, тематических парков, где наряду с аттракционами представлены зоны демонстрирующие мировую историю, мифологических героев, исторических личностей, литературных, кино-, мультипликационных персонажей).

Аниме-туризм — путешествия по местам съемок анимационных фильмов и сериалов. В азиатских странах, например, в Японии данный вид туризма более развит и популярен, чем мультипликационный туризм в странах Европы и Северной Америки. Создан специальный справочник «Anime Tanbou: Seichi Junrei Guide» («Аниме туры: Справочник пилигрима в священную землю»), с информацией о местах, связанных с персонажами и сюжетами аниме-фильмов по всей стране [7]. «Японская национальная туристическая организация» (JNTO), которая выпустила ряд брошюр и туристических аниме-карт (на английском и японском языках), на официальном сайте находится раздел «Japan Anime Map» [8]. В России аниме-туры выездные, как правило в Японию. Молодежь предпочитает самоорганизованные аниме-туры, с самостоятельным выбором перелета и размещения, составления маршрута на основе ресурсов японских сайтов, например, JNTO.

Стрит-арт (англ. «Streetart» — уличное искусство) — направление в современном изобразительном искусстве, отличительной особенностью которого является ярко выраженный урбанистический характер. Стрит-арт включает в себя такие формы искусства, как граффити, трафареты, перфомансы и т.д. Самыми распространенными являются экскурсии по европейским городам: Лондон, Париж, Берлин, Дюссельдорф и другие. В Лондоне предлагается около 10 подобных туров для туристов. Концепция программы сводится к поездке по всему городу и рассказам гида о самых эффектных представителях стрит-арта. В конце зрителям обычно предлагают урок рисования граффити от опытных художников (при этом рисунок будет абсолютно легальным). Лондонские граффити — достопримечательность города — своеобразный музей под открытым небом [9].

Париж, бульвар Менильмонтан (от станции метро Nation до станции метро Couronne), центр современного искусства Жоржа Помпиду, район Бэльвиль с улицей Де-нуа — своеобразной меккой граффити-художников, набережная канала Сен-Мартен, а также 19-й и 20-й округа Парижа — места, где в свое время зародился стрит-арт [10].

Москва, один из городов России, где стрит-арт получил широкое распространение. Здесь проходит множество авторских экскурсий — пеших и на ретрокутерах, велосипедах, по разным районам столицы, как правило, включает мастер-класс по рисованию граффити.

Нижний Новгород с 2015 года предлагает велоэкскурсии по объектам уличного искусства. Подобные экскурсии были проведены в рамках фестиваля стрит-арта «Новый Город: Древний», где частным гидом выступал нижегородский уличный художник, участник художественного коллектива «Muddlehood», Я. Хорев. Через сайт «www.nn.ru» можно перейти по ссылке на сайт гугл-карт, где в малом формате находится карта города, с отмеченными объектами стрит-арта, фотографией и адресом местонахождения. Сайт не является туристским навигатором [11].

Таким образом, инновационные тенденции в области историко-культурного туризма охватывают как отдельные объекты показа (музеи, арт-объекты), событийные мероприятия (тематические фестивали и праздники), так и целые направления (кино-, мультипликационного, аниме-, стрит-арт туризма). На современном этапе все больше создаваемых турпродуктов начинает опираться на «экономику впечатлений» — принцип, при котором большое значение отводится эмоциям, которые турист переживает во время своей поездки.

В современном туризме экскурсионный сервис играет одну из ведущих ролей. Чтобы удовлетворить потребности туриста приходится учитывать целый ряд факторов от момента выбора экскурсионных объектов до использования современных технологий на этапе ее проведения. Безусловно мировоззрение, личностные качества экскурсанта так же сыграют важную роль в восприятии и оценки им экскурсионного обслуживания.

Стоит отметить, что темпы развития экскурсионного бизнеса с каждым годом растут вместе с ростом интереса к экскурсионным объектам других стран и конечно же интереса к своей стране, историко-культурные возможности которой поистине неисчерпаемы. При организации любых видов туризма: познавательного, событийного, делового, паломнического, сельского, экологического, речных круизов и других экскурсионный сервис является, пожалуй, их неотъемлемой частью, именно он позво-

ляет развить широкий кругозор, помочь туристу понять особенности, традиции, менталитет той страны, которую он посещает. Конечно, есть виды туризма, в которых экскурсии не нужны, например, спортивный со сложными переходами и специализированные туры типа охотничьего и рыболовного, которые преследуют абсолютно другие цели.

Посещая новые места человек реализует не только познавательный интерес, заполняя тем самым лакуны в знаниях о той или иной стране, он получает массу эмоций и впечатлений, которые составляют так или иначе общее представление об истории и традициях и формируют оценку поездки в целом. Безусловно сегодня невозможно представить себе человека, который не был участником экскурсии ни разу, сейчас, начиная с дошкольного возраста организуются интереснейшие экскурсии в музеи, реализуются целые циклы экскурсий, позволяющие ребятам познакомиться с деятельностью музея в игровой форме. Часто происходит вовлечение каждого в некое действие, позволяющее пережить описываемый период, почувствовать себя героем другой эпохи, понять почему память о том или ином герое была увековечена в конкретном музейном экспонате. Возраст экскурсантов так же и растет, мы все знаем, что в Европе пенсионный возраст — это время активных путешествий, реализация мечты, на которую порой не хватает времени в период активного возраста работы.

Экскурсия — это блестящий педагог, главный урок которого заключается в известной поговорке «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Сегодня можно посмотреть виртуальные туры по самым топовым музеям мира, увидеть видео сюжеты обо всех путешествиях, но все это никогда не заменит общения с экскурсоводом, который не только расскажет массу интересных фактов об экскурсионном объекте, но и поможет сформировать впечатление о месте посещения. От качественно проведенной экскурсии все мы несомненно получаем большое удовольствие, а экскурсовод моральное удовлетворение от того, что экскурсанты благодаря его стараниям прониклись духом эпохи, расширили границы своего сознания, возможно даже вышли за рамки ограничений, которые формировались до посещения этой страны.

Особенно важно влияние экскурсий в период социализации личности, в мире агрессии и негативного влияния массовой культуры, которая формирует в подрастающем поколении образ сверхчеловека, который не ценит человеческой жизни и всего, что было создано человечеством для духовного обогащения, непосредственное живое прикосновение к экскурсионному объекту позволит развеять навязываемые нам при помощи «Мягкой силы» идеалы. Посещение познавательной экскурсии дает подросткам огромные возможности для

совершенствования собственного интеллектуального уровня, развития наблюдательности, способности созерцать окружающую красоту, часто пробуждает желание творить.

Сегодня у каждого жителя планеты под влиянием СМИ создается порой неверное представление о людях, ценностях, культуре, менталитете, традициях других государств, политические игры выхолащивают культурные ценности, поэтому, именно непосредственное посещение этих стран делает возможным развеять то глубоко негативное впечатление, которое у нас формируется.

Безусловно, одна и та же экскурсия, проведенная разными экскурсоводами способна составить разное представление об экскурсионном объекте, ведь каждый вкладывает в нее частичку себя, построенную на собственном восприятии. Экскурсовод должен быть настоящим профессионалом в своем деле. Несмотря на то, что сегодня предлагается широкий спектр инновации в экскурсионном сервисе, базой всегда должны быть классические приемы ведения экскурсии, начиная с выбора темы, которая является залогом успеха и заканчивая учетом психологических особенностей каждого экскурсанта. На данном этапе развития общества туристские организации и музеи, которые специализируются на внутреннем туризме находятся в поиске инновационных направлений деятельности, среди которых немаловажный интерес вызывают театрализованные праздники, которые привязываются к календарным праздникам и регионального и местного значения. Высший идеал человеческого общества — это производство форм общения людей, разумные потребности которых удовлетворены. Открытие и познание нового — это одна из естественных склонностей человека, которая притупляется в стандартных условиях жизни, но обостряется в условиях путешествия. В последние десятилетия формируется абсолютно другой подход к музейной и экскурсионной деятельности. С формированием коммуникативной модели музея — экскурсию стали рассматривать как специфический вид общения. Подробно такой подход изложен в работах кандидата педагогических наук М. Ю. Юхневич. Предметом общения во время экскурсии являются ценности культуры, представляющие значимость для различных категорий участников [12].

Сегодня мы переживаем влияние различных технологий на жизнь человека, они призваны упростить процесс нахождения информации, заранее познакомиться с посещаемым в дальнейшем объектом. Давайте разберем подробнее некоторые из них. Навигационные и мобильные системы стали частью нашей жизни, мы даже начинаем чувствовать дезориентацию в пространстве если на какой-то период лишаемся этих возможностей. В настоящее время насчитывается более полутора миллиар-

дов мобильных устройств с навигационным функционалом, около пяти миллиардов мобильных устройств, в том числе один миллиард различных телефонов. Человек благодаря этим устройствам может понять где он находится, что безусловно положительно влияет на него психологически, ведь в противном случае некоторые из нас начинают паниковать, не знают как сориентироваться, особенно если речь идет о незнакомой нам стране с абсолютно другим менталитетом местных жителей [13] Мобильные операторы заботятся о том, чтобы сделать интернет для пользования услугой в стране назначения максимально приближенным к ценовой политики комфортной для каждого выезжающего. В экскурсионном сервисе часто предлагаются мобильные путеводители, фактически все большие турфирмы и агентства применяют их в своей деятельности, это бесспорно облегчает работу экскурсоводу и помогает путешественникам получать используемую услугу в наиболее удобной форме. Интерфейс данных систем прост, как правило запускается в ручном режиме с ориентацией на GPS-координаты, когда человек находится в непосредственной близости с историко-культурными объектами, входящими в сферу его интересов.

Но тут стоит задуматься заменят ли они полноценную работу экскурсовода, ведь тот поток информации, который записан на электронные носители рассчитан на массового потребителя услуги и не учитывает индивидуальные особенности экскурсанта, к тому же не всегда может быть идеальный доступ к интернету и языковой переводчик может исказить предлагаемую информацию.

Популярными становятся сегодня аудио и мульти-гиды, которые к слову сказать тоже не всегда являются удобными для путешественников из-за невозможности воспроизвести информацию на родном им языке, особенно это является проблемой для лиц, не владеющих английским языком, который заложен практически во всех устройствах в качестве основного. Система примитивна, гид озвучивает информацию в микрофон, а сигнал передается путешественникам в их наушники.

При всем при этом внедрение таких технологий помогает снизить издержки в работе турфирм, обеспечить удобство и устойчивость работы экскурсоводов, значительно облегчает сервис работы с зарубежными путешественниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Turizm.Ru// Международный музей шпионажа// [Электронный ресурс]: http://www.turizm.ru/usa/washington/places/mezhdunarodnyj_muzej_shpionazha/ [Дата обращения: 01.11.2018].
2. Париж. Музей канализации// [Электронный ресурс]: <https://frenchparis.ru/musee-des-egouts-de-paris/> [Дата обращения: 01.11.2018].
3. Стрит-арт музей Санкт-Петербург// О музее// [Электронный ресурс]: <https://streetartmuseum.ru/about/> [Дата обращения: 01.11.2018].
4. Музей кино// О музее// [Электронный ресурс]: <http://www.museikino.ru/about/> [Дата обращения: 01.11.2018].
5. Wang Y. Assessing the Role of Films in Shaping Tourists' Perception toward Destination Image: Concerning UK Movie Locations [Текст] / Y. Wang. — University of Nottingham. — 2015.
6. Turizm.Ru. Норвегия: «Холодное сердце» привлекает туристов из Америки// [Электронный ресурс]: <http://www.bugaga.ru/cinema/1146744368-top-10-realnyh-mest-pokazannyh-v-filmah-disneya.html#ixzz4aASX8DDv> [Дата обращения: 05.11.2018].
7. Anime News Network. New Japanese Guidebook Focuses on Anime// [Электронный ресурс]: <http://www.animenewsnetwork.com/interest/2014-01-17/new-japanese-guidebook-focuses-on-anime-pilgrimages> [Дата обращения: 05.11.2018].
8. Anime Tourism Association. AnimePilgrimageSites// [Электронный ресурс]: <https://animetourism88.com/en/sanctuary> [Дата обращения: 10.11.2018].
9. Vev.ru. Туры, посвященные стрит-арту Лондона// [Электронный ресурс]: <http://vev.ru/blogs/туры-посвященные-стрит-арту-лондона.html> [Дата обращения: 11.11.2018].
10. Visitfrance. Стрит-арт в Париже// [Электронный ресурс]: <http://visitefrance.ru/parizh/strit-art-v-parizhe.html> [Дата обращения: 11.11.2018].
11. Столица Нижний. Первая велозаезда по стрит-арту Нижнего Новгорода пройдет 15 августа// [Электронный ресурс]: <http://stnmedia.ru/?id=22229> [Дата обращения: 11.11.2018].
12. Юхневич М.Ю. Я приведу тебя в музей. М., 2001. С. 55–58.
13. Чирский Н.А., Хвагина Т.А. Инновации в экскурсионной деятельности. М., Флинта, 2015. С. 45–47.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОГРАММНОГО РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПЕРСОНАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

A MODEL OF SOFTWARE DEVELOPMENT PROFESSIONALISM IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

**M. Krekova
E. Kiseleva
Yu. Mindlin**

Summary. The article describes the necessity of development of system of personnel training in the conditions of digital economy. The model with system of program development of professionalism of the personnel of the company is formed.

Keywords: staff development, training system, professionalism, model, software development.

Крекова Марина Михайловна

*Д.э.н., профессор, ФГБОУ ВО «Московский
политехнический университет»
kmm1901@mail.ru*

Киселева Елена Михайловна

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московский политехнический
университет»
klm18.08@mail.ru*

Миндлин Юрий Борисович

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная
академия ветеринарной медицины и биотехнологии
имени К. И. Скрябина»
mindliny@mail.ru*

Аннотация. В статье актуализирована необходимость развития системы обучения персонала в условиях цифровой экономики. Сформирована модель с системой программного развития профессионализма персонала компании.

Ключевые слова: развитие персонала, система обучения, профессионализм, модель, программное развитие.

Развитие персонала предприятий и организаций в условиях современной цифровой экономики и производства в основном зависит от того в каком состоянии находится существующая система обучения в компании [2]. Необходимо четко понимать всю важность работы такой системы, так как не одна компания не может в перспективе удержать лидирующее и конкурентоспособное положение на рынке или в отрасли.

В структуре компании, отвечающей за развитие, происходят постоянные изменения и преобразования систем и процессов обучения. Возникают проблемы с индивидуальным развитием сотрудников, так как каждый из них обладает своими талантами, умением и опытом. Для решения таких трудностей важно поменять поведения сотрудника, чтобы привить ему склонность к саморазвитию в «стенах» своей компании. Создание благоприятного климата в компании, налаживание отношений между сотрудниками является результатом обучения замотивированных сотрудников [3]. Важно также создание и поддержание отношений между руководством и рядовым персоналом. Все эти действия в результате повышают производительность труда и качество рабочей силы всей компании.

Наиболее ощутимы трудности в развитии сотрудников, составляющих основу компании, которые непосред-

ственно участвуют в росте ее производительности. Если учесть, что наиболее успешны те компании, которые инвестируют значительные средства на развитие персонала и создают систему обучения в самой компании.

В настоящее время актуален поиск решения задачи с описанием теории развития сотрудников и разработки моделей для создания профессиональной системы обучения в компании.

Уникальностью своего развития система обучения персонала, прежде всего, обязана новым технологиям и инновациям в подходах управления [1]. Реализация технологий развития может осуществляться только на изменении принципов. Система обучения персонала в настоящее время требует существенных инновационных коррективов организационных стратегий.

Система обучения персонала стимулирует не только рост уровня знаний, ранее полученных работником и закрепление требуемого профессионализма, но провоцирует формирование новой системы установок и ценностей, стратегические установки которых должны быть реализованы в современных компаниях. Нехватка профессиональной базы, которая нужна для получения положительного результата, становится

не только причиной малоэффективной трудовой деятельности, но и сводит на нет всю мотивацию и приводят к лишним энергетическим затратам и стрессам в процессе работы.

Систему обучения персонала необходимо постоянно развивать, по нескольким причинам: внедрение новых технологий на производстве, обогащение мировой науки, неконтролируемый «всплеск волн» спроса и предложений и т.д.

Система обучения персонала должна стремиться информировать работников, в каком состоянии находится организация и формировать адекватную точку зрения на дальнейшие перспективы компании, демонстрировать свою привлекательность, в результате чего работник должен проецировать свою судьбу в компании с судьбой компании в целом.

Исполняя свои обязанности в компании, сотрудник должен развиваться, обучаясь теоретической базе своей профессии и получить навыки, применяемые в своей работе. Система обучения сотрудников должна пробудить к росту трудового потенциал сотрудника. В процессе обучения сотрудник должен уяснить смысл своего определения в стенах компании, понять взаимосвязь развития личности и освоение новых наук.

Систему управления процессами обучения и развития сотрудников необходимо рассматривать с разных ракурсов: психологии, социологии, экономики, организации и этики.

Для поддержания своих обязанностей на высоком качественном уровне, персонал обязан обладать должными знаниями, навыками, личностными чертами, т.е. атрибутами высокого уровня профессионализма.

Но чтобы этого достичь, работник должен четко знать последовательность своих действий. То есть, должно быть четкое разделение полномочий присущих каждому сотруднику.

Сотрудник должен быть компетентным, успешным в выполнении своих рабочих обязанностей. Как следствие развития компетентности, является высокая продуктивность. Трудовые ресурсы для осуществления высокой продуктивности, обладают определенными характеристиками: знания, таланты, навыки, нормы поведения и т.д.

Знания представляют собой информацию, которая требуется для исполнения рабочих обязанностей. Знания — это проявление интеллектуального потенциала сотрудника.

Навыки — это обладание средствами достижения поставленных задач. Они присутствуют в обширном спектре: от физической подготовки до узконаправленного обучения. Навыкам наиболее присуща конкретность.

Каждый сотрудник компании обладает некой способностью, которая определяет его предрасположенность к определенному роду деятельности. Очень легко провести параллель между понятиями способность и одаренность. Способность предполагает применение усилий в области физических и психологических ресурсов. Эти усилия представляют собой основу рабочей этики. Сотрудник может не обладать талантом и способности могут быть недостаточно развиты, но отсутствие прилагаемых усилий никак нельзя простить. Такой сотрудник, сам не имея перспектив развития, тормозит прогресс компании в целом.

Каждая определенная работа, имеет за собой определенные стереотипы поведения. Поведение — это союз передаваемых по наследству и приобретаемых реакций, которые возникают вследствие различных ситуаций и раздражителей. Поведение можно рассматривать с точки зрения проявления ценностей, убеждений, этических норм и восприятия окружающего мира. Сотрудник, демонстрирующий уверенность в своих возможностях, способен к формированию сплоченной команды, трудовая деятельность которой отвечает требованиям поставленным компанией. Коллектив должен рассматривать свою работу в компании, как место раскрытия и демонстрации своих профессиональных, интеллектуальных, организаторских и творческих способностей. Положительная оценка сотрудником своего места работы, формирует четкую мотивацию, что является гарантом стабильной работы.

Профессионализм в условиях современности можно реализовать только с помощью технологий обучения, которые в свою очередь включают самообразование сотрудника, мотивацию, внутрифирменную культуру, приравнивание уровня профессионализма, стимулирование развития личностных качеств, расчет структуры профессионального развития в компании.

Положение дел, в современных условиях, требует формирование модели, с системой программного развития профессионализма персонала компании.

Такой подход обязывает к следующему:

1. апгрейд (upgrade) существующей системы обучения, с последующим ростом профессионализма сотрудников;
2. создание системы профессиональной адаптации на предприятии, за счет комплекса сопровождения профессионально-трудового развития ново-

го сотрудника в компании, а также приобщение к социальным, культурным, мотивационным проектам развития профессионализма сотрудников.

Апгрейд существующей системы обучения заключается в трех составляющих:

1. Освоение механики связей между потребностями по вопросам организованности предъявляемыми профессиональными нуждами сотрудника и оптимизирование системы обучения сотрудников профессиональным умениям и знаниям.
2. Стремление к непрерывному исследованию всего инновационного, опыту, который присутствует в нынешней экономике, требуемой реализации процессов информации, это представляет собой основу профпригодности сотрудника.
3. Деятельность профессионального уровня обязывает к наличию квалификации и минимальной базы, талантов и развитие мотивации.

Создание системы профессиональной адаптации на предприятии, за счет комплекса поддержки профессионального уровня развития нового сотрудника в компании, и приобщение к мотивационным планам развития профессионализма сотрудников, состоит из трех подуровней:

1. Планирование и осуществление в пределах организованности индивидуально составленного проекта, целью которого заключается в активизи-

зации процессов внедрения и преобразование ранее полученного опыта, знаний сотрудника.

2. Создание народной, предельно видимой программы с оценкой и развитием перспективности профпригодности сотрудников компании.
3. Оформление «образа» разнообразных объединений сотрудников, исходя из общественных и опытных характеристик, заинтересованностей, проблематики, мотивационных действий и predisposedности к познанию чего-то нового и к дальнейшему внедрению, как в производственную, так и в общественно-культурную практику.

Можно сделать следующий вывод, использование вторичных путей прогресса и преобразование профпригодности стимулирует возникновение положительного климата в компании, связанного с обучением, влияние этих действий провоцирует рост производительности трудовой деятельности и изменение модели экстенсивного поведения на интенсивную модель поведения.

Как таковое содержание модели не представляет собой гарант создания инструментария по росту эффективности управления человеческими ресурсами компании. Модель эффективна напрямую от качества содержания, а конечный результат применения модели имеет отношение с тем качеством, которое свойственно организационной деятельности и четкости всей системы управления человеческими ресурсами компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игнатъева О.В., Елизарова Н.С. Инновационно-ориентированное развитие трудовых ресурсов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право» — 2018. — № 6. — С. 37–40.
2. Крекова М.М., Киселева Е. М., Красильников А. В. Влияние формирования цифровой экономики на развитие человеческих ресурсов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право» — 2017. — № 12. — С. 41–43.
3. Фомичёва Л.М., Дыдко А. С. Кадры и кадровая политика в эру цифровой экономики труда // Цифровая экономика труда материалы Международной научно-практической конференции, 2017. — С. 144–149.

© Крекова Марина Михайловна (kmm1901@mail.ru),

Киселева Елена Михайловна (klm18.08@mail.ru), Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ МОНИТОРИНГА В УПРАВЛЕНИИ СТОИМОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ

Кузнецов Василий Владимирович

Соискатель, РЭУ им. Г. В. Плеханова (Москва)

kuznetsov.vasili@mail.ru

MONITORING ROLE IN MANAGEMENT OF THE COST OF THE ENTERPRISE

V. Kuznetsov

Summary. Summary: the monitoring role in management of the cost of the enterprise as one of option of decrease in risk of incorrect assessment of a condition of the company, her opportunities and prospects in the corresponding market is considered in this article. The characteristic of a concept of cost of the company is given (actual, market), features of her formation and calculation are defined. Distinctions when determining cost proceeding from basic parameters of her assessment are revealed. The management role is defined during monitoring, the main characteristics of competent management are revealed. On several examples the role of monitoring of management and formation of cost of the enterprise is shown.

Keywords: management, monitoring, cost, prospect, market, investors, capitalization, business purposes.

Аннотация. В данной статье рассмотрена роль мониторинга в управлении стоимостью предприятия как одного из варианта снижения риска неверной оценки состояния компании, ее возможностей и перспектив на соответствующем рынке. Дана характеристика понятия стоимости компании (фактической, рыночной), определены особенности ее формирования и расчета. Выявлены различия при определении стоимости, исходя из базисных параметров ее оценки.

Определена роль менеджмента в ходе мониторинга, выявлены основные характеристики грамотного управления. На нескольких примерах показана роль мониторинга управления и формирования стоимости предприятия.

Ключевые слова: управление, мониторинг, стоимость, перспектива, рынок, инвесторы, капитализация.

Практически все компании на рынке обладают стратегиями развития и управления. Вместе с тем, не все они достигают успеха и повышают свою стоимость. Причин в данной ситуации может быть множество: и внешние (объективные), вызванные воздействием внешних факторов рынка, и внутренние (субъективные), отражающие неверные управленческие решения руководства компании.

Одним из вариантов снижения риска неверной оценки состояния компании, ее возможностей и перспектив на соответствующем рынке, которое может привести не только к снижению ее стоимости, но и к краху, является осуществление мониторинга управления.

Такого рода мониторинг обеспечивает организациям баланс потребности в краткосрочных результатах с защитой своих долгосрочных инвестиций — завтрашних результатов.

Процесс управления предприятием направлен на достижение фундаментальной цели — максимизации его стоимости. При этом, в основе управленческих решений стоят показатели оценки стоимости компании.

Стоимость предприятия является экономическим показателем, отражающим рыночную стоимость бизнеса. Это сумма требований всех заявителей: кредиторов

(обеспеченных и необеспеченных) и акционеров (привилегированных и общих). Стоимость предприятия является одним из основных показателей, используемых в оценке бизнеса, финансовом моделировании, бухгалтерском учете, анализе портфеля и анализе рисков.

Стоимость предприятия является более полной, чем рыночная капитализация, которая отражает только обыкновенный капитал.

Стоимость компании может быть получена из оценки активов, которыми она владеет. Вместе с тем, оценка стоимости предприятия по данным публикуемой отчетности указывает на ее характеристики в период, за который составлена отчетность. Вместе с тем, фактически за период с даты публикации отчетности до даты оценки стоимости предприятия, например, для продажи может пройти определенный промежуток времени, за который ситуация на рынке поменяется и изменит объективные факторы, влияющие на капитализацию исследуемой компании, что в конечном счете, может привести и к фактическому изменению отчетных параметров. Безусловно, это может в целом изменить и показатели стоимости.

Стоимость предприятия является полезным показателем успеха или полезным показателем эффективности, когда, помимо рейтинга, учитываются риски прибыли компании (например, с помощью учетной про-

центной ставки). Можно с уверенностью утверждать, что стоимость предприятия зависит от вероятности дефолта (рейтинга) и работает как отрицательный темп роста в будущем.

Стоимость предприятия является одним из наиболее важных понятий в инвестировании, поэтому ее оценка становится важной и в целях проведения прибыльной сделки для самих акционеров.

Стоимость предприятия — это теоретическая цена, по которой его можно купить. Она существенно отличается от рыночной капитализации и учитывает многие другие факторы для достижения правильной оценки бизнеса. Таким образом, при подведении итогов в ходе осуществления мониторинга управления компанией инвесторы узнают фактическую стоимость организации.

Инвесторы инвестируют в компанию, когда знают ее истинную стоимость. Самые высокие инвестиции приходят в те компании, которые генерируют более высокие денежные потоки наряду с высокой стоимостью предприятия. Долг и денежные средства оказывают огромное влияние на поиск правильной оценки компании. Оба компонента не входят в рыночную капитализацию для определения истинной стоимости компании.

С другой стороны, стоимость предприятия учитывает этот аспект и помогает определить фактическую стоимость предприятия. Стоимость предприятия помогает инвесторам узнать точную стоимость компании и определить, недооценена она или нет.

Таким образом, мониторинг обеспечивает снижение риска инвестирования для инвесторов и потери прибыли от продажи для собственников.

В отличие от рыночной капитализации, где и рыночная цена, и количество выпущенных акций доступны для изучения широкому кругу пользователей, практически невозможно рассчитать стоимость предприятия без внесения ряда корректировок в опубликованные открытые данные, включая часто субъективные оценки стоимости.

Так, подавляющее большинство корпоративных долгов не котируются на бирже. Большая часть корпоративного долга имеет форму банковского финансирования, финансовой аренды и других форм долга, для которых нет рыночной цены. Ассоциированные компании и интересы меньшинств отражаются в отчетности по первоначальной балансовой стоимости, которая может сильно отличаться от их рыночной стоимости. Необеспеченные пенсионные обязательства основываются на различных актуарных допущениях и представляют собой оценку непогашенного обязательства, а не его истинную рыноч-

ную стоимость. Публичные данные по некоторым ключевым входным данным для оценки стоимости, таким как остатки денежных средств, уровень задолженности и резервы, публикуются не ежедневно, а только один раз в год в годовом отчете и отчетах компании. Публикуемая отчетность актуальна только несколько недель или месяцев после окончания года, т.е. указанные выше сведения уже устарели.

То есть, для оценки стоимости предприятия следует руководствоваться не только публикуемыми данными отчетности, но и показателями рынка на момент проведения оценки. Данные сведения могут быть получены в ходе проведения мониторинга как внешних факторов рынка, так и внутренних финансовых показателей, и возможностей.

На практике для обеспечения достоверной оценки стоимости предприятия расчеты основываются на данных текущего мониторинга в разумных оценках рыночной стоимости этих компонентов. Например, во многих профессиональных оценках необеспеченные пенсионные обязательства оцениваются по номинальной стоимости, указанной в примечаниях к последним имеющимся счетам. Задолженность, которая не является предметом публичной торговли, обычно принимается по номинальной стоимости, если только компания не сильно ориентирована (в этом случае требуется более сложный анализ). Ассоциированные компании и миноритарные доли обычно оцениваются по балансовой стоимости или как кратные их заработку.

Именно в ходе мониторинга ключевых детерминант стоимости, таких как ожидаемые денежные потоки, инвестиционный риск, значение капитала и сервиса, ожидаемый потенциал роста бизнеса, возможность появления и существования полезных эффектов в будущем определяется реальная стоимость компании на рынке на текущий момент.

Менеджмент и совет директоров компании должны ориентироваться в своей работе на максимальное увеличение прибыли, капитализации и дивидендов [3], а это возможно, в том числе в результате мониторинга управления.

В социологическом словаре мониторинг определяется как «один из наиболее эффективных способов повторного социологического исследования, представляющего собой целостную систему отслеживания происходящих в обществе или в его отдельных структурах и общностях (группах) изменений на основе изучения и анализа массовых представлений о них, осуществляемого через небольшие (квартал, год) промежутки времени» [5].

Под мониторингом, в широком смысле, понимается непрерывный процесс наблюдения и регистрации параметров объекта, в сравнении с заданными критериями.

Мониторинг — это процесс, способствующий повышению эффективности и достижению результатов. Его цель заключается в совершенствовании нынешнего и будущего управления мероприятиями, результатами и отдачей. Он в основном используется для оценки эффективности проектов и программ, созданных компаниями на рынке. Он устанавливает связь между прошлыми, настоящими и будущими действиями.

Процессом мониторинга могут управлять доноры, финансирующие оцениваемую деятельность, независимое подразделение организации-исполнителя, руководители проектов или сами группы исполнителей и/или частная компания. Достоверность и объективность докладов о мониторинге и оценке в значительной степени зависят от независимости экспертов по оценке. Их опыт и независимость имеют большое значение для успеха этого процесса.

Мониторинг представляет собой непрерывную оценку, целью которой является предоставление всем заинтересованным сторонам на раннем этапе подробной информации о ходе или задержке текущей деятельности по оценке. Это надзор за стадией реализации деятельности.

Мониторинг — это систематический процесс сбора, анализа и использования информации для отслеживания прогресса исследуемого объекта в достижении ее целей и принятия управленческих решений. Мониторинг обычно фокусируется на процессах, например, когда и где происходят действия, кто их выполняет и сколько людей или организаций достигает поставленных целей.

Его цель состоит в том, чтобы определить, были ли достигнуты запланированные результаты, поставки и графики, с тем чтобы можно было принять меры для скорейшего устранения недостатков.

Эффективное планирование в сочетании с эффективным мониторингом и оценкой может сыграть важную роль в повышении эффективности программ и проектов в области развития. Хорошее планирование помогает сосредоточиться на важных результатах, а мониторинг и оценка помогают компаниям учиться на прошлых успехах и проблемах и принимать обоснованные решения, чтобы нынешние и будущие инициативы могли улучшить положение компании на рынке.

Мониторинг управления является ключевой задачей руководителей и ключевых менеджеров компаний, уро-

вень компетентности которых также влияет на его результаты и, соответственно, на стоимость компании.

Управленцы должны обладать способностями планировщика, координатора, проектировщика и маркетолога. Успех организации будет зависеть от способностей управляющего состава в использовании ресурсов для достижения бизнес-целей. Есть быстрые изменения в технологиях, метода производства, маркетинга, финансах и руководитель / менеджеры (далее — менеджеры) должны быть достаточно компетентными, чтобы справиться и правильно проанализировать указанные изменения. В результате стоимость всего бизнеса будет расти.

Менеджер должен выполнять ряд функций от планирования до контроллинга. Он должен принимать решения по каждому виду деятельности.

Менеджер должен иметь надлежащее образование. Сегодня менеджеры должны иметь управленческое образование, помимо образовательного ценза. Образование не только расширяет кругозор, но и помогает понять вещи и правильно их интерпретировать. Знание бизнес-среды также важно для решения различных проблем, с которыми может столкнуться организация.

Менеджер должен выполнять больше обязанностей, чем другие лица в организации. Он должен иметь более высокий уровень интеллекта по сравнению с другими лицами. Интеллект поможет менеджеру в оценке настоящих и будущих возможностей для бизнеса. Он сможет предугадать все заранее и принять необходимые решения в нужное время.

Менеджер должен направлять и мотивировать людей, работающих в организации. Он обеспечит руководство подчиненным. Энергия подчиненных должна быть правильно направлена на достижение организационных целей. Если руководитель обладает лидерскими качествами, то он может мотивировать подчиненных в повышении их работоспособности и работе на полную мощность на благо организации.

Менеджер должен приобрести управленческие навыки. Эти навыки состоят из технических навыков, человеческих навыков и концептуальных навыков. Эти навыки должны быть приобретены через образование, рекомендации, опыт и т.д. Они необходимы для руководителей всех уровней.

Менеджер должен обладать техническими знаниями о производственных процессах и другой деятельности, осуществляемой на предприятии. Он будет иметь больше возможностей для инспектирования и руководства, если он сам будет знать об этой деятельности.

Менеджер должен иметь умственную зрелость для решения различных ситуаций. Он должен быть терпеливым, хорошим слушателем и быстро реагировать на ситуации. Он должен принять много неудобных решений, которые могут негативно повлиять на работу, если не будут приняты должным образом. Он должен сохранять спокойствие при общении с подчиненными.

Позитивный настрой — это преимущество для менеджера. Он должен с пониманием и позитивно относиться к различным предложениям и принятым решениям. Он не должен судить о вещах и принимать чью-либо сторону. Он должен стараться развивать хорошие отношения с различными людьми, которые имеют с ним дело. Он должен понять их проблемы и попытаться протянуть руку помощи.

У менеджера должна быть уверенность в себе. Он должен принимать много решений ежедневно, он может анализировать вещи систематически, прежде чем принимать решения. После того, как он принимает решения, то он должен придерживаться их и попытаться реализовать их.

Отсутствие указанных выше профессиональных и личностных качеств менеджеров могут негативно повлиять на оценку стоимости компании в целом.

Мониторинг управления может быть направлен на различные объекты: активы компании, конкурентов, цены, трудовые ресурсы и т.п.

Так, например, внедрение мониторинга управления ценами в компании позволяет устранить различие цен по филиалам в рамках одного субъекта РФ, сократить процесс согласования стоимости материально-технических ресурсов, снизить возможные риски превышения выделенных средств на реализацию планов капитального строительства и ремонтов за счет завышения цен приобретения материально-технических ресурсов [6].

В данном случае роль мониторинга на практике заключается в ценовой оптимизации материальных затрат, снижении себестоимости продукции, повышении доверия покупателей ввиду равнозначности стоимости вне зависимости от района продаж. Мониторинг рыночных цен нужен для определения достоверной стоимости строительных материалов, технических и трудовых ресурсов.

Мониторинг цен строительных ресурсов позволяет повысить качество ценообразования; систематизировать все процессы и процедуры, обеспечивающие определение максимально точной сметной стоимости объектов капитального строительства; исключить использование индексов удорожания и минимизировать

риски завышения сметной стоимости; учитывать точные затраты на транспортную логистику или труд рабочих в конкретном регионе и т.п.; организовать новые форматы взаимодействия со всеми участниками рынка и выстроить современный подход к ценообразованию.

Все это в целом, безусловно, влияет и на стоимость всей компании.

Основным инструментом оценки состояния конкурентной среды является мониторинг. В данном случае это будет мониторинг управления сторонних компаний на рынке в целях определения их рыночной позиции, поиска новых путей развития и определения конкурентных преимуществ.

Мониторинг состояния конкурентной среды представляет собой систематический сбор и обработку информации, которая в дальнейшем используется для принятия управленческих решений по регулированию развития конкуренции на рынках региона. Результаты мониторинга могут использоваться органами власти для информирования предпринимателей и общественности, а также как инструмент обратной связи при осуществлении проектов или программ развития конкуренции [2].

Мониторинг состояния конкурентной среды позволяет выявить изменения на локальных рынках товаров и услуг региона, на основании которых будет выработан курс действий органов власти по развитию конкуренции на перспективу. Мониторинг является основным инструментом реализации Стандарта развития конкуренции и оценки состояния конкуренции на региональном рынке. Мониторинг позволяет оценить динамику хозяйствующих субъектов на региональном рынке, административные барьеры входа на рынок, а также экономические и административные ограничения для развития конкуренции [4].

В результате повышения конкурентных преимуществ также будет увеличиваться стоимость компании на рынке, именно поэтому, роль мониторинга конкурентных преимуществ как одного из направлений правления компанией бесспорна.

Для некоторых сфер производства существуют специфические типы мониторинга, осуществление которых также необходимо в целях формирования общей стоимости компании на рынке. Так, например, для предприятий нефтегазовой отрасли важно осуществлять экологический мониторинг управления.

Экологический контроль / мониторинг описывает процессы и мероприятия, которые необходимо провести для характеристики и контроля качества окружающей

среды. Экологический мониторинг используется при подготовке оценок воздействия на окружающую среду, а также во многих случаях, когда деятельность человека несет риск вредного воздействия на природную среду [1].

Результат экологического мониторинга должен показать уровень управления затратами на охрану окружающей среды, политику компании по сохранению природных ресурсов. Положительные выводы мониторинга внесут существенный вклад в общую оценку деятельности компании и, соответственно, увеличат не только ее капитализацию, но и обеспечат благоприятное отношение инвесторов.

Это лишь некоторые примеры показательной роли мониторинга управления стоимостью предприятия. В зависимости от объекта управления они могут быть также направлены на трудовые ресурсы, активы, инновации, технологии, инвестиции, иные конкурентные преимущества компании. С учетом период планирования можно выделить краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный мониторинг управления. Исходя из субъектного состава проводится мониторинг руководящим составом компании, ведущими топ-менеджерами, рядовыми сотрудниками и т.п.

Менеджменту компаний необходимо обеспечить правильный баланс между всеми типами мониторинга управления в целях создания устойчивости бизнеса. Не стоит забывать, что чрезмерное внимание к одному из видов мониторинга может привести к ухудшению показателей по иным сферам управления. Это, безусловно, будет ухудшать конкурентоспособность фирм, усиливать системный риск, и уменьшать потенциал всего бизнеса.

Так, например, краткосрочный мониторинг управления следует проводить в отношении новых технологий, сокращении времени торговли и транзакционных издержек, повышенной волатильности рынка, освещении в средствах массовой информации. Все эти критерии, так или иначе, влияют на общие характеристики компании и, соответственно, на ее стоимость. Вместе с тем, не стоит забывать, что при определении краткосрочных результатов уделяется недостаточное внимание стратегии развития компании на перспективу, основам создания стоимости фирмы.

Несмотря на все многообразие типов и форм мониторинга, его роль очевидна: он обеспечивает рост капитализации компании, повышение ее стоимости на рынке, увеличение поступлений прибыли собственникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аржаткина М. С. Роль экологического контроля, как элемента эколого-экономического менеджмента // Горный информационно-аналитический бюллетень. Отдельные статьи. — М.: МГГУ, 2013. — № 9. — С. 22–24.
2. Иващенко, Н. Н. Разработка мониторинга конкуренции на муниципальном уровне / Н. Н. Иващенко, М. Л. Теодорович // Социологический альманах. — 2015. — № 6. — С. 428–435.
3. «Матричная» система заменила строгую иерархию вертикали / [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rg.ru/2017/02/21/rossijskie-kompanii-usheshno-vnedrili-praktiku-proektnogo-upravleniia.html>.
4. Окшин, В. В., Савина, А. М. Мониторинг состояния конкурентной среды на региональном рынке // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Социология. 2017. № 4 (44). — С. 105–114.
5. Социологический словарь ИАЦ «SOCIUM» / [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.socium.info/dict>.
6. Сагетдинов, А. Ф. Мониторинг стоимости материально-технических ресурсов как инструмент оптимизации деятельности предприятия / Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2015. — С. 187–190.

© Кузнецов Василий Владимирович (kuznetsov.vasili@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА: ВАЖНЕЙШИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЕЕ РОСТА

LABOR PRODUCTIVITY: THE MOST IMPORTANT SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF ITS GROWTH

**N.Trishkina
N.Onanko
A.Yurasov**

Summary. The article is devoted to the problem of labor productivity growth in modern economic conditions in Russia. The main factors of labor productivity growth are considered. The main attention is paid to the influence of human capital as an important reserve of labor productivity growth along with technical and technological factors.

Keywords: labor productivity, reserves of labor productivity growth, socio-economic factors, motivation, resources. Labor productivity: the socio-economic and psychological aspects of its growth.

Тришкина Надежда Антоновна

*К.э.н., Московский международный университет
ntrishkina@list.ru*

Онанко Наталья Абековна

*К.п.н., Московский международный университет
nataonanko@mail.ru*

Юрасов Александр Борисович

*К.п.н., Московский международный университет
jurasow@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме роста производительности труда в современных условиях хозяйствования в России. Рассматриваются основные факторы роста производительности труда. Основное внимание в статье уделяется влиянию наряду с техническими и технологическими факторами, человеческого капитала как важного резерва роста производительности труда.

Ключевые слова: производительность труда, резервы роста производительности труда, социально-экономические факторы, мотивация, ресурсы.

Повышение производительности труда — один из объективных экономических законов, присутствующих каждой общественно-экономической формации независимо от господствующей в нём системы хозяйствования. Экономический смысл этого закона выражается в том, что благодаря развитию производительных сил происходит экономия овеществленного и живого труда, являющаяся одним из важнейших факторов повышения эффективности производства, а также повышения уровня социально-экономического развития.

Каждое предприятие отличается определённым уровнем производительности труда, который может повышаться или понижаться в зависимости от определенных обуславливающих труд факторов.

Согласно многочисленным эмпирическим исследованиям и статистическим данным, производительность труда персонала российских предприятий занимает незначительные позиции, относительно более развитых стран и составляет не более 30–50% от потенциально возможного уровня, что означает низкую трудоотдачу и неэффективное использование фонда оплаты труда, а также рост прямых затрат. Для справки: по некоторым отраслям народного хозяйства по уровню производительности труда мы отстаем от Европы в 20 раз. [4]

Как известно, на уровень производительности труда организации влияют практически все факто-

ры производства и все задействованные ресурсы. Насколько эффективно будут воздействовать работники средствами труда на предметы труда зависит и от средств труда: техника, оборудование, транспорт, технология, и от предметов труда: сырье, материалы, полуфабрикаты и т.д. Они должны быть поставлены на рабочее место в срок, соответствовать определенным параметрам и качеству. Также производительность труда, безусловно, зависит от работников: от уровня их квалификации, адаптированности, заинтересованности.

Недостаточно высокую квалификацию работников можно назвать одной из основных причин низкого уровня производительности труда. По статистическим данным Министерства труда работники, имеющие высшую квалификацию, в России составляют всего лишь 5–7% от общего числа работающих. Для сравнения — в развитых странах более 50%.

Нередко на производственных предприятиях возникает проблема несоответствия уровня квалификации и присвоенного разряда. Бывает так, что рабочий, имеющий высокий разряд, не соответствует требованиям, предъявляемым к выполнению работ данной квалификации. Эту проблему, на наш взгляд, можно решить путем проведения аттестации, создающей условия для естественного оздоровления рабочего климата, а также возможность оплачивать труд людей с учетом их личного вклада.

Важнейшим фактором роста производительности труда была и остается организация труда. Насколько эффективно организован труд рабочих, а именно эта категория работников напрямую влияет на его значение, зависит от менеджеров всех уровней организации. Неэффективное управление на уровне рабочего места приводит к простоям и потерям рабочего времени из-за некачественной организации рабочего места, его оснащенности, отсутствия технической карты, инструктирования и др.

Еще в начале XX века Ф.У.Тейлор в книге «Принципы научного управления» акцентировал значение и взаимосвязь управления с уровнем производительности — ошибочная система управления предприятия принуждает каждого работника работать медленно, с «прохладцей».

Проблема работы с «прохладцей» на российских предприятиях нередко связана, на наш взгляд, с условиями нормирования труда. Сущность этой проблемы заключается в том, что рост выработки при определенных условиях «провоцирует» пересмотр норм оплаты труда в сторону уменьшения, что, безусловно, выгодно для компании и не выгодно для работника.

Тем не менее, необходимость постоянного периодического пересмотра норм и расценок объективна, т.к. чаще всего вызывается изменением условий производственного процесса. Качество норм и нормирование труда во многом зависят от удельного веса технически обоснованных норм, а также обоснованности применения опытно-статистических норм. [5]

Выявление и устранение «выгодных» и «невыгодных» норм на различные виды работ являются залогом улучшения психологического настроения работников на выполнение норм и создают условия для удовлетворенности производственной ситуацией и удовлетворенности трудом.

При пересмотре норм необходимо помнить, что изменившиеся условия, требующие от рабочих повышения квалификации или увеличения усилий, должны сопровождаться повышением заработной платы.

Нельзя не затронуть и обратное явление: такое как необоснованный рост заработной платы. Нередко случается так, что при экономической оценке деятельности организации, выявляется несоблюдение выполнения неравенства, когда темпы роста производительности труда должны опережать темпы роста заработной платы. Однако, современное состояние производственных отношений в нашей стране таково, что, несмотря на относительно невысокий уровень оплаты труда, темп ро-

ста зарплат стремительно обгоняют темпы роста производительности труда, что ведет к перерасходу фонда оплаты труда и необоснованному росту себестоимости выпускаемой продукции.

Остановимся на основных факторах роста производительности труда:

- ◆ обновление и совершенствование технических средств, а также изыскание возможностей повышения уровня механизации и автоматизации на всех участках производства;
- ◆ обновление технологий производства, внедрение новых информационных технологий. Внедрение в технологический процесс технических информационных средств (ЭВМ, аудио, кино, видео), открывающих совершенно новые технологические возможности, связанные с использованием уникальных современных компьютеров и телекоммуникаций.
- ◆ применение аддитивных технологий, позволяющих изготавливать любое изделие послойно на основе компьютерной 3D- модели, при этом затраты значительно ниже, а продукция более дешевая, надежная и качественная. Сегодня есть возможность применять аддитивные технологии в машиностроении, промышленности, науки и многих других сферах. [3]
- ◆ приобретение ноу-хау, внедрение «Бережливых технологий, применение более эффективных технологий управления производством и более совершенной организации труда;
- ◆ выявление потерь рабочего времени, разработка мероприятий по их устранению, что приведет к сокращению времени производственного цикла. В целях борьбы с потерями и мониторинга уровня производительности труда необходимо, чтобы этот показатель стал таким же значимым как, например, выручка или прибыль, а исключение потерь рабочего времени — неотъемлемой частью процесса развития производства;
- ◆ создание центров ответственности производительности — состыкованной многофакторной системы измерения производительности по центрам ответственности, позволяющей выполнять роль сигнальной системы, помогающей в ходе стратегического и комплексного анализа выявлять проблемные участки и вовремя принимать соответствующие регулирующие меры. [1]

Исходя из того, что производительность труда определяется в первую очередь наличием трудовых ресурсов, крайне важным условием ее стабильного роста является здоровое и трудоспособное население, т.е. человеческий капитал, заинтересованный в увеличении своего благосостояния, отсюда следует: мотива-

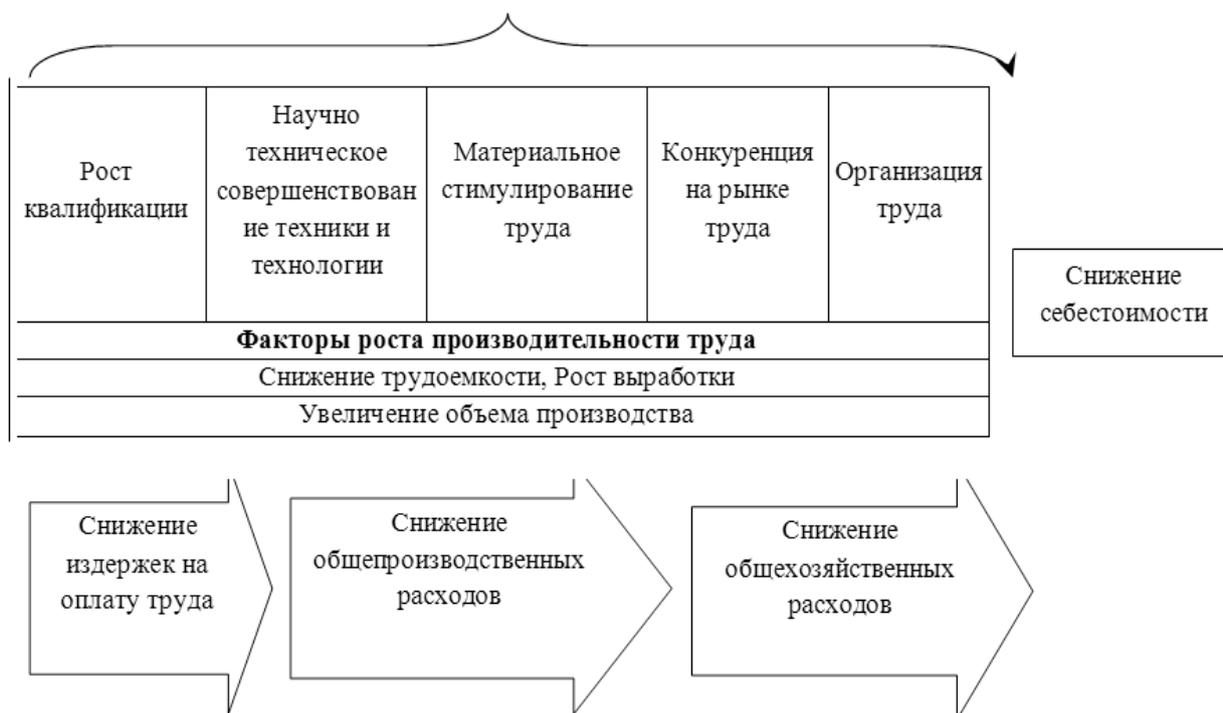

Рис. 1. Взаимосвязь факторов роста производительности труда и себестоимости выпускаемой продукции

цией повышения производительности труда является материальная заинтересованность работников. Следовательно:

Богатство = производительность труда

Здесь прослеживается и обратная связь, при желании стать богаче, нужно стать производительнее. Тот же принцип действует и на уровне страны: благосостояние государства определяется богатством ее жителей, поэтому производительность труда населения определяет уровень богатства всего государства, таким образом, работая более производительнее, работник обогащает не только себя, но и, повышая прибыль организации, стабилизируют экономику страны.

Напрашивается вывод: любые экономические реформы (начиная от борьбы с бюрократией и заканчивая изменением налогового законодательства) должны быть направлены, в конечном счете, на повышение производительности труда. Именно с этой точки зрения их можно оценивать, даже не будучи специалистом в области экономики.

Возвращаясь к приведенному ранее примеру, следует подчеркнуть важность мотивации роста производительности труда, т.е. вознаграждению за труд.

Работодателям, прибегающим к экономии заработной платы, следует помнить, что у этой медали есть две стороны. Получая сиюминутную выгоду за счет такой «экономии», можно в перспективе остаться без высококвалифицированных кадров, что приведет к большим экономическим потерям.

В этой связи, рассмотрим взаимосвязь производительности труда (выработки) и трудоемкости выпускаемой продукции (работ, услуг).

К факторам снижения трудоемкости относятся, прежде всего, повышение производительности труда за счет роста выработки, которая в свою очередь зависит от производственного потенциала и эффективности его использования, роста квалификации работников. Кроме того, на снижение трудоемкости оказывает влияние рост безработицы и жесткое нормирование. В случае, если фирма найдет возможность реализации вышеперечисленных факторов, то это положительным образом отразится на себестоимости продукции, рис. 1., где схематично отображена взаимосвязь влияния факторов роста производительности труда на финансовые результаты деятельности организации.

При определении влияния отдельных факторов на рост производительности труда необходимо учиты-

вать различное влияние постоянных и переменных затрат на себестоимость и выпуск продукции. Постоянные затраты не изменяются при изменении объема производства продукции, следовательно, рост объема производства за счет увеличения производительности труда приводит к снижению удельных постоянных затрат.

Несмотря на важность перечисленных выше факторов необходимо подчеркнуть, что важным ресурсом как роста производительности труда, так и экономического роста является человеческий капитал.

Современная наука характеризуется все более возрастающим интересом к человеку как главному ресурсу производства и управления.

В широком понимании производительность — это умственная склонность человека к постоянному поиску возможности усовершенствования того, что существует. Оно основано на уверенности в том, что человек может работать сегодня лучше, чем вчера, а завтра еще лучше.

Однако, в погоне за прибылью «человеческий» фактор зачастую забывается.

В этой связи следует рассмотреть понятие эффективности труда. Оно шире, чем производительность, и включает кроме экономического ее значения ещё и психофизиологический и социальный аспекты. Психофизиологическая эффективность труда определяется воздействием трудового процесса на организм человека.

С этой точки зрения эффективным может быть признан только такой труд, который наряду с ростом производительности труда обеспечивает безвредные, благоприятные санитарно — гигиенические условия и безопасность. [2] Отсюда вытекает и понятие социальной эффективности труда, которое включает требования гармоничного развития личности каждого работника, повышение его квалификации и расширение производственного профиля, формирование позитивного социального климата в трудовых коллективах, усиление социально-политической активности и совершенствования всего образа жизни.

Неблагоприятные санитарно-гигиенические и вредные для здоровья условия труда вызывают потери рабочего времени в связи с заболеваемостью, предоставлением дополнительных отпусков, сокращение самого активного периода трудовой деятельности человека.

Итак, эффективность труда обуславливается его производительностью в тесной взаимосвязи технических, социальных и психологических факторов, что необхо-

димо постоянно учитывать при определении факторов и резервов роста производительности труда.

Мировой опыт свидетельствует о том, что наибольшей эффективностью обладают те предприятия, основной внутренней политики которых является управление производительностью труда. На Госсовете 8 февраля 2008 г. Президент В.В. Путин указал, что до 2020 г. необходимо четырёхкратное повышение производительности труда, что позволит выйти нашему государству на пятое место в мире по валовому внутреннему продукту и существенно повысить конкурентоспособность производимой продукции. В этих условиях экономическая наука призвана разработать для предприятий методический инструментарий повышения эффективности производства на основе управления производительностью и рентабельностью труда.

Подводя итоги, можно сказать, что в повышении производительности труда сокрыты огромные внутренние резервы любой компании.

Управление производительностью труда — актуальная проблема, от решения которой зависит не только результативность деятельности организации, его конкурентоспособность, но и состояние экономики страны.

Интерес к проблеме управления производительностью труда проявился с новой силой на уровне государства.

С сентября 2017 года по декабрь 2025 года на территории Российской Федерации реализуется приоритетная программа «Повышение производительности труда и поддержка занятости». В 2018 году программа будет реализована в 15 субъектах Федерации на 150 предприятиях. Участие в программе дает предприятиям доступ к наиболее прогрессивным методикам повышения производительности труда. Причем методики эти они получают от экспертов-практиков в сочетании с обучением сотрудников, которые выделяются на направление повышения производительности труда, а также руководства предприятий.

Итак, несмотря на возможность стагнации в экономике России, на настоящем этапе развития производительных сил и производственных отношений приоритетным направлением является интенсификация производства. Для российской экономики по-прежнему остается глобальной проблемой «нефтяной иглы», для решения которой необходимы инвестиции капитала в развитие обрабатывающей промышленности, где рост производительности труда играет решающую роль в достижении значимых результатов, в ее повышении сокрыты огромные внутренние резервы любой компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емец Э. В. Управление производительность по центрам ответственности. Научный журнал КубГАУ, № 70(06), 2011 г.
2. Любушин, Н.П., Бабичева Н. Э. Экономика предприятия: — М.: КноРус, 2016. — 79 с.
3. Ключко А.Д, Гареева Д. А., Григорьева Д. Р. Аддитивные технологии и эффективность их использования в производстве. Международный научный журнал «Символ науки» № 1–2/ 2018 г.
4. А.Л. Кудрин статья Михаила Ростоцкого «Россия на игле» МК от 15 ноября 2013 г.
5. Толпегина О.А., Толпегина Н. А. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: -М.: Издательство Юрайт, 2018–364с.

© Тришкина Надежда Антоновна (ntrishkina@list.ru),

Онанко Наталья Абековна (nataonanko@mail.ru), Юрасов Александр Борисович (jurasow@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский международный университет

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА РЫНКАХ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ С УЧЕТОМ РАЗВИТИЯ РАСПРЕДЕЛЕННОЙ ГЕНЕРАЦИИ

THE ELECTRICITY MARKET PRICING MECHANISM IMPROVEMENT ACCORDING TO THE DISTRIBUTED GENERATION DEVELOPMENT

B. Fain

Summary. This article considers the problems of improving the electric power market state regulation in the modern world trend context, which is to increase the role of distributed generation. The distributed generation development current assessment is given. The effects provided by distributed generation facilities and its features are considered, which should be taken into account when setting prices (tariffs) for electric energy and related services in the electric power industry. The problems of Russian electric energy (power) markets pricing mechanisms which are inhibiting the distributed generation development are revealed. The measures to improve these mechanisms are proposed.

Keywords: renewable energy sources, government regulation, small energy, distributed generation, distribution networks, retail electricity market, tariffs, pricing, power plants, electric power industry, power supply.

Файн Борис Ильич

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)
fayn-bi@ranepa.ru*

Аннотация. Рассмотрены проблемы совершенствования государственного регулирования рынка электрической энергии в контексте современного мирового тренда, заключающегося в повышении роли распределенной генерации. Дана оценка текущего состояния развития распределенной генерации в электроэнергетике. Рассмотрены эффекты, обеспечиваемые объектами распределенной генерации, и ее особенности, которые должны учитываться при формировании цен (тарифов) на электрическую энергию и смежные услуги в электроэнергетике. Выявлены недостатки существующих механизмов ценообразования на рынках электрической энергии (мощности) в Российской Федерации, препятствующие сбалансированному развитию распределенной генерации, обеспечивающему общесистемный эффект. Предложены меры по совершенствованию указанных механизмов.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, государственное регулирование, малая энергетика, распределенная генерация, распределительные сети, розничный рынок электроэнергии, тарифы, ценообразование, электрические станции, электроэнергетика, энергоснабжение.

Введение

С начала XXI века во всем мире наблюдается активная трансформация технологической модели развития электроэнергетического сектора. Традиционная технологическая модель электроэнергетики предполагала максимальную централизацию отрасли — выработку электрической энергии на крупных тепловых, атомных и гидравлических электростанциях, ее передачу на дальние расстояния посредством мощных магистральных линий электропередачи и последующее распределение потребителям. Технологическое развитие отрасли базировалось на непрерывном наращивании технических параметров энергетических объектов (единичной установленной мощности агрегатов электростанций, параметров пара турбоустановок, уровня напряжения высоковольтных и сверхвысоковольтных линий электропередач), обеспечивавшем достижение экономического эффекта за счет масштаба производства.

Однако, в настоящее время общепризнано, что дальнейшее развитие электроэнергетики в рамках прежней

технологической модели исключительно за счет дальнейшей централизации и укрупнения не соответствует концепции устойчивого развития и более не может рассматриваться в качестве безальтернативного варианта. Происходит трансформация традиционной технологической модели электроэнергетики в направлении интегрированного развития централизованной и распределенной энергетики. Ключевыми особенностями новой модели становятся формирование интеллектуальных энергетических систем на базе современных цифровых технологий, обеспечение оптимального соотношения централизованной и распределенной генерации с усилением роли возобновляемых источников энергии (ВИЭ), развитие систем аккумулирования энергии и активное участие потребителей (просьюмеров) в регулировании графиков нагрузки.

Особенности и тенденции развития распределенной генерации

Одним из ключевых принципов новой технологической модели электроэнергетики является повышение

роли распределенной генерации. Под распределенной генерацией понимается производство электрической энергии (либо комбинированное производство электрической и тепловой энергии) генерирующими энергоустановками малой и средней мощности (не превышающей десятков мегаватт), расположенными вблизи или на территории потребителей с выдачей мощности в распределительные электрические сети либо непосредственно в сети (энергопринимающие устройства) потребителя. Распределенная генерация включает в себя широкий спектр технологий и технических решений. К объектам распределенной генерации относятся как тепловые электростанции малой и средней мощности, основанные на использовании ископаемого топлива, так и энергоустановки на базе возобновляемых источников энергии (малые гидроэлектростанции, ветровые электростанции, солнечные электростанции и ряд других).

Основными эффектами, обеспечиваемыми за счет развития распределенной генерации являются: минимизация потерь электроэнергии при передаче, сокращение эксплуатационных и инвестиционных затрат сетевых организаций, сокращение сроков подключения потребителей, повышение надежности энергоснабжения потребителей и их энергонезависимости [1, 2]. Кроме того, развитие распределенной генерации обеспечивает достижение ряда социальных эффектов.

Расширение использования распределенной генерации становится экономически целесообразным в условиях достижения сопоставимых стоимостных показателей оборудования малой и централизованной генерации (с учетом сетевой составляющей), постепенного удешевления технологий аккумулирования электроэнергии, появления современных систем автоматизации и возможностей удаленной диспетчеризации территориально распределенных генерирующих объектов. Немаловажную роль в развитии распределенной генерации играет и реализация во многих странах масштабных государственных программ по поддержке возобновляемых источников энергии.

Глобальная динамика вводов мощностей распределенной генерации свидетельствует о том, распределенная генерация в течение последних двух десятилетий развивается в мире высокими темпами, существенно опережающими темпы развития традиционной (централизованной) генерации. Объемы ежегодных вводов в эксплуатацию объектов распределенной генерации в мире приближаются к объемам вводов объектов традиционной генерации и уже составляют около 40% от общей мощности ежегодно вводимых в эксплуатацию генерирующих мощностей [3].

Общемировая тенденция усиления роли распределенной генерации, являющейся важнейшей составляющей новой технологической модели электроэнергетики, представляет собой серьезный вызов для энергетики Российской Федерации, которая традиционно развивалась как высокоцентрализованная, с преобладанием крупных электростанций и мощных линий энергопередачи. При этом в стране имеются серьезные экономические и ресурсные предпосылки для развития распределенной генерации, в частности, значительная площадь территорий изолированного энергоснабжения, высокий ресурсный потенциал возобновляемых источников энергии и местных видов топлива, наличие условий для развития когенерации, высокий уровень потерь при передаче электрической энергии.

При рассмотрении вопроса о целесообразности развития распределенной генерации в Российской Федерации необходимо учитывать ряд факторов. С одной стороны, в централизованной энергосистеме России в целом имеет место избыток генерирующих мощностей (составляющий, по данным Минэнерго России, 23,4 ГВт [4]). Также сетевые мощности как магистрального, так и распределительного сетевого комплекса в значительной степени недозагружены [5, 6]. С другой стороны, имеются локальные дефициты мощности на отдельных территориях в силу имеющих сетевых ограничений. Существенная часть имеющихся генерирующих мощностей представляет собой неэффективную генерацию, работающую в вынужденном режиме. Производство тепловой энергии осуществляется на морально и физически изношенных теплоэлектроцентралях (ТЭЦ) и котельных. Энергоснабжение в районах Крайнего Севера и приравненных к ним территориях обеспечивается, преимущественно, за счет неэффективной дизельной генерации. Кроме того, необходимо отметить высокий уровень потерь электроэнергии при передаче по электрическим сетям, составивший по ДЗО ПАО «Россети» в 2017 г. 9,22% [7].

Несмотря на наличие избытка мощностей в единой энергосистеме России в целом, во многих случаях ввод объектов распределенной генерации является наиболее эффективным проектным решением для минимизации затрат на энергоснабжение потребителей в условиях имеющихся сетевых ограничений. Конкурентоспособность отдельных проектов развития распределенной генерации по отношению к альтернативным проектным решениям, базирующимся на использовании традиционной энергетики, зависит от таких факторов, как стоимость проекта и альтернативных вариантов энергоснабжения, величина и принципы формирования тарифов на электрическую (тепловую) энергию и на смежные услуги, наличие на соответствующей территории ресурсов возобновляемых источников энергии, местных ви-

дов топлива или доступности природного газа и др. Так, в районах с низкой плотностью нагрузки потребителей предпочтительным является развитие распределенной генерации [8].

Тем не менее, в настоящее время в Российской Федерации достаточно активно развиваются лишь два сегмента распределенной генерации, обеспечивающие преимущественно локальный эффект для отдельных субъектов рынка (в условиях имеющихся перекосов в системе ценообразования), однако не приводящих к повышению эффективности энергосистемы в целом, и, как следствие, не способствующих минимизации тарифа для конечных потребителей. К числу указанных сегментов относятся:

- ◆ Развитие собственной распределенной генерации промышленных предприятий. Переход промышленности на собственную генерацию в большинстве случаев связан с возможностью более дешевого собственного производства электрической энергии по сравнению с приобретением электроэнергии на рынке в условиях действия системы перекрестного субсидирования между промышленностью и населением и наличия нерыночных составляющих в цене электроэнергии, поставляемой с оптового рынка (договора поставки мощности (ДПМ), межтерриториальное субсидирование). Уход промышленных потребителей с рынка электроэнергии в связи с переходом на собственную генерацию снижает эффективность функционирования энергосистемы, поскольку резко повышает тарифную нагрузку на остающихся в энергосистеме потребителей в связи с необходимостью содержания становящейся избыточной инфраструктуры.
- ◆ Ввод распределенной генерации на основе ВИЭ в ценовых зонах оптового рынка на основе механизма договоров поставки мощности (ДПМ ВИЭ). В рамках данного механизма в 2013–2017 гг. было отобрано 190 проектов ВИЭ со сроками ввода в 2014–2022 гг. суммарной установленной мощностью 3,8 ГВт, в т.ч. в сфере солнечной энергетики — 1184,2 МВт (105 проектов), ветровой энергетики — 2452,1 МВт (78 проектов), малой гидроэнергетики — 120,2 МВт (7 проектов) [9]. Механизм ДПМ ВИЭ, предоставляющий гарантии оплаты мощности по прошедшим конкурсным отбор инвестиционным проектам в сфере ВИЭ, обеспечивает достижение поставленных государством целевых показателей увеличения доли возобновляемой генерации, стимулирует локализацию производства соответствующего оборудования, однако не способствует решению задачи минимизации тарифов на электроэнергию для потребителей, поскольку по сути обязывает

потребителей оплачивать вводы дорогой генерации в ценовых зонах оптового рынка в установленных объемах, не считаясь с ее экономической эффективностью.

В тоже время, в стране недостаточно активно развиваются потенциально перспективные сегменты распределенной генерации, такие как малые ТЭЦ вблизи центров потребления, осуществляющие комбинированное производство электрической и тепловой энергии и энергоустановки на основе ВИЭ в удаленных (изолированных) районах.

Необходимость совершенствования конфигурации рынков и механизмов ценообразования

Эффективное и сбалансированное развитие распределенной генерации, обеспечивающее общесистемный эффект, а не только локальную выгоду для отдельных участников рынка, сдерживается существующей конфигурацией рынков электрической энергии и применяемыми на них механизмами ценообразования. Следует отметить, что действующие правила функционирования рынков электрической энергии предполагают, что электроэнергия, производимая энергообъектами мощностью 25 МВт и выше, реализуется на оптовом рынке электроэнергии. При этом на розничном рынке (где реализуется электроэнергия, произведенная энергообъектами меньшей мощности) на территориях, относящихся к ценовым зонам, электроэнергия может быть реализована гарантирующим поставщиком по цене, не превышающей средневзвешенную стоимость электрической энергии (мощности) на оптовом рынке, либо иным покупателям по свободным ценам, а на территориях, относящихся к неценовым зонам или изолированным энергосистемам — по регулируемым ценам. Система ценообразования никак не учитывает дополнительные эффекты, обеспечиваемые вводом распределенной генерации (в т.ч. минимизацию затрат на передачу электроэнергии), что делает нецелесообразным для участников рынка осуществление значительного числа потенциально эффективных проектов в сфере распределенной генерации.

Принятие экономически обоснованных инвестиционных решений в отношении развития распределенной генерации, обеспечивающих общесистемный эффект, возможно лишь в ситуации, когда затраты и эффекты, связанные с развитием распределенной генерации, сопоставляются участниками рынка с тарифами централизованной энергетики, отражающими реальные затраты на ее производство и передачу. Однако, в условиях действующих правил ценообразования и различных нерыночных механизмов перераспреде-

ления средств на оптовом и розничном рынках электрической энергии (единый «котловой» тариф на услуги по передаче, перекрестное субсидирование и др.) цены (тарифы) на электроэнергию для конечных потребителей не отражают реальных затрат, и, как следствие, не обеспечивают правильных ценовых сигналов в отношении целесообразности развития распределенной энергетики. Далее более подробно рассмотрены основные проблемы, связанные с конфигурацией рынков электрической энергии и механизмами ценообразования, решение которых могло бы способствовать созданию равных рыночных условий для конкуренции между различными видами технологий производства электрической и тепловой энергии, включая распределенную генерацию.

Существующий механизм формирования тарифов на услуги по передаче электроэнергии

Действующая система регулирования тарифов на услуги по передаче электрической энергии предусматривает установление «котловых» тарифов (единые тарифные ставки для всех потребителей в соответствующем субъекте Российской Федерации, вне зависимости от их месторасположения и фактических затрат на передачу электроэнергии до конкретного потребителя). При этом тарифы на услуги по передаче электрической энергии (ставка на содержание электрических сетей) устанавливаются с учетом составляющей услуг по передаче электрической энергии по магистральным сетям, которые никак не задействованы в случае приобретения потребителями электроэнергии у владельцев объектов распределенной генерации. Соответственно, для потребителя розничного рынка приобретение электроэнергии у производителя — владельца объекта распределенной генерации является выгодным лишь в том случае, когда цена ее приобретения у производителя не превышает суммы цены покупки электроэнергии гарантирующим поставщиком на оптовом рынке и сбытовой надбавки гарантирующего поставщика. В результате нивелируется основное преимущество распределенной генерации — близость к потребителю, обуславливающая низкий уровень потерь при передаче.

Представляется необходимым предусмотреть возможность более гибкой дифференциации тарифов на услуги по передаче электроэнергии, которая может заключаться в введении системы поправок к тарифам на услуги по передаче при приобретении потребителем на розничном рынке электроэнергии, произведенной распределенной генерацией. Также необходимо рассмотреть возможность смягчения запрета на одновременное владение генерирующими (в отношении распределенной генерации) и сетевыми объектами.

Наличие элементов субсидирования между отдельными участниками рынка

В настоящее время как оптовом, так и на розничных рынках электроэнергии, применяются различные нерыночные конструкции, предполагающие перераспределение средств между отдельными участниками рынка (перекрестное субсидирование между группами потребителей, межтерриториальное субсидирование, ДПМ), приводящие к тому, что цены (тарифы) на электроэнергию для потребителей не отражают реальные затраты на их энергоснабжение. В результате потребители, в первую очередь, промышленные, вынуждены переходить на собственные источники генерации с отказом (или сокращением) от централизованного энергоснабжения даже в тех случаях, когда ввод данных источников в ущерб общесистемной эффективности. В результате сетевая инфраструктура остается недозагруженной, что приводит к еще большему росту тарифов для потребителей, остающихся в системе централизованного энергоснабжения. Одновременно потребители — реципиенты системы субсидирования лишены стимулов к повышению энергоэффективности и рассмотрению альтернативных вариантов энергоснабжения, в т.ч. за счет распределенной генерации. Необходим постепенный отказ от действующих на рынке механизмов скрытого субсидирования, искажающих экономические стимулы.

Отсутствие практики вознаграждения владельцев объектов распределенной генерации за обеспечиваемые дополнительные эффекты

Доходы владельцев объектов распределенной генерации при существующей системе взаимоотношений между участниками оптового и розничных рынков складываются исключительно за счет выручки от реализации электрической энергии (мощности). При этом не применяются механизмы вознаграждения владельцев объектов распределенной генерации за дополнительные системные эффекты, получаемые другими участниками рынка в частности, сетевыми компаниями за счет ввода объектов распределенной генерации. В то же время анализ зарубежного опыта показывает, что в ряде стран (в частности, в Австралии и Новой Зеландии) используется практика прямых контрактных взаимоотношений между владельцами объектов распределенной генерации и сетевыми компаниями, на основе которых осуществляется размещение объектов распределенной генерации в тех зонах, где имеются сетевые ограничения [10]. Можно рекомендовать использовать при взаимодействии между российскими распределительными сетевыми компаниями и потенциальными инвесторами практику заключения подобных контрактов,

которые предусматривали бы обязательства по вводу объектов распределенной генерации в определенных точках сети.

Ограничения в отношении реализации электрической энергии, производимой распределенной генерацией, на розничных рынках электроэнергии

Владельцы генерирующих объектов с мощностью, превышающей 25 МВт, в соответствии с действующим законодательством, обязаны продавать всю производимую электрическую энергию (мощность) на оптовом рынке электрической энергии и мощности (ОРЭМ) (за исключением отдельных случаев, предусмотренных законодательством) и не имеют право осуществлять реализацию электроэнергии на розничном рынке. Это значительно снижает возможности для конкуренции на розничном рынке, а также не дает возможности потребителям, одновременно являющимся владельцами собственных генерирующих объектов, использовать вырабатываемую электроэнергию покрытия собственного энергопотребления предприятия без оплаты стоимости услуг по передаче электроэнергии.

Пересмотр вышерассмотренных ограничений, обеспечение возможности построения гибких двухсторонних взаимоотношений между владельцами распределенной генерации, энергосбытовыми компаниями, потребителями и сетевыми организациями позволит расширить возможности для развития конкуренции на розничных рынках электроэнергии, выровнять возможности участия на рынках для традиционной и распределенной генерации.

Отсутствие эффективной системы стимулирования реализации проектов развития распределенной генерации на основе возобновляемых источников энергии в изолированных энергоузлах

Действующие в Российской Федерации механизмы поддержки возобновляемых источников энергии на розничных рынках предполагают установление специальных долгосрочных тарифов лишь после ввода объекта в эксплуатацию и прохождения процедуры квалификации. Однако, отсутствует практика заключения долгосрочных инвестиционных контрактов между местными органами власти, энергоснабжающими ор-

ганизациями и инвесторами с установлением долгосрочных тарифов при реализации проектов развития распределенной генерации на основе ВИЭ в изолированных энергоузлах в целях замещения неэффективной дизельной генерации. Таким образом, на момент инвестирования у инвестора отсутствуют достаточные гарантии того, что после завершения строительства генерирующего объекта тариф будет установлен на приемлемом для него уровне. Снижение данного риска может быть достигнуто путем заключения с инвестором соответствующего инвестиционного соглашения по результатам конкурсного отбора проектов для включения в региональную программу развития электроэнергетики.

В части изменения подходов к тарифному регулированию в изолированных энергоузлах следует рекомендовать внедрение инвестиционных соглашений с органами власти субъектов Российской Федерации гарантирующими, в частности, долгосрочные тарифы на электроэнергию, поставляемую генерацией на основе ВИЭ, обеспечивающие окупаемость инвестиционных вложений.

Заключение

Для развития распределенной генерации в Российской Федерации на системной основе необходимо совершенствование политики государственного регулирования и правил функционирования рынков с учетом особенностей распределенной генерации. В то же время, изменения должны быть направлены не столько на создание каких-либо специальных механизмов поддержки и преференций для данного вида генерации, сколько на обеспечение равных недискриминационных условий для развития всех видов генерации. При формировании тарифов на электроэнергию и смежные услуги должен учитываться весь комплекс затрат и эффектов, связанных с функционированием распределенной генерации, и минимизированы объемы перекрестного и иных форм субсидирования, что обеспечит условия для равноправной конкуренции распределенной генерации с традиционными энергетическими технологиями в целях стимулирования субъектов рынка к принятию наиболее эффективных инвестиционных решений и минимизации стоимости энергоснабжения для конечных потребителей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Плоткина У.И., Хабачев Л. Д. Оценка эффекта от ввода объектов малой распределенной энергетики на снижение затрат в развитие региональных распределительных сетей // Экономика и предпринимательство, 2017. № 5 (ч. 1), с. 367–371
2. White Paper on distributed generation. National Rural Electric Cooperative Association, 2007 // Scribd HQ [Электронный ресурс].— Электрон. дан.— San Francisco, cop. 2007 — Режим доступа: <https://www.scribd.com/document/60500243/White-Paper-on-Distributed-Generation>

3. The rise of distributed power // General Electric [Электронный ресурс].— Электрон. дан.— Boston, cop. 2014, 47 С.— Режим доступа: <https://www.ge.com/sites/default/files/2014%202%20Rise%20of%20Distributed%20Power.pdf>
4. Приказ Минэнерго России № 121 от 28 февраля 2018 г. «Об утверждении схемы и программы развития Единой энергетической системы России на 2018–2024 гг.» // Официальный сайт Минэнерго России [Электронный ресурс].— Электрон. дан.— М., 2018 — Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/node/11323>
5. Годовой отчет Публичного акционерного общества «Федеральная сетевая компания
6. Единой энергетической системы» за 2016 г. // Официальный сайт ПАО «ФСК ЕЭС». [Электронный ресурс].— Электрон. дан.— М., 2017 — Режим доступа: http://www.fsk-ees.ru/upload/docs/fsk_go_2016.pdf
7. Суянов М., Репетюк С., Файн Б. и др. Межрегиональная дифференциация тарифов на электрическую энергию в Российской Федерации // Экономическая политика, 2015. № 1, с. 90–104
8. Годовой отчет ПАО «Россети» за 2017 г. // Официальный сайт ПАО «Россети». [Электронный ресурс].— Электрон. дан.— М., 2018 — Режим доступа: http://www.rustocks.com/put.phtml/MRKH_2017_RUS.pdf
9. Бушуев В. В. Развитие электроэнергетики: Стратегический и постстратегический форсайт // Энергетическая политика, 2017. № 6, с 3–15
10. Конкурсный отбор проектов ВИЭ. Результаты отборов проектов // АО «АТС» [Электронный ресурс].— Электрон. дан. М.— cop. 2018 — Режим доступа: <http://www.atsenergo.ru/vie/proresults>.
11. Economic Review of Distributed Generation Pricing Principles Consultation Paper. A Report for Transpower. Axicon economics. New Zeland, 2016, 60 С. https://www.transpower.co.nz/sites/default/files/uncontrolled_docs/TP_DGGP_Appendix_A_Axiom_Report_DGPP_Consultation_26July16.pdf

© Файн Борис Ильич (fayn-bi@ranepa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

КАЧЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО РЫНКА ПУШНИНЫ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

QUALITATIVE CONDITION AND ECONOMIC ORIENTATION OF DEVELOPMENT RUSSIAN FUR MARKET (HISTORICAL ASPECT)

**O. Fedorova
N. Lebedev**

Summary. The article, offered to the readers attention, is devoted to certain issues of the history of fur business in our country. The views on the problem of fur trade of a number of state and public figures of the pre-Soviet period are investigated. The practical aspects of fur auction trade in the first third of the last century are reflected. The statistics of sales volumes of the Russian fur is given, attention is paid to the range of fur products.

Keywords: market of fur, fur business, fur trade, exporter of furs, fur conditions, the formation of the fur assortment, fur industry.

Фёдорова Оксана Ивановна

Д.б.н., профессор, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К. И. Скрябина»

Лебедев Никита Андреевич

Д.э.н., профессор, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К. И. Скрябина»

swonson@bk.ru

Аннотация. Статья, предлагаемая вниманию читателей, посвящена отдельным вопросам истории пушного дела в нашей стране. Исследованы воззрения на проблему пушной торговли ряда государственных и общественных деятелей досоветского периода. Отражены практические аспекты аукционной торговли мехом первой трети прошлого века. Приведена статистика объёмов реализации российской пушнины, уделено внимание ассортименту меховой продукции.

Ключевые слова: рынок пушнины, пушное дело, меховая торговля, экспорт пушнины, меховая конъюнктура, формирование пушного ассортимента, мехообработывающая промышленность.

Положение рынков, рыночная инфраструктура, интерпретируются как важнейшие факторы, определяющие качественное состояние и направленность развития в том числе и рынка пушнины, что со своей стороны диктует проводимую политику реализации.

С этой точки зрения рынку пушнины в экономической жизни нашей страны всегда придавалось особое значение; обзорная оценка пушных запасов и промысла показывает, что пушнина традиционно являлась основным экспортным ресурсом. Понятно, что в российском климате пушнина имела и важную потребительскую ценность — мех всегда ценился как товар, а население исторически видело в пушном промысле важнейший элемент хозяйства.

Ретроспективный анализ отечественных источников, раскрывающих вопросы развития торгового права, позволяет допустить, что этапы в развитии российского рынка пушнины синхронизируются с идеологией и практикой торгового законодательства, одним из важнейших инструментов которого выступало таможенное обложение и соответствующие таможенные тарифы, а также законодательно-нормативная база, отвечающие комплексу социально-экономических условий [1].

Безусловно, возрастание геополитической роли России, расширение её внешнеэкономических связей придавало новые импульсы развитию торговой системы. Как показывает анализ, ряд концептуальных подходов, связанных с торговой практикой, внедрялось в таможенной политике. Масштабность её воздействия на доходы казны подтверждает, в частности, таможенная Белозёрская грамота (1497 г.), предусматривающая устойчивое поступление финансовых средств посредством организации таможенных сборов от меховой торговли [2].

Фактическая деятельность, направленная на становление торговли и формирование таможенно-торгового законодательства перманентно определялась видными государственными деятелями, одним из которых был А.Л. Ордин — Нащокин (1645–1680); он нетривиально осмыслил и реализовал многие важные мероприятия, в частности, в Новоторговом уставе 1667 г. позиционировал необходимость роста казённой прибыли путём развития пушной торговли [3].

Новоторговый устав изменил порядок таможенного обложения, что законодательно ограничивало привилегии зарубежных негодантов на российском рынке пушнины, защищал практические интересы отечественного купечества. Понятно, что эта причина оказалась источ-

ником серьёзных противоречий между отечественными и заморскими купцами. Но имевшийся уже правовой прецедент, чуть ранее определивший для английских купцов права на беспошлинную торговлю в России, позволил преодолеть сложившееся противоречие установлением единых для купцов всех стран таможенных ставок. Вместе с тем, это решение, конечно же, было не бесспорным, оно не могло не осложнять внешнеэкономические связи, снижало конкурентоспособность русского купечества на международных рынках пушнины. В итоге были приняты новые положения, определившие трансформацию внешнеэкономической стратегии, переход с фритредерства на протекционизм.

Запасы пушнины казались неисчерпаемыми, однако из-за неконтролируемого промысла вектор добычи постепенно перемещался в Сибирь и восточные районы, а после поражения в Ливонской войне и потери Нарвы торговля меховыми изделиями осуществлялась по нескольким направлениям: через Архангельск и Москву как основные купеческие центры; через страны Востока.

Статистика, в частности, свидетельствует, что в середине XVII века через Архангельск на экспорт уходило около пятисот тысяч шкур различных мехов; доходы казны от продажи пушнины только с 1630 г. по 1660 г. возросли на пятьдесят процентов — с четырёхсот тыс. руб. до шестисот шестидесяти тыс. руб. Из сверхдоходов от пушного промысла финансировалась дипломатическая деятельность, военная экономика и религиозная политика.

На внутреннем рынке особенно ценился мех соболя, который в основной своей массе стоил рубль за шкурку, но встречались особо ценные экземпляры чёрного оттенка по триста рублей. Не меньшую ценность имел мех чернубурки, который в исследуемый период продавался только в розницу по десять рублей за шкурку.

Понятно, что рыночные цены на менее ценные меха — куницу, песца, бобра, белку, кошку имели, как бы сейчас сказали, высокую волатильность — от 25 рублей до 30 копеек за шкурку.

Опять таки, обстоятельства, сложившиеся на рубеже XVII–XVIII вв, в частности, сокращение поголовья отечественной пушнины, возникновение канадской меховой ярмарки и поставки канадскими конкурентами мехов в Европу вновь потребовали усилить защиту интересов российских промысловиков. В частности, в период с 1650 по 1731 годы объёмы добычи пушнины, особенно соболиный промысел и экспорт меха, законодательно снижались и для восстановления популяции особо ценного восточносибирского соболя потребовалось ввести государственное регулирование [4].

В этот период задачи таможенно-тарифного регулирования, и, соответственно, развития российского рынка пушнины определил И.Т. Посошков (1652–1726). Основной стратегической линией в экономике им был обозначен протекционизм, что выразилось в таможенном тарифе 1724 года, который можно охарактеризовать как первый систематизированный государственный документ по торговой политике.

Выбор направления идеологии торговой политики всегда был неразрывно связан с социальной составляющей общества, что получило отражение в воззрениях и работах и на важнейшую для российской экономики проблему торговой политики многих государственных и общественных деятелей. И одним из первых выдающихся российских государственных деятелей-реформаторов периода первой четверти XIX века стал М.М. Сперанский (1772–1839), государственный деятель первой половины XIX века, имеющий высокий индекс управленческой мысли [5]. Именно Сперанскому принадлежит основополагающая роль в государственной регламентации управления сибирским регионом, а по сути его колонизации, который во многом корректировал правительственный взгляд на управление добычей и торговлей пушниной. В этом контексте практическая направленность реализации комплекса внешнеэкономических и внутренних социально-экономических задач была заключена в «Уставе об управлении инородцев» (1822 г.) и в положении «О свободной торговле с сибирскими инородцами» (1832 г.) [6].

В связи с анализом темы, для нас, в частности, имеет значение, что Устав устанавливал протекционизм в торговле. Повсеместно вводилась частная свободная торговля с народами, проживающими в сибирском регионе, разрешалось сдавать налоги пушниной двух сортов — дорогой и обыкновенной и мягкой рухлядь, а комиссионеры были обязаны выдерживать средние цены на ярмарках, т.е. пушному промыслу придавалось особое значение.

Устав и положение, безусловно, приумножили государственное богатство страны, как писал Сперанский, через «доходы, из сих общих источников извлекаемые, распределяемые и охраняемые; через подати, оброчные и откупные статьи, таможи и прочее» [7].

М.М. Сперанский руководил составлением системного таможенного тарифа (1810 г.), послужившего основой последующим таможенным тарифам, а разработанная им методология явилась основой таможенного законодательства. С помощью сменявших друг друга таможенных тарифов в XIX — начале XX вв. создавались определённые условия для развития отечественных промыслов и торговли мехами, завоёвывать внешнеторговые пози-

Таблица 1. Объёмы реализации пушнины (тыс. руб.) [9]

Годы	Лейпцигский аукцион	Сумма реализации пушнины
1924	Осенний аукцион	1. 251.000
1925	Весенний аукцион	1. 185. 000
1925	Осенний аукцион	1. 760.000
1926	Весенний аукцион	1. 460. 000
1926	Осенний аукцион	1. 746.000
1927	Весенний аукцион	3. 105.000

ции, расширять меховой экспорт и транзитную торговлю, ставить задачи по ослаблению контрабанды.

В этом аспекте анализ таможенных тарифов XIX — начала XX вв. показывает, что таможенные ставки на меха зависели от конъюнктуры и соотношения спроса и предложения. В частности, таможенным тарифом 1822 года ввоз шкур диких животных варьировался по весу в пределах 2–5 рублей за фунт. Ввоз шкур мелких животных (выдра, соболь) запрещался. Таможенными тарифами 1873 и 1892 гг. в интересах отечественных купцов устанавливались протекционистские пошлины на отдельные категории меховых изделий.

Если говорить о ситуации первой трети XX вв., следует отметить, что мехообработывающая промышленность нашей страны получила в этот период широкое развитие. В первый послереволюционный период несложные, кустарные, по сути, приёмы выделки стали приобретать фабричный характер, что ускорило процессы обработки шкур с применением западно-европейского опыта. В частности, стали применяться химические способы выделки — хромовый, формальдегидный и квасцовый способы, а также пикель. Распространялась механизация выделки, особенно в мездрении, ошипывании; применялась хромовая додубка в отделке мездры. При изготовлении меховых изделий скорняками внедрялось новое оборудование, автоматизировавшее и механизировавшее сложные процессы выделки — мездрильные дисковые машины, щёточные, чесальные, щипальные и колотильные машины, центрифуги для отжима [8], что для своего времени было инновационным, также как и новые методы обработки шкур. Появлявшееся оборудование улучшало производственные условия, значительно сокращало применение ручного труда, снижало себестоимость меховой продукции.

Большая часть добываемой в нашей стране пушнины реализовывалась через Лейпцигский пушной аукцион, выступающий для пушных специалистов руководящим центром по переработке, сортировке и перманентной реализации пушнины, что, конечно же, ставило российскую меховую торговлю в зависимое положение от аукционов.

Однако, после окончания Первой мировой войны роль лидера в пушной торговле по понятным причинам постепенно перешла к Лондону, на льготных условиях широко предоставлявшему выгодные кредиты для заготовки и экспорта пушнины.

Тем не менее, ранее наработанные германские каналы сбыта, хотя и сузившиеся, способствовали пушно-экспортирующим и мехореализующим предприятиям увеличить обороты пушной торговли.

На европейском рынке пушнины, как показывает анализ, был представлен широкий ассортимент продукции, где предъявлялся устойчивый спрос на мех белки, особенно её светлые сорта, лисицы, белого песка, колонка, горноста́я, хорька, куницы, норки, волка, зайца и каракуль.

Важно отметить, что в начале прошлого века не снижался спрос на мех корсука (степной лисицы), смушки (шкурки каракульских ягнят возраста до трёх дней), на опоек (шкуры телят КРС).

Если говорить о ценообразовании на аукционах, статистика показывает, что в Лейпциге цены на шкурки варьировались в зависимости от региона добычи. В частности, цена шкурки белки составляла от 1,80 до 1,62 долл. за штуку (в 1925 году за доллар давали 1,94 рубля) [10]. Высоко ценился мех лисицы, который в указанный период стоил в пределах от 32,5 долл. за северные сорта и до 12,0 долларов и ниже за шкурку украинской лисицы. Тобольский колонок реализовывался по цене 6,8 доллара за шкуру, тогда как башкирский за 5,2 доллара. В исследуемый период сложился высокий спрос на мех горноста́я, интерес к которому рос особенно на рынке США и Франции, и в зависимости от товарных свойств шкурок и региона добычи цены на который при больших партиях реализации варьировались от 4,85 до 3,10 долларов за шкуру. Положительные показатели сбыта сложились на высококачественный мех хорька, на который к окончанию сезона практически не оставалось запасов. В частности, цена на петропавловский сорт составляла от 4,0 долларов до 2,5 долларов на саратовский сорт. Высоко ценился редкий мех куницы, пользующийся вы-

Таблица 2. Ввоз невыделанной пушнины на аукцион в Лейпциг (тыс.шт.) [11]

Страна	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Российская Империя	1914	2178	1322	1827	1129
С.Штаты Америки	1601	1574	1713	1976	1908
Австро-Венгрия	935	962	1092	1241	907
Великобритания	440	349	346	349	572

Вывоз невыделанной пушнины с аукциона в Лейпциге по отдельным странам (тыс.шт.) [12]

Страна	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Во Францию	1218	1246	703	813	889
В С. Штаты Америки	678	473	386	386	378
В Австро-Венгрию	552	483	488	529	505
В Великобританию	616	943	532	612	494
В Италию	69	83	94	121	160

Вывоз обработанной пушнины с аукциона в Лейпциге по отдельным странам (тыс.шт.) [14]

Страна	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Во Францию	27	56	204	71	161
В С. Штаты Америки	96	25	140	265	132
В Австрию	80	122	210	225	160
В Польшу	21	69	200	303	386
В Чехословакию	38	47	102	155	214
В Великобританию	88	45	245	337	173

соким спросом. Цена на все её сорта (например, кубанскую, уральскую) варьировалась от 26,0 до 24,3 доллара за шкурку.

Что касается исконно отечественного меха, меха волка, то хотя он и пользовался спросом, однако товарные качества не всегда дают возможность использовать его для изготовления некоторых изделий, что снижало стоимость этого меха, которая варьировалась от 25,0 до 16,0 долларов за шкуру. В исследуемый период определённый уровень спроса на аукционе сложился на корсучий мех, мех сурка, песчаника (суслика), каракуль, перво-сортный жеребок.

Ретроспективный обзор отечественной статистики пушного дела показывает, что валовой объём торговли российской пушниной в начале прошлого века подразделялся на торговлю сырой и выделанной пушниной. Основная часть пушнины на лейпцигский аукцион поступала из США и из России.

Понятно, что после Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 года объём ввоза отечественной сырой пушнины на аукцион в Лейпциг резко

сократился, что позволило ряду стран занять место нашей страны. Действительно, Великобритания ввезла шкурок сырой пушнины в Лейпциг в 1921 году 1159 тыс. штук, в 1922 году 996 тыс. шт., в 1923 году – 1381 тыс. штук, тогда как Россия предложила 46, 45 и 115 тыс. штук шкурок соответственно. При этом, основными покупателями пушнины до 1914 года стали Франция, США. Австро-Венгрия.

Как показывает статистика, до Первой мировой войны значительно увеличивалось потребление меха в Италии на фоне его падения, например, в США. С другой стороны, сокращение вывоза сырой пушнины с аукциона в Лейпциге в Соединённые Штаты Америки, скорее всего, можно объяснить ростом развития лёгкой промышленности в этой стране, и, в частности, стимулированием развития мехообработки в исследуемый период. Но если в США наблюдался более-менее постоянный спрос на сырую пушнину, то, скажем, в Великобритании спрос был достаточно изменчив.

Исторический опыт свидетельствует, что до 1914 года в российском обществе в целом рисовались обнадеживающие перспективы развития народного хозяйства,

что и у промышленников пушнины породило уверенность в дальнейшей активизации экспорта меха. Однако, уже с 1918 года, с началом формирования советской общественной системы, внешнеторговая ситуация резко дестабилизировалась. Действительно, в первой половине двадцатых годов масштабы российско-советской меховой торговли через европейские аукционы резко сократились.

С установлением большевиками государственной монополии внешней торговли [13], добыча и торговля мехами непродолжительный период сосредоточилась в руках иностранных скупщиков меха, прежде всего, в Северо-Восточном Сибирском акционерном обществе (гор. Якутск).

Одним из крупнейших европейских покупателей меха в двадцатые годы становится Польша, что объясняется требованиями моды.

Несмотря на то, что посредническую аукционную торговлю первой половины 20-х гг. прошлого века Россия пропустила, задачи по реализации пушнины в той или иной степени выполнялись. Статистика показывает, что в период за четвёртый квартал 1925 г. и первое полугодие 1926 г. российский экспорт пушнины составил в США — 20, 9 млн. руб., в Англию — 23, 2 млн. руб., в Германию — около 8,0 млн. руб., при том, что в 1925 г. США импортировали мехов на 104 млн. долл. [15].

С другой стороны, ко второй половине двадцатых годов прошлого века изменялся подход к роли и значению пушного экспорта в торговом обороте, — он становился всё более системным и последовательным, в частности, решалась задача рационализации методов ведения охотничьей и в целом восстановления животноводческой отрасли для роста объёмов добычи, повышения качества пушнины. В частности, с конца 20-х годов получило начало клеточное звероводство, что со временем значительно усилило рост производства пушной продукции. В добычу пушнины стали вовлекаться новые районы и в большинстве своём новые мелкие животные — хомяки, нутрии, ондатры, суслики. Как мы видим, пушной промысел постепенно становился отраслью народного хозяйства с опорой на научные исследования и продуманное использование природного фонда. А новая экономическая политика способствовала возрастанию внутреннего потребления [16], когда значительная часть пушнины стала реализовываться внутри страны, что, в свою очередь, стимулировало развитие частной мехопромышленности. Соответственно, наблюдался рост заготовительных цен на пушнину — частные производители меховых изделий стали в состоянии оплачивать закупочные цены, и, таким образом, экспорт представлялся малорентабельным.

Подъём российского рынка пушнины невозможно было представить без всемерного развития мехообработывающей промышленности и звероводства страны, работы предприятий меховой отрасли, а с другой, — без хозяйств, разводящих пушных зверей. Поэтому неудивительно, что в июне 1925 года при ВСНХ начала свою работу подсекция особого совещания, важная роль которой определялась высоким организационным интересом государства к перспективам развития рынка пушнины, в том числе, во-первых, необходимостью восстановления капитала государственной промышленности, с точки зрения чего ставилась общая задача углублённого обследования рынка пушнины как базы мехообработывающей промышленности, в частности, подсекцией определялись конкретные направления развития внешней торговли и оценки состояния меховой промышленности, производственные вопросы, условия реализации пушной продукции, объём инвестиций, уровень заработной платы в отрасли; во-вторых, состояние промышленного оборудования как фабричных, так и кустарных предприятий отрасли.

Особое внимание уделялось как состоянию образования и подготовке квалифицированных работников в средних и высших учебных заведениях, так и научным исследованиям в области технологии мехов. В частности, в Московском университете читался спецкурс по кожевенному и меховому делу, в Лесотехническом институте были открыты курсы охотоведения и пушного сырья; в некоторых техникумах преподавалась технология мехов. Была поставлена задача открытия института прикладной зоологии и охотоведения в задачи которого входила, в частности, научная разработка планов восстановления охотничьих богатств страны, охраны фауны и улучшение техники промысла.

Подсекция особого совещания с одной стороны, исследовало характер пушной промышленности за рубежом, прежде всего, в ряде европейских стран и Америке, в частности, состояние технической специализации, способы обработки и красильного производства, уровень научных разработок, а с другой, наметила работу по изучению отечественного овцеводства — уровня производства в овчинно-шубных районах, особенно, типов и количества предприятий по выделке овчины, вопросов себестоимости продукции и её потребления, рынков сбыта. При этом особое значение придавалось вопросам восстановления основного капитала.

Между тем, в 1923–25 годах началось государственное регулирование пушного рынка, на уровне Госплана СССР вводился план заготовки пушнины. В 1923–24 гг. было заготовлено пушнины почти на 40 миллионов рублей. План на 1924–25 гг. был определён в сумме около 30 миллионов рублей [17].

Как мы видим, наметилась смена экономического курса и сворачивание новой экономической политики, что, конечно же, было связано с выработкой новой советской системы. Потребительская кооперация, которая развивала производство на мелких предприятиях и в артелях, также поэтапно трансформировалась и вошла в централизацию экономических отношений.

Следует подчеркнуть, что развитие российского рынка пушнины на фоне социалистических преобразований, согласно концепции смешанного общества, связано с воссозданием экономических укладов, которые доминировали в России в дореволюционный период; только теперь их использовали для обновления экономики под эгидой государства при наращивании определённых ограничений под эгидой теперь уже государственно-социалистического уклада [18].

Ретроспективный анализ литературных источников, исследующих вопросы пушного дела, показывает, что велась борьба между последователями оптимальной и реализованной моделей пушного дела, что отразилось в дискуссиях второй половины 20-х годов, спектр которых был широк и включал как методологические и теоретические вопросы, так и практические хозяйственные дискуссии, в частности, вопросы введения нового положения об охотничьем хозяйстве, снижения ставок промыслового налога, о заготовительных ценах и т.п. [19]. Однако, как нам представляется, при всей важности проблем, дискутируемых во второй половине 20-х гг., следует акцентировать внимание на двух основных, с нашей точки зрения, вопросов, это, прежде всего, в целом стоящая уже проблема соотношения рынка и плана и проблема формирования источников финансирования пушного хозяйства. Во второй половине 20-х гг. считали, что инвестиции будут осуществляться за счёт внутренних источников, и лишь только в отдельных случаях можно будет прибегать к иностранным займам. Однако, трудности финансирования вставали достаточно остро.

В этой связи представляет определённый интерес объём капиталовложений и производственный эффект крольчатника. В 1930 году один питомник за период с 1930 по 1934 гг. требовал вложений на 4.800 рублей, в то время как реализация произведённых шкурок составляла сумму 18 тыс. руб.; с учётом затрат на оплату труда и отчисления в фонды, чистая прибыль составляла 1.065 руб. в год.

Ещё одна дискуссия 20-х гг. касалась проблемы существования частнособственнического мелкотоварного уклада, следовательно, выбора плана и рынка.

Выработка конкретных форм функционирования пушного дела на плановой основе в 20-х гг. сопровождалась свободным обсуждением учёными и экономистами возможностей взаимодействия рынка и плана.

В целом участники дискуссии по-разному отвечали на вопрос, взаимодействуют ли рынок и план. Такие экономисты как А. Мендельсон, А. Айхенвальд, и Л. Юровский считали, что план и рынок не находятся в антагонизме, а план должен овладеть рынком для воздействия на воспроизводственные процессы. С их точки зрения, рынок связывает сектора экономики, что выступает условием их пропорционального эволюционирования [20].

Дискуссии отражали направленность ответов на вопросы, касающиеся характера разнообразных укладов в искусственно формируемой социалистической системе.

В условиях сложившихся к 1931 году обстоятельств, было создано государственное Всесоюзное экспортно-импортное объединение «Союзпушнина», уже в марте того же года организовавшее первый советский меховой аукцион в Ленинграде, на котором реализовывались крашенные меха, качество которых отвечало лучшим мировым критериям. До 1991 года объединение «Союзпушнина» монопольно осуществляло всю внешнюю меховую торговлю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная внешняя торговля в разных её видах. — СПб., 1813–1825; Государственная внешняя торговля в разных её видах. — СПб., 1855.
2. Белозёрская таможенная грамота 21 мая 1497 года // Российское законодательство X–XX вв. -Т.2. -М., 1984.
3. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х кн. — Кн. 2. -М., 1994. — С. 434; Лебедев, Н. А. Таможенная и тарифная политика России: идеологи и творцы. — М., ИЭ РАН, 2002.
4. Чапаев, М. Р. Меховая торговля и её правовое регулирование в Российской Империи в XIX в. // Теория и практика общественного развития. — 2011. -№ 7. — С. 244–246; Вилков, О. Н. Пушной промысел в Сибири. // Наука в Сибири: газета СО РАН. — 1999. — № 45 (2231); Шкунов, В. Н. Торговля Российской Империи со скандинавскими странами в XVIII–XIX веках. -Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2011.
5. Сеславин, Д. Н. Сперанский. — СПб., 1910; Уманец, Ф. М. Александр и Сперанский. — СПб., 1910; Чибиряев, С. А. Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. — М., 1989; Томсинов, В. А. Светило русской бюрократии: исторический портрет М. Сперанского. — М., 1991.

6. Вагин, В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири. — СПб., 1872. — Т. 1–2; Прутченко, С. М. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. — СПб., 1899. — Т. 1–2;
7. Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. / — ПСЗ РИ. — Т. 38. № 29; Положение «О свободной торговле с сибирскими инородцами» // Свод Законов Российской Империи. — СПб., 1897. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 303–338.
8. Цит. по: Валк, С.Н. (ред.). М. М. Сперанский. Проекты и записки. Из-во АН СССР. — М; Л, 1961; См.: План государственных преобразований графа М. М. Сперанского. — М., 1905.
9. Пушное дело. — 1925. — № 6–7. — С. 23–30.
10. Пушное дело. — 1927. — № 11 (19). — С. 4.
11. www.apaga.ru
12. Пушное дело. — 1927. — № 11 (19). — С. 24.
13. Пушное дело. — 1927. — № 11 (19). — С. 10.
14. Декрет СНК РСФСР от 22 апреля 1918 г. «О монополии внешней торговли» // Декреты Советской власти. — М., 1957. — Т.1. — С. 158.
15. Пушное дело. — 1927. — № 11 (19). — С. 11.
16. Беркович, С. М. Внешняя торговля пушниной // Пушное дело. — 1926. — № 1 (9). — С. 6.
17. Очерки экономических реформ. — М.: Наука, 1993.
18. Пушное дело. — 1925. — № 6–7. — С. 50–51.
19. Никифоров Л. В. (ред.). Смешанное общество: российский вариант. — М., 1999.
20. Пушное дело. — 1928. — № 13–14 (33–34); — 1929. — № 2 (36); — № 3 (37).
21. Экономические дискуссии двадцатых годов. — М., 1989.

© Фёдорова Оксана Ивановна, Лебедев Никита Андреевич (swonson@bk.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина

ИНТЕРНЕТ ВЕЩЕЙ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ДЛЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

THE INTERNET OF THINGS AS A GLOBAL INFRASTRUCTURE FOR A NEW ECONOMY

**A. Chernov
V. Chernova**

Summary. Currently, the main trend of the global economy is the search for ways to achieve sustainable development goals. New technologies, such as artificial intelligence, cloud computing, Big Data and the Internet of Things, have the potential to help humanity achieve its goals. This article analyzes the role and possibilities of the Internet of Things as a global economic infrastructure in the context of the transition to the fourth industrial revolution. The conditions and main directions for the development of the Internet of Things, as well as the opportunities and risks that it brings are revealed.

Keywords: Internet of Things, development of the Internet of Things, The Fourth industrial revolution

Современный мир стоит на пороге четвертой промышленной революции, которая необратимо меняет окружающую действительность, постепенно размывая границы между цифровым и физическим миром. Под влиянием цифровых технологий происходит трансформация всех сфер жизнедеятельности человека, в том числе существенно меняется контекст бизнес-среды. Основным конкурентным преимуществом компаний становится скорость, а не размер основных фондов как было раньше. Развитие технологий и изменения, которые они вызывают, происходят очень быстро и в будущем их скорость будет постоянно увеличиваться. [15]

Благодаря доступности Интернета у человечества появилась возможность передавать информацию всем пользователям глобальной сети в любой точке Земного шара в режиме реального времени. Поэтому любая информация распространяется очень быстро, превращаясь в знания и открывая возможности для развития. Эти изменения стимулируют предприятия, которые хотят сохранить свои конкурентные преимущества в долгосрочной перспективе, адаптироваться к стремительно меняющейся бизнес-среде.

По мнению экспертов Всемирного экономического форума Интернет вещей является одной из технологий, обладающих наибольшим трансформационным потенциалом, а также потенциалом для обеспечения устойчи-

Аннотация. В настоящее время основным трендом развития мировой экономики является поиск путей для достижения целей устойчивого развития. Новые технологии, такие как искусственный интеллект, облачные вычисления, «Большие данные» и Интернет вещей, обладают потенциалом, способным помочь человечеству в достижении поставленных целей. В данной статье проведен анализ роли и возможностей Интернета вещей как глобальной инфраструктуры экономики в условиях перехода к четвертой промышленной революции. Выявлены условия и основные направления развития Интернета вещей, а также возможности и риски, которые он приносит.

Ключевые слова: Интернет вещей, развитие Интернета вещей, четвертая промышленная революция.

вого развития, наряду с технологиями искусственного интеллекта и машинного обучения, облачными вычислениями и технологиями управления «Большими данными» (BigData) как базовыми технологиями четвертой промышленной революции. [14]

Понятие Интернет вещей (Internet of Things, IoT) используют для обозначения объектов, которые связаны в единую сеть посредством Интернета и способны обмениваться информацией.

Кевин Эштон (Kevin Ashton), соучредитель Центра автоидентификации в Массачусетском технологическом институте, впервые использовал этот термин в 1999 году. [4]

В том же году вышла книга профессора Массачусетского технологического института Нила Гершенфельда «Когда вещи начинают думать», в которой автор описал систему Интернета вещей, хотя сам термин не использовал. [9]

Автоматизация и роботизация производственных процессов началась еще в 1970-е годы, тогда же появилась сама идея подключения устройств в единую сеть. Но технологии того времени только позволяли программисту проверить состояние устройства удаленно посредством Интернета. Сегодня Интернет вещей обеспе-

чивает коммуникацию между миллиардами различных «умных» устройств, подключенных к глобальной сети, которые ранее не были взаимосвязаны. Причем, объединить в единую сеть можно объекты различных видов и классов. Человек с кардиостимулятором, смартфон, светофор, производственный станок, животное с биочипом, холодильник, автомобиль, завод целиком — связать можно любые объекты, имеющие IP-адрес и способные передавать данные по сети. [12]

Глобальная инициатива по стандартизации Интернета вещей (The Global Standards Initiative on Internet of Things (IoT-GSI))¹, которая видит своей целью разработку единых технических стандартов для Интернета вещей, определила его как глобальную инфраструктуру для информационного общества, обеспечивающую расширенные услуги за счет объединения (физических и виртуальных) объектов на основе существующих и развивающихся интероперабельных информационных и коммуникационных технологий. [13]

По данным Cisco Internet Business Solutions Group (IBSG) Интернет вещей «родился» в период между 2008 и 2009 годами. [7] Именно в этот период число подключенных к Интернету устройств впервые в истории превысило население земного шара.

По различным прогнозам, к 2020 году в мире будет от 20,8 до 30,7 млрд. устройств Интернета вещей, хотя ранее был дан более оптимистичный прогноз в 50 млрд. устройств к 2020 году. [11] Такая значительная разбежка в прогнозах происходит в том числе потому, что в прогнозы строятся относительно зарождающихся рынков, в которые включены предположения о спросе на устройства, которые еще не изобретены или их роль в будущем не определена

Эксперты Мирового экономического форума считают, что Интернет вещей обладает потенциалом для достижения целей в области устойчивого развития, определенных Организацией Объединенных Наций. В настоящее время Интернет вещей развивается по двум направлениям: умные устройства, способные соединяться через Интернет с внешним миром, и умное производство — умные предприятия с полной автоматизацией всего производственного цикла. [8]

В ближайшие несколько лет следует ожидать революционные преобразования, вызванные развитием Интернета вещей. По оптимистичным прогнозам,

¹ В июне 2015 года преобразована в 20-ю Исследовательскую комиссию по «IoT и ее приложениям, включая умные города и сообщества» (Study Group 20 on «IoT and its applications including smart cities and communities», (SG20)) — <https://www.itu.int/en/ITU-T/studygroups/2017-2020/20/Pages/default.aspx>

число устройств Интернета вещей может достичь 50 млрд. к 2020 году, а население Земли составит 7,8 млрд. человек. Таким образом количество подключенных устройств на 1 человека составит 6,4 по сравнению с 1,84 в 2010 году, что подтверждает высокую скорость цифровизации современного мира. Это означает, что мир становится более цифровым и более мобильным.

Считается, что к 2030 году только промышленный Интернет вещей добавит 14 трлн. долларов США к глобальной экономике. [8] Совокупный вклад Интернета вещей в мировую экономику составит 11% ВВП. [3] Развитие технологий Интернета вещей позволит на 25% повысить производительность труда и на 20% снизит потребление электроэнергии.

Развитию Интернета вещей способствует повышение доступности Интернета. Если в 1995 году доступ к Интернету имели около 1% населения планеты, то в 2018 году — 53% или более 4 млрд. человек. [10]

Причем подавляющее число пользователей (52% населения мира) используют для выхода в Интернет смартфоны, что на 4% больше, чем в 2017 году. Этот тренд обусловлен повышением доступности смартфонов и тарифов мобильной связи, а также увеличением размера смартфонов. Как следствие, снижается популярность планшетов и ноутбуков как мобильного устройства для выхода в Интернет. По данным на январь 2018 года для выхода в Интернет ноутбук использовали 43% населения мира, что на 3% меньше по сравнению с аналогичным периодом 2017 года, а планшет всего 4% населения мира и этот показатель сократился на 13%. Мобильная связь доступна более 5 млрд. человек или 68% населения мира. [10]

Доступность Интернета и мобильной связи, постепенное снижение стоимости сенсоров, мобильных устройств и другого оборудования, а также развитие цифровых технологий будущего создают платформу для осуществления массовой персонализации или индивидуального массового производства. Новая экономическая модель «всё как сервис» предполагает знание детальной информации о каждом клиенте. [3] Интернет вещей обладает необходимым потенциалом и станет основой новой экономической модели.

Ранее реализация персонализированного подхода к производству товаров массового спроса означала рост издержек и сокращение объемов производства. Интернет вещей обладает потенциалом не только для совершенствования производственных технологий, устранения потерь и увеличения срока службы оборудования, но и для обеспечения полной прозрачности всего процесса создания продукта в режиме реально-

Таблица. ТОП-5 мировых лидеров по объёму капитализации в 2013 и 2018 году, млрд. долл. США*

2013		2018	
<i>Apple</i>	416	<i>Apple</i>	851
<i>Exxon</i>	404	<i>Alphabet</i>	717
<i>Berkshire Hathaway</i>	257	<i>Microsoft</i>	703
<i>PetroChina</i>	255	<i>Amazon</i>	701
<i>Walmart</i>	246	<i>Tencent</i>	508

Источник: Desjardins Jeff. The 8 Major Forces Shaping the Future of the Global Economy, October 4, 2018 — <https://www.visualcapitalist.com/the-8-major-forces-shaping-the-future-of-the-global-economy/>

* — курсивом обозначены ИТ-компании

го времени на каждом этапе производства, в цепочке поставок до получения продукта потребителем. Кроме того, благодаря повышенной прозрачности процесса создания и производства продукции появится возможность быстрой реакции на изменения внешней среды, предпочтений потребителей или цепочке поставок. [14]

Начиная с появления мануфактур в 17 веке и до конца XX века компании инвестировали средства в наращивание производственных мощностей, которые в свою очередь обеспечивали рост объема производства. Лидерами рынка были крупные промышленные, торговые и финансовые компании, а также естественные монополии. [1] Сегодня ситуация совершенно иная — компании ИКТ-сектора и интернет-услуг занимают лидирующее положение на рынке. Пятерку лидеров мирового рейтинга по объему капитализации 2013 года возглавляла компания Apple, которая была единственной ИТ-компанией в лидирующей группе. В 2018 году все пять лидеров рейтинга — это ИТ-компании. Таким образом, за указанный период ИТ-компании вытеснили из пятерки лидеров все компании, производящие физическую продукцию (табл.).

Кроме того, неизменный лидер рейтинга — компания Apple в два раза увеличила объем капитализации за этот период. Другие компании, входящие в лидирующую пятерку в 2018 году, обеспечили себе более высокий уровень капитализации, чем лидеры 2013 года.

Важно также, что сами предприятия преобразовываются в структуры нового типа, которые осуществляют производство материальных объектов, разработку программных продуктов, продажи, сервисное и послепродажное обслуживание, т.е. работают по замкнутой бизнес-модели полного цикла, а также постоянно создают новые продукты и технологии для формирования дополнительных конкурентных преимуществ. [1]

Интернет вещей открывает новые возможности для развития бизнеса и первая из них — это скорость. Число объектов и скорость их подключения к Интернету

вещей будет постоянно увеличиваться. С Интернетом вещей все процессы будут выполняться быстрее, поскольку все устройства будут взаимосвязаны, а значит смогут мгновенно обмениваться информацией. Это позволит увеличить скорость производства продукции за счет усовершенствования производственных технологий и оптимизации вспомогательных процессов, ускорить поставки, оперативно получать обратную связь от потребителей об удовлетворенности продуктом и т.д. В то же время это означает, что потребители и партнеры будут постоянно ожидать увеличения скорости и повышения качества обслуживания.

Интернет вещей позволит в режиме реального времени отслеживать перемещение продукции в рамках производственного процесса и управлять запасами. Система мгновенно и самостоятельно будет обновлять информацию о поступлении или отгрузке продукции, а также об ее перемещении, т.е. будет управлять этими процессами лучше человека.

Значительно снизится стоимость энергии благодаря умному управлению энергетическими сетями на основе Интернета вещей. Подключенные устройства смогут находить новые более плавные способы работы, снижая таким образом скорость износа оборудования и, как следствие, сокращая затраты на его сервисное обслуживание и замену.

В условиях цифровизации экономики технологическое обновление основных фондов предприятий является обязательным фактором повышения производительности труда. Проблемным является то, что стоимость обновления всех устройств и технологий (цифровой завод, например) в краткосрочной перспективе будет существенной, однако в долгосрочной перспективе эти затраты позволят существенно повысить объемы производства.

Кроме того, когда технология Интернета вещей станет общедоступной, она позволит в полной мере удаленно управлять любыми взаимосвязанными объ-

ектами сети. Благодаря облачному программному обеспечению и мобильным устройствам, подключенным к Интернету, например, ноутбуку или планшету, можно будет управлять всей производственной линией или целым заводом. Проблема заключается в том, что большинство специалистов в настоящее время не обладают подобными компетенциями, поэтому необходимо создать систему обучения для менеджеров новым методам управления.

Серьезные сложности вызовет необходимость обработки огромного массива данных, которые будут поступать от устройств Интернета вещей. Подробная информация о клиентах, их привычках и поведении, о сотрудниках и о том, как они работают, и даже подробные сведения о том, как работает предприятие. Необходимо подготовиться к обработке массива этой информации, используя анализ данных и программные продукты для визуализации для ее эффективного использования.

Наряду с вышесказанным серьезные вопросы вызывает безопасность технологии Интернета вещей.

Важнейшей задачей в этом направлении является разработка отраслевых стандартов и система сертификации, которые будут способствовать ускорению реализации потенциала Интернета вещей. Безопасность должна быть встроена в промышленные системы управления и в устройства, составляющие систему автоматизации, а не добавляться позже, тогда она обеспечит защиту не только отдельных активов, но и больших систем.

Основу новой экономики составляют технологии четвертой промышленной революции, в числе которых Интернет вещей. И сама технология, и рынок Интернета вещей находятся на стадии зарождения, поэтому новые устойчивые бизнес-модели и условия для их применения еще не сформированы. На сегодняшний день около 85% устройств, потенциально готовых к подключению в сеть Интернета вещей, остаются неподключенными. [8] Потенциал Интернета вещей огромен, однако важно понимать, что это не просто набор датчиков и программного обеспечения, это технология, требующая полного изменения мышления и подходов к управлению, чтобы этот потенциал был раскрыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулин, К.А., Усков, В.С. О роли интернета вещей в условиях перехода к четвертой промышленной революции // Проблемы развития территории.— 2017.— № 4(90).— С. 112–131
2. Маркеева, А. В. Интернет вещей (iot): возможности и угрозы для современных организаций // Общество: социология, психология, педагогика.— 2016.— № 2.— С. 42–46
3. Носов Н. Интернет вещей — основа новой экономики. 25.02.2016.— <https://www.itweek.ru/iot/article/detail.php?ID=182807>
4. Ashton Kevin. That 'Internet of Things' Thing. In the real world, things matter more than ideas.— <https://www.rfidjournal.com/articles/view?4986>
5. Cowan J. Caterpillar shows how PTC's augmented and virtual reality technology plus IoT can benefit industry. June 11, 2016.— <http://www.iiot-now.com/2016/06/11/48399-cat-showshow-ptcs-augmented-and-virtual-reality-technologyimpacts-on-industrial-iiot/>
6. Desjardins Jeff. The 8 Major Forces Shaping the Future of the Global Economy. October 4, 2018.— <https://www.visualcapitalist.com/the-8-major-forces-shaping-the-future-of-the-global-economy/>
7. Evans D. The Internet of Things How the Next Evolution of the Internet Is Changing Everything. April 2011.— https://www.cisco.com/c/dam/en_us/about/ac79/docs/innov/IoT_IBSG_0411FINAL.pdf
8. Future of Digital Economy and Society System Initiative. Internet of Things Guidelines for Sustainability. 2017.— <http://www3.weforum.org/docs/IoTGuidelinesforSustainability.pdf>
9. Gershenfeld Neil. When Things Start to Think.— New York, 1999
10. Global Digital report 2018 — <https://wearesocial.com/blog/2018/01/global-digital-report-2018>
11. Nordrum, A. «Popular Internet of Things Forecast of 50 Billion Devices by 2020 Is Outdated». IEEE. August 18, 2016.— <https://spectrum.ieee.org/tech-talk/telecom/internet/popular-internet-of-things-forecast-of-50-billion-devices-by-2020-is-outdated>
12. Rouse M. Internet of things (IoT). June 2018.— <https://internetofthingsagenda.techtarget.com/definition/Internet-of-Things-IoT>
13. Series Y: Global Information Infrastructure, Internet Protocol Aspects and Next-Generation Networks. Next Generation Networks — Frameworks and functional architecture models. Overview of the Internet of things — <file:///C:/Users/victo/Downloads/T-REC-Y.2060-201206-!!! PDF-E.pdf>
14. Technology and Innovation for the Future of Production: Accelerating Value Creation — http://www3.weforum.org/docs/WEF_White_Paper_Technology_Innovation_Future_of_Production_2017.pdf
15. The Digital Enterprise. Moving from experimentation to transformation. September 2018.— [http://www3.weforum.org/docs/Media/47538_Digital%20Enterprise_Moving_Experimentation_Transformation_report_2018%20-%20final%20\(2\).pdf](http://www3.weforum.org/docs/Media/47538_Digital%20Enterprise_Moving_Experimentation_Transformation_report_2018%20-%20final%20(2).pdf)

ВЫСОКОЧАСТОТНЫЙ ТРЕЙДИНГ И ЕГО РАЗВИТИЕ НА ТОРГОВОМ РЫНКЕ

Шаипова Светлана Анатольевна

К.э.н., доцент, Адвокат, Адвокатская палата

Московской области

shaipovasvetlana@yandex.ru

HIGH-FREQUENCY TRADING AND ITS DEVELOPMENT IN THE TRADING MARKET

S. Shaipova

Summary. The article is devoted to the development of high-frequency trading. It is indicated that this type of trading is a big problem for regulators even in the most developed markets. The author provides a list of common features that characterize high-frequency trading, and concludes that it can not be called a single strategy. The difference between high-frequency and algorithmic trading is given. The analysis of scientific approaches to the definition of high-frequency trading is also given.

Keywords: high-frequency trading, algorithmic trading, high-frequency manipulation, stock exchange, securities, trading

Аннотация. Статья посвящена вопросу развития высокочастотного трейдинга. Указывается, что данная разновидность трейдинга представляет большую проблему для регуляторов даже на наиболее развитых рынках. Автором приводится перечень общих черт, характеризующих высокочастотную торговлю, и делается вывод, что ее нельзя назвать единой стратегией. Приводится различие между высокочастотной и алгоритмической торговлей. Также приводится анализ научных подходов к определению высокочастотного трейдинга.

Ключевые слова: высокочастотный трейдинг, алгоритмическая торговля, высокочастотное манипулирование, фондовая биржа, ценные бумаги, торговля

В настоящее время все более актуальной становится проблема научного осмысления высокочастотного трейдинга (ВЧТ). Появление данной разновидности трейдинга связано с активным развитием технологий, помогающих трейдерам уменьшить время для выставления заявок. Новые технологии способствуют повышению скорости и качества работы трейдеров. В то же время появляется проблема неравноценности доступа к важной информации у различных категорий инвесторов.

Даже на наиболее развитом американском рынке проблема оперативного получения необходимой информации вместе с возможностью максимально быстрого реагирования на происходящие изменения для многих является критичной. Игроки, не обладающие доступом к технологиям ВЧТ, постоянно обвиняют игроков, обладающих такими технологиями. Это вынуждает регулятора рынка предпринимать меры для того, чтобы обеспечить всем участникам рынка равный доступ к коллокации и проксимити. Кроме того, регламентируется время размещения новостей — с точностью до миллионных долей секунды.

Информационные агентства получили возможность получать прибыль благодаря возможности максимально быстро сообщать актуальные новости. Данное обстоятельство предоставляет возможности для недобросовестного поведения отдельных субъектов. Известен случай, когда агентство Thomson Reuters на две секун-

ды раньше официальной публикации распространяло информацию об индексе потребительских настроений Мичиганского университета. Уже не первый год идет дискуссия о природе ВЧТ и его влиянии на рынок. Как следствие, начали активно предлагаться различные меры по регулированию ВЧТ. Они служат целью избежать высокочастотного манипулирования, которое основывается на ВЧТ.

Хотя интерес к данной теме постоянно растет, до сих пор в научных кругах не сформировалось единое определение ВЧТ.

Одним из основных практических документов, включающих описание ВЧТ, которое содержит доклад Всемирной федерации бирж [1]. Там указывается, что ВЧТ — это в первую очередь технология, которая активно используется трейдерами во всем мире. В исследовании говорится, что оценить мировой объем ВЧТ очень сложно. В то же время отмечается, что активность ВЧТ постоянно увеличивается на новых рынках. Так, объем торгов с участием ВЧТ на Токийской бирже в считанные годы стал сопоставим с объемами торгов в США и ЕС. В то же время в странах, где ВЧТ зародился, рост активности в настоящее время практически сведен к нулю. Это объясняется как мерами, предпринимаемыми регуляторами, так и стараниями бирж постоянно внедрять различные защитные меры, чтобы упорядочить торговлю на рынках. В докладе также указывается, что биржи должны активно координировать свои действия и про-

поведовать единые принципы. Это требование предъявляет глобализация финансовой отрасли.

В 2012 году были опубликованы результаты анализа, проведенного компанией Tabb Group [1]. В частности, там было указано, что на долю ВЧТ приходится около 51% торгов на рынке США и порядка 39% от всех торгов на биржах ЕС.

В качестве наиболее общих характеристик ВЧТ называют полную автоматизацию торговли, в основе которой лежит высокоскоростная инфраструктура, а также максимальное количество сообщений в систему. В то же время на всех рынках существенно различаются активы, частота сообщений, время ответа системы и пр., в связи с чем достаточно проблематично разработать универсальные признаки ВЧТ.

Однако можно выделить основополагающие признаки нормотворческих институтов ВЧТ. Основные институты в качестве таковых выделяют использование сложных технологий, специфические торговые характеристики и инвестиционные характеристики.

Среди интересных исследований по теме необходимо отметить работу Ж. Хэсбрука и Г. Саара «Высокочастотная торговля» («Торговля с минимальным временем отклика») [2]. Указанные авторы считают высокочастотную торговлю разновидностью торговли с минимальным временем отклика. Последняя может включать в свой состав и иные разновидности алгоритмической торговли. Таким образом, авторы исследования относят высокочастотную торговлю к разновидности алгоритмической торговли, не требующей человеческого участия.

Еще одно интересное исследование принадлежит сотрудникам университета Йорка и Нового Южного Уэльса. В рамках этого исследования была проанализирована деятельность 22 бирж, расположенных в разных странах, за период с января 2013 по июнь 2014 гг. на предмет использования ВЧТ. Исследователями было установлено, что использование ВЧТ способствовало снижению манипулирования ценами, наблюдающегося на закрытии торговых сессий. Также в работе отмечается, что для ВЧТ характерно множество ордеров с малым объемом, которые как правило обновляются в короткую, заявки на следующий день при этом не переносятся.

Довольно часто можно встретить приравнение ВЧТ к торговле алгоритмической. Однако их не следует отождествлять. ВЧТ — это одна из разновидностей алгоритмической торговли, которая является предшественницей ВЧТ. Алгоритмическая торговля отлично себя зарекомендовала и используется как определяющий инструмент во всех аспектах осуществления сделок

купли-продажи. Она активно используется инвесторами для того, чтобы максимально снизить влияние цен или диверсификации портфелей ценных бумаг.

Среди наиболее общих черт, характеризующих ВЧТ, следует отметить:

- ◆ Применение сложных технологических инструментов для совершения целого ряда стратегий — от маркет-мейкинга до арбитража.
- ◆ Количественные методы, которые практикуют алгоритмы во всех звеньях инвестиционной цепи: анализ имеющейся на рынке информации, принятие решения об используемой рыночной стратегии, оптимизация расходов, заключение сделки.
- ◆ Высокие показатели дневной оборачиваемости портфеля и соотношения отправленных заявок к заключенным сделкам.
- ◆ Нулевая либо незначительная позиция на конец торгового дня. Это связано с тем, что участник не берет на себя риск, либо ограничивается минимальным риском и при этом освобождается от издержек, сопутствующих созданию резерва под необеспеченные позиции. Как правило позиции удерживаются лишь несколько секунд или долей секунды.
- ◆ Осуществление торговли за свои средства и в собственную пользу.
- ◆ Зависимость от технологий, позволяющих проводить операции с минимальной задержкой отклика системы. Для участников важно быть быстрее других.

В апреле 2013 года журнал Financial One [3] опубликовал исследование, в котором сравнивались затраты на подключение к ВЧТ по трем главным элементам: 1) сервер; 2) вид подключения; 3) специализированный софт. Наиболее простой вариант подключения в России, по мнению авторов исследования, обойдется в 30 тыс. руб., при этом содержание подключения обойдется в 2 тыс. руб. в месяц. Наиболее продвинутое конфигурации обойдутся в 260 тыс. руб., при затратах на содержание в размере 50 тыс. руб. в месяц. Что касается сроков окупаемости этих систем, то здесь все индивидуально и зависит от оборотов и размеров комиссий.

Степень распространенности высокочастотной торговли зависит от разновидностей торгующихся на рынке активов. Так, наибольшее распространение ВЧТ получил на рынке долевых бумаг, биржевых деривативов, основных валют и т.п.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что ВЧТ нельзя назвать какой-то единой стратегией. По своей сути это набор технологических инструментов и механиз-

мов, которые предназначены для реализации рыночных стратегий. Каждая из этих стратегий отличается по влиянию на рынок и по-разному регулируется контролирующими органами. Данная трактовка ВЧТ была поддержана профессиональными участниками рынка во время консультаций, проведенных Международной организацией комиссий по ценным бумагам. Многие из стратегий ВЧТ использовались и ранее, но не в таких масштабах. Использование автоматизированных систем позволило многократно увеличить масштабы старых стратегий. Большинство используемых стратегий ориентировано на извлечение прибыли из микроскопического колебания цен и высокого уровня оборачиваемости капитала.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что за термином ВЧТ скрывается понятие со сложной многоуровневой структурой. В России пока еще не представлено определение ВЧТ. Приведем перечень определений ВЧТ, представленные зарубежными научными изданиями.

- ◆ ВЧТ отождествляется с участниками рынка, которые имеют значительные объемы торговли и при этом характеризуются низким уровнем переноса позиций [4].
- ◆ ВЧТ представляется как разновидность инвестиционной стратегии, в соответствии с которой приобретение ценных бумаг осуществляется на максимально возможной скорости, а их продажа осуществляется с использованием компьютерного алгоритма. Данная стратегия реализуется в течение нескольких секунд или миллисекунд [5].
- ◆ Трейдеры, использующие в своей работе ВЧТ, оперируют массовым количеством ордеров и со-

вершают множество сделок, максимально скоротечно входят и выходят из позиции, каждый торговый день завершают без значительной открытой позиции [6].

- ◆ ВЧТ определяется как автоматическое генерирование значительного количества ордеров на основе информации о динамике цен и прочих рыночных факторов, которые занимают открытые позиции на предельно короткое время и завершают торговый день с нулевой позицией [7].
- ◆ ВЧТ характеризуется набором некоторых общих черт, в т.ч.

1. ежедневный значительный объем торгов, сопровождающийся незначительным уровнем прибыли по отдельным сделкам
2. максимально короткие сроки, в течение которых игроки держат активы
3. подача большого количества ордеров
4. отсутствие сколь-либо примечательных открытых позиций в промежутках между торговыми днями [8].

Как показывает проведенный анализ, на данный момент отсутствует единый подход к определению ВЧТ. Это связано с большим разнообразием методов ВЧТ, применяемых на рынке, что приводит к трудностям в выявлении общих черт и какой-то классификации. Однако постепенно начинают выработываться некоторые наиболее общие черты, на основе которых в дальнейшем можно будет вычленивать существенные признаки ВЧТ и дать исчерпывающее определение понятию.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Federation of Exchanges. Understanding High Frequency Trading (HFT), 2013.
2. Hasbrouck J., Saar G. Low-Latency Trading. Rochester, NY: Social Science Research Network, 2015.
3. Financial One. Бесценные миллисекунды // 2013.
4. Baron, Brogaard, Kirilenko. The Trading Profits of High Frequency Traders // 2012.
5. Jonathan Brogaard. The Activity of High Frequency Traders // 2011.
6. Cvitanic, Kirilenko. High Frequency Traders and Asset Prices // 2016.
7. Greg Medcraft. Australian Securities and Investments Commission // 2012.
8. Martin Wheatley, CEO of the Securities and Futures Commission in Hong Kong, and former deputy chief executive of the London Stock Exchange (2010).
9. Полозков С. Исследования различий влияния знаний и информации на развитие общества // Экономист. 2005. № 2. С. 46–50.
10. Соловьева О. В. Зарубежные стандарты учета и отчетности. М., 2009.
11. Цыгичко А. Высокая цена конкурентоспособности // Экономист. 2003. № 1. С. 33–41.

© Шаипова Светлана Анатольевна (shaipovasvetlana@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТОВ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАЛЮТАХ

PROSPECTS FOR EXPANDING INTERNATIONAL SETTLEMENTS IN NATIONAL CURRENCIES

N. Kazanskaya

Summary. The article presents the results of the analysis of the structure of world exports. The revealed distribution of the countries' positions presupposes the existence of corresponding priorities in the choice of currencies for international settlements. However, the analysis of the actual data showed that this dependence is not fully manifested. Analysis of the composition of foreign trade transactions using the ruble showed that Russia carries out transactions with the currency on the global market with the EU, the Commonwealth of Independent States, Foreign countries, BRICS, and some other States. The conducted researches allowed to formulate prospects of application of national currencies in the international calculations.

Keywords: national currencies; international settlements; currency structure; ruble; yuan.

Казанская Наталья Николаевна

К.э.н., доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева (г. Красноярск)

Аннотация. В статье приведены результаты анализа структуры мирового экспорта. Выявленное распределение позиций стран предполагает наличие соответствующих приоритетов в выборе валют для осуществления международных расчетов. Однако анализ фактических данных показал, что такая зависимость не проявляется в полной мере. Анализ состава внешнеторговых сделок с использованием рубля показал, что Россия осуществляет сделки с валютой на глобальном рынке со странами ЕС, Содружеством Независимых государств, странами Дальнего зарубежья, БРИКС, и по некоторым другим государствам. Проведенные исследования позволили сформулировать перспективы применения национальных валют в международных расчетах.

Ключевые слова: национальные валюты; международные расчеты; валютная структура; рубль; юань.

При выборе валюты в международных расчетах определяющую роль играют объемы торговли со страной, ее эмитирующей [1]. Объем мирового экспорта товаров в 2017 году превысил 15,5 трлн. долларов. Проведенный анализ показал, что основными экспортёрами товаров являются Китай, США, Германия, Япония, Южная Корея, Гонконг, Франция, Нидерланды, Италия, Великобритания (табл. 1)

Причем крупнейшими торговыми потоками экспорта товаров был экспорт из Китая в США (2,77% мирового экспорта), из Европейского союза в США (2,69% мирового экспорта), из Мексики в США (2,11% мирового экспорта), из Канады в США (2,05% мирового экспорта), из Гонконга в Китай (1,92% мирового экспорта), из США в Канаду (1,82% мирового экспорта), из Китая в Гонконг (1,8% мирового экспорта), из США в Мексику (1,56% мирового экспорта), из Европейского союза в Китай (1,42% мирового экспорта), из Европейского союза в Швейцарию (1,1% мирового экспорта) [2].

Такое распределение позиций в мировом экспорте предполагает наличие соответствующих приоритетов в выборе валют для осуществления международных расчетов. Однако анализ фактических данных показал, что такая зависимость не проявляется в полной мере.

В период 1981–2015 гг. наиболее часто для привязки курсов национальных валют при проведении международных расчетов использовался доллар США (его удельный вес изменялся в пределах от 29% в 1993 г. до 48% в 2015 г. в общем количестве денежных единиц с привязанным курсом). При этом доля единой европейской валюты в общем количестве стран с привязанным валютным курсом не превышала в 2015 г. 28%. Практика привязки курсов национальных денежных единиц по отношению к японской иене и юаню в современной истории отсутствует. Анализ представленных данных указывает на несоответствие выбора стран якорных валют позициям, занимаемым их эмитентами в мировом экспорте. Такая ситуация объяснима инерционным поведением участников мирового рынка при выборе международной валютной единицы в кратко- и среднесрочном периодах [2, 3]. Иными словами, факторы интернационализации той или иной валюты, способны лишь в долгосрочной перспективе повлиять на масштабы ее международного использования, что подтверждают результаты проведенных в этом направлении исследований. Например, после утраты Великобританией в начале XX в. лидирующих позиций в мировом производстве и экспорте фунт стерлингов еще несколько десятилетий широко выполнял функции мировых денег. И наоборот, существенно возросший к этому же моменту экономический потенциал США не обеспечил в этот же период

Таблица 1. Сравнительный анализ объемов мирового экспорта по странам

Страна	Значение торговли (долл. США)	Место в мире	Удельный вес в общем объеме мирового экспорта
Китай	2~<263~<370~<504~<301	1	14,6%
США	1~<545~<609~<158~<491	2	9,97%
Германия	1~<450~<214~<838~<492	3	9,35%
Япония	698~<097~<188~<909	4	4,5%
Южная Корея	573~<627~<368~<937	5	3,7%
Гонконг	550~<239~<645~<863	6	3,54%
Франция	523~<385~<133~<284	7	3,37%
Нидерланды	505~<941~<305~<245	8	3,26%
Италия	503~<053~<928~<396	9	3,24%
Великобритания	442~<065~<707~<223	10	2,85%

Источник: United Nations International Trade Statistics Database, Department of Economic and Social Affairs/Statistics Division (<https://comtrade.un.org>)

Таблица 2. Валютная структура российских внешнеторговых операций за 2017 год, в% к итогам

Наименование/ валюта	Рубль		Доллары США		Евро		Другие валюты	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Все страны	14,3	30,7	68,2	36,3	15,6	30,1	1,9	2,9
Дальнее зарубежье	7,9	26,5	73,2	37,2	16,9	33,3	2	3
ЕС	10,4	29	51,8	22	34	47,7	3,8	1,3
БРИКС	11,7	3,9	78,5	76,2	3,5	5,7	6,3	14,2
Китай	9,5	2,8	79,2	75,6	3,3	5,5	8	16,1
Индия	20,4	21,6	75,7	66,4	3,9	6,9	0	5,1
СНГ	62,3	64,8	30,5	28,8	6	4,7	1,2	1,7
ЕАЭС	69,6	78,1	22,7	16,1	6,3	3,6	1,4	2,2
Белоруссия	79	87	11,7	7,7	8,9	4,6	0,4	0,7
Казахстан	62,9	59	30,9	33,7	3,5	1,6	2,7	5,7

Примечание: 1 — поступления (по экспорту); 2 — перечисления (по импорту). Источник: Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации, статистика внешнего сектора (<http://www.cbr.ru>).

значительного роста удельного веса доллара США в валютных активах стран мира [4].

Использование рубля в международных расчетах осуществляется с 1992 г. в соответствии с Федеральным законом № 218-ФЗ от 21.07.2014 «О валютном регулировании и валютном контроле», когда были отменены ограничения по валютным операциям по текущим статьям платежного баланса. С 2007 г. после отмены ограничений по валютным операциям капитального характера и рубль формально стал свободно конвертируемой валютой, и для его использования в международных расчетах не требуются специальные платежные соглашения.

Данные о составе внешнеторговых сделок с использованием рубля показывают, что Россия осуществляет сделки с валютой на глобальном рынке со странами ЕС, Содружеством Независимых государств, странами Дальнего зарубежья, БРИКС, и по некоторым другим государствам (табл. 2).

Приведенные данные демонстрируют широкое применение российской валюты в финансовых операциях со странами Содружества Независимых Государств и внутри Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Причем в связи с введением режима экономических санкций против России со стороны США и стран Евросоюза и блокированием доступа к получению иностранной валюты доля расчетов в рублях в международных расчетах России со странами СНГ резко возросла. В то же время в структуре товарооборота России в рамках ЕАЭС на платежи в национальных валютах стран — членов ЕАЭС пока еще приходится незначительная доля на уровне 1–2%.

Одним из факторов, сдерживающих использование национальных валют во взаиморасчетах стран СНГ и ЕАЭС, является недостаточный инвестиционный спрос на них в целях осуществления международных операций с финансовыми активами. Для стимулирования

спроса необходимо расширить перечень финансовых инструментов на внутренних национальных рынках, доступных для использования нерезидентами, а также создать на местных финансовых рынках благоприятные условия для работы банков и компаний из стран-партнеров, устранив имеющиеся финансово-экономические, административные и правовые барьеры [6].

Анализ структуры международных расчетов России со странами дальнего зарубежья показывает, что удельный вес расчетов в рублях значительно меньше по сравнению с СНГ и ЕАЭС. Доля рубля в оплате импорта составила 26,5%, а рублевые поступления от экспорта — 7,9%. Меньший объем рублевых экспортных поступлений в сравнении с импортными затратами объясняется тем, что основой российского экспорта в эти страны являются энергоносители. Условия контрактов по такой торговле требуют расчетов в свободно конвертируемых валютах, к числу которых российский рубль по международным правилам пока не относится. В сфере расчетов по импорту подобных ограничений не существует, поэтому платежи часто осуществляются в российских рублях.

Белоруссия, как видно, достаточно активно использует российский рубль в статусе расчетной валюты. Также приоритетным является рублевый валютный оборот для Казахстана. Таким образом, на долю этих стран приходится наибольшая доля рублевых расчетов в регионе.

Отдельного внимания заслуживает развитие сотрудничества во внешнеэкономических связях между Россией и Китаем. В 2011 г. центральными банками этих стран было заключено соглашение о внешнеторговых расчетах в юанях и рублях, позволившее осуществлять платежи в национальных валютах. Однако, как показывают статистические данные, расчеты в национальных валютах между Россией и Китаем осуществляются пока еще недостаточно активно. Основной валютой взаиморасчетов до сих пор является американский доллар. Использованию юаней в расчетах препятствует относительная закрытость китайского финансового рынка для иностранцев. При этом необходимо отметить, что

в 2015 г. юань был включен в состав корзины валют СДР, что формально делает его резервной валютой. Основными условиями для принятия такого решения являются: доля страны — эмитента валюты в мировом экспорте; степень свободного использования валюты; относительная стабильность обменного курса валюты; доля валюты в платежах по трансграничным сделкам; доля валюты в оборотах мировых валютных рынков. Решение о включении валюты в состав корзины принимается при соблюдении двух главных условий. Китай удовлетворяет первому условию полностью, второму условию он соответствует только частично. Таким образом, для активизации международных расчетов между Китаем и Россией в национальных валютах необходима последовательная либерализация валютного регулирования в Китае.

Таким образом, можно констатировать, что доллар США остается наиболее часто используемой в международных расчетах денежной единицей. Действующие в Китае ограничения для дальнейшей интернационализации юаня, а также более низкая в сравнении с США степень развития финансового рынка в зоне евро выступают серьезными препятствиями для роста международного спроса на юань и единую европейскую валюту. При этом наблюдается стремление к более активному использованию национальных валют в международных расчетах в условиях обострения глобальной геополитической ситуации. Повышение удельного веса национальных валют в международных расчетах не означает полного отказа от использования основных мировых валют. В перспективе можно прогнозировать расширение сферы применения национальных валют за счет соответствующего уменьшения доли основных мировых валют.

В целях активизации процесса использования национальных валют в международных расчетах важно устранить существующие законодательные, административные и финансово-экономические барьеры, препятствующие эффективной работе на внутренних финансовых рынках национальных участников внешнеэкономической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холопов А. В. Макроэкономическая роль режима валютного курса / Вестник МГИМО Университета. 2015. № 6. С. 205–215.
2. Chinn M., Frankel J. Will the Euro Eventually Surpass the Dollar as Leading International Reserve Currency? NBER Working Paper, 2005, no. 11510.
3. Моисеев С. Р. Рубль как резервная валюта // Вопросы экономики. 2008. № 9. С. 4–21.
4. Кудряшова И. В. Трансформация экономических условий формирования современных мировых валют // Финансы и кредит. 2015. № 38. С. 55–66.
5. <http://www.cbr.ru/> — Официальный сайт Банка России. Статистика внешнего сектора (дата обращения: 29.10.2018).
6. Балюк И. А. Использование национальных валют во внешнеторговых расчетах // Финансы. Теория и практика. 2015. № 5. С. 127–133.
7. Бажан А. И. Проблемы и перспективы мировой валютной системы // Деньги и кредит. 2016. № 3. С. 66–70.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ШТРАФА — ВИДА ФОРМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВИНОВНОГО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ — НАКАЗАНИЯ

OPTIMIZATION OF CRIME PREVENTION THROUGH THE EFFECTIVE IMPLEMENTATION OF PENALTY FORM OF CRIMINAL LIABILITY — PENALTIES

**M. Dvoretzkiy
A. Klyukin**

Summary. The author considers the optimization of crime prevention through the effective implementation of the fine — a form of bringing the perpetrator to criminal responsibility — punishment. The subject of journalistic research is a set of theoretical and practical aspects related to the imposition of a fine.

Keywords: criminal liability, problems of theory and law enforcement practice, criminal law relations, optimization of crime prevention, effective implementation of the fine, type of form of criminal prosecution, punishment.

Дворецкий Михаил Юрьевич

*К.ю.н., Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Тамбов, Россия
dvoretzkiyту@gmanagement.ru*

Клюкин Андрей Игоревич

*К.и.н., Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Тамбов, Россия
mio-slim@yandex.ru*

Аннотация. Автором рассматривается оптимизация предупреждения преступности посредством эффективной реализации штрафа — вида формы привлечения виновного к уголовной ответственности — наказания. Предметом публицистического исследования выступает комплекс теоретических и практических аспектов, связанных с назначением штрафа.

Ключевые слова: уголовная ответственность, проблемы теории и правоприменительной практики, уголовно-правовые отношения, оптимизация предупреждения преступности, эффективная реализация штрафа, вид формы привлечения к уголовной ответственности, наказание.

Исследуя разновидности форм реализации уголовно-правовой категории «Уголовная ответственность», уже подтвердивших достаточную оптимальность и высокую эффективность при их применении, следует сконцентрироваться на усовершенствовании, как их системы, так и совершенствовании структуры. По мнению, высказанному А.Э. Жалинским: «В своем основном проявлении, т.е. как «наказание», «уголовная ответственность» есть, по статье 43 УК РФ, «мера государственного принуждения», назначаемая по приговору суда» [1, с. 396]. Исходя из нечастого фактического использования судебными инстанциями «ограничение» или «лишение», мы реально относим их к перспективным разновидностям данной формы реализации посредством свободы осужденного, соответственно, в первую очередь, именно данное обстоятельство касается наказания «Штраф», в настоящее время выступая альтернативой назначать лишение свободы, нелогично и продолжительно доминируя в системе. Примечательно наличие фактического обстоятельства, когда в развитых правовых системах государств именно штраф стабильно доминирует в национальных отраслевых законодательствах в сравнении с назначаемыми иными уголовными наказаниями. Например, А. А. Лакеевым констатируется

его традиционная эффективность в зарубежной правоприменительной практике: «в Японии фактически назначается непосредственно почти реально: 95% всех судимых лиц, Германии — почти 80%, во Франции — почти 48%» [2, с. 17]. Априори эта массовость достаточно закономерна, то его достоинства являются очевидными при назначении и исполнении. Именно этот вид фактически выступая в качестве существенного источника наполнения любых государственных бюджетных средств, непосредственно никогда реально никак не требует сколько-нибудь значительных затрат при исполнении в действительности. Как нам представляется, именно наиболее часто применяя его, наряду с видом «Принудительные работы» суды могут сократить удельный вес неоптимистично доминирующего наказания в системе, тем самым способствуя разрешению актуальной проблемы, связанной с переполненными местами заключения, которые не соответствуют положениям международных стандартов, необходимым реализовывать посредством проведения отечественной уголовно-исполнительной реформы. А. В. Курц обоснованно констатирует, что «... несомненные преимущества по сравнению с другими видами наказаний, которые непосредственно назначаются за совершение деяний, относящихся небольшой и сред-

ней тяжести, начиная со способности оказать ощутимое воздействие на осужденного в целях предупреждения совершения им нового преступления. ... и, заканчивая известной суровостью, позволяющей эффективно реализовывать все цели» [3, с. 183–184]. Согласно позиции, которую ранее сформулировала И. В. Кучвальская: «... подтверждается низким уровнем рецидива, в отличие от лишавшихся свободы» [4, с. 12]. На сегодняшний день именно данное наказание, как основной вид фактически недостаточно представительным образом, предусматривается разработчиками в положениях санкций Особенной части Уголовного кодекса, непосредственно составив 39,6% от всего их количества, то необходимо в реальной действительности распространить его также и в структуру иных статей закона. Так, в первую очередь, именно «Штраф» должен применяться, за совершение преступлений, относящихся к категориям небольшая и средняя тяжесть, имеющих корыстную мотивацию, и (или) связанным с причинением потерпевшему материального ущерба согласно части 2 ст. 167; части 2 ст. 181. части 2 ст. 254, ст. 259; части 2 ст. 274 Уголовного кодекса.

По нашему мнению, фактически применения наказания «Штраф» непосредственно, как основной вид наказания при совершении виновным составов преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких реально нецелесообразно для повышения эффективности реализации уголовной ответственности в дальнейшем. Нам представляется, что неправильна позиция тех отечественных ученых-криминалистов, которые предлагают установить «Штраф», как вид наказания за совершение отдельных преступлений против личности, сформулировав это в положениях санкций части 1 ст. 107, части 1 и 2 ст. 108, части 1 ст. 109, части 2 ст. 115 и некоторых других статьях [5, с. 277].

Актуальным является вопрос, который относится к методике порядка унифицированных исчислений и оптимальных определений размеров данного вида наказания. Констатируем корреляцию разработчиками положений ФЗ в 8 декабре 2003 года посредством либо в строго фиксированной денежной сумме от 2,5 тысячи до 1 миллиона рублей, либо, в свою очередь, посредством размера зарплаты или иным совокупным доходом, приговоренного в реальной действительности, полученного за две недели, или в течении пятилетнего периода включительно. Констатируем, что в первую очередь, фактически именно данное обстоятельство непосредственно достаточно чревато для объективно существующих инфляционных процессов, постоянно реально имеющих в государствах с рыночной экономикой. Как нам представляется, характерным является обстоятельства его исчисления в целом ряде законодательств стран посредством дневных ставок. Так, напри-

мер, это реализуемо в законодательстве Испании, Австрии, Польши, ФРГ, либо в штрафных днях в Уголовном кодексе Французской республики. Вследствие того, что изначально в положениях отечественного Уголовного кодекса законодателем фактически была применена более оптимизированная схема при исчислении размера штрафа в Минимальном размере оплаты труда (МРОТ), а затем он непосредственно существенным образом, видоизменил свой концептуальный подход в реальной действительности.

Поскольку помимо этого насущной проблемой является размер штрафа, то судебная инстанция именно при этом учитывает тяжесть деяния, которое совершено виновным, наступившие негативные последствия и имущественное положение осужденного, то есть его заработок, состав и обеспеченность семьи данного лица. Согласно положениям уголовно-правовой науки, высказываются аргументы, что «количество лиц, фактически осужденных к этой мере наказания, непосредственно могло увеличено, если бы его размер соответствовал уровню доходов...» [6, с. 7], и, «... предусмотренный Уголовным кодексом минимальный размер в 2,5 раза превышает средний уровень доходов..., следовательно, исполнение в полном объеме данного вида наказания значительной частью граждан России невозможно вообще [7, с. 52]. На наш взгляд, на основании данной констатации, именно «Штраф» фактически оптимально было бы непосредственно начислять, используя по-прежнему схему «МРОТ», а нижний его предел реально мог бы соответствовать 5 МРОТ в действительности. Нам необходимо констатировать, что именно это соответствовало бы и положениям статьи 3.5 КоАП, которая установила предельные параметры административно-штрафных санкций в отношении правонарушителей физических лиц, в границах от 1/10 МРОТ до 25 МРОТ соответственно. По нашему мнению, фактически использование нижнего уровня, применяясь в качестве самостоятельного наказания, мог бы, безусловно, реально более высоким, чем у административного штрафа, учитывая реальную материальную чувствительность оштрафованных согласно со сложностью исполнения у абсолютного большинства российских граждан. Поэтому отечественными исследователями также ведется полемика о необходимости повысить верхний предел штрафных санкций, и, обосновывается: «... за совершение отдельных составов преступлений (например, «Против собственности»; «В сфере экономической деятельности»; «Экологические преступления») непосредственно следовало бы реально повысить в действительности максимальные размеры» [7, с. 54]. С. Ф. Милюковым констатируется: «... часть преступников имеет также и легальный доход, который исчисляется миллионами в долларовом эквиваленте, а, исходя, из этого максимальный размер далеко не в полной мере непосредственно соответствует требованию ч. 3

ст. 46 УК об обязательном учете судебной инстанцией реального имущественного положения, осужденного» [8, с. 37]. Нам представляется, с этим в полной мере не соглашаемся, так как верхний его предел, который составляет миллион рублей, материально достаточно ощутим, доходы большей части населения Российской Федерации по большей части являются невеликими и (или) нестабильными. Соответственно основная масса лиц, приговоренных к наказанию в виде «Штраф», его размер, будучи минимальным или близким к этому вполне высокочувствителен для их благосостояния. В свою очередь, фактическое же совершение общественно-опасных деяний лицами, которые представляют немногочисленный слой истеблишмента отечественного социума, имеющие объемы финансовых ресурсов, применение в отношении них им именно его неэффективно в принципе и аморально для расслоенного общества.

Поскольку в отечественной уголовно-правовой теории рядом ученых ведется полемика вокруг наличия одновременно в УК РФ двух методов оптимального начисления размера штрафа соответствующим образом. Так, А.В. Курц фактически предлагает скорректировать реализацию, так как: «отказ от исчисления его размера от зарплаты или иного дохода, осужденного... сложностью его подсчета судьями» [3, с. 17]. На наш взгляд, даже будучи согласным с известными сложностями в современной судебной практике, нам следует не согласиться с таким предложением, так как, прежде всего, согласно первому способу исчисления штрафа минимальный его размер фактически является непосредственно высокой величиной для большинства соотечественников, а в свою очередь, его подсчет штрафа исходя из размера зарплаты либо иного двухнедельного совокупного дохода выступает наиболее реальным обстоятельством. Прежде всего, объективным фактором, соответствующим ныне имеющейся действительности. Вследствие того, что согласно официальным данным из анализа современной судебной практики около 50% приговоров судебных инстанций он начисляется в соответствии с первым способом, в иных же ситуациях подсчет велся по второму варианту, т.е. определялся согласно размеру зарплаты либо иного дохода осужденного. Что объективным образом, дает учесть, назначая данный вид наказания в действительности имущественное неравенство разнообразных категорий осужденных. И, соответственно также фактически исполнять непосредственно принцип «Социальная справедливость» в реальной действительности. Исходя из положений Ф3 8 декабря 2003 г.: «... следует вести учет, как тяжести совершенного состава преступления, так и имущественного положения осужденного, но и фактическое положение его семьи, а также возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода». Следует поддержать эту концепцию корреляцией положе-

ний ч. 3 ст. 46 УК РФ. Хотя, часто согласно эмпирическим материалам какого-либо уголовного дела судебная инстанция не может фактически оценить в действительности подлинность современного имущественного положения, как оштрафованного, так и членов семьи, либо близких лиц, непосредственно возможности получить ему зарплату либо приобретение иного дохода в реальности. Как нам представляется, данные проблемы судебные инстанции Российской Федерации могут выяснить в процессе отправления правосудия, и в целях обеспечить единообразие правоприменительного процесса Пленуму Верховного Суда России целесообразно принять постановление по этим проблемам, обобщая вопросы практики, дав необходимые рекомендации нижестоящим инстанциям.

Поскольку положения критериев оценок были неоднократно воспроизведены исследователями, соответственно наиболее часто к ним должны относиться следующие обстоятельства: «... необходимость учета не только материального дохода в виде зарплаты и количества лиц, состоящих на иждивении оштрафованного, но и доходы, получаемые от незапрещенной законом деятельности: — дохода от приусадебного участка; — дохода от ценных бумаг; — процентов, получаемые по банковским вкладам; — наличие домовладений, других строений на праве личной собственности; — расходов подсудимого на обеспечение своей жизнедеятельности и членов семьи. ... в каждом конкретном случае суд вправе учесть и иные обстоятельства, которые существенно могут повлиять на определение размера...» [9, с. 18]. Констатируем в качестве наиболее оптимального способа повысить показатель «Эффективность» именно этого вида наказания и гарантировать систематическую уплату штрафа приговоренными к нему фактически выступает при назначении непосредственно учет реально-объективного критерия оценки: Имущественное положение приговоренного осужденного и членов его семьи, в действительности возможности получать заработную плату и (или) иной совокупный доход соответствующим образом. Именно в современной ситуации применение штрафа в судебной практике целесообразно было бы существенно увеличить в целях применения его в качестве основного вида наказания для фактической альтернативности разновидности «лишение свободы...», если содеянное виновным квалифицировано такими категориями, как небольшая или средняя тяжесть, корыстно мотивированными или приведшими к материальному ущербу. По нашему мнению, осуществление данного предложения должна способствовать, в первую очередь, его закреплению в положениях санкций статей Уголовного кодекса, исчисление размера штрафа в МРОТ и снижение размеров этой меры посредством пропорциональности тяжести содеянного виновным преступления.

Поскольку, как дополнительное наказание штраф применяется судьями редко, соответствующие опросы 98,2% представителей судейского корпуса Российской Федерации и 97,6% прокурорских работников фактически констатировали непосредственно его высокий эффект реализации именно в качестве дополнительного средства воздействия на осужденного [10, с. 24]. Например, И. В. Смолькова констатирует согласно официальной статистике «... рецидив среди осужденных, которые были ему подвергнуты, составляет 8,5%» [11, с. 37, 42]. Поскольку превентивный потенциал вида наказания «Штраф» в современной судебной практике используется фактически недостаточным образом, то на основании имеющейся обстановки, необходимо, непосредственно предложить, отечественному законодателю, реально поддержать позицию исследователей, предлагающих соответствующим образом «расширение сферы как дополнительный вид наказания» [10]. Хотя, априори именно столь существенным образом, реформируя вид наказания законодателю необходим целый ряд объективных предпосылок расширить применение. Даже при том, что на сегодняшний день данный вид именно в этом контексте был воспроизведен разработчиками в положениях 29 санкций статей Особенной части Уголовного кодекса, которые составляют 5,4% общего их количества, то, прежде всего, он предусматривается за совершение преступлений против собственности и (или) в сфере экономической деятельности. Так, именно фактически назначаясь судебными инстанциями непосредственно как обязательно — или факультативно в качестве реально дополнительного вида. Одновременно некоторыми учеными иницируется предоставление судебным инстанциям «возможность назначать дополнительное наказание по своему усмотрению, несмотря на то, что он и не предусмотрен санкциями какой-либо статьи Особенной части УК» [11]. Считаем, что это неверно, так как его применение как дополнительная мера не следует полностью отдать только лишь на усмотрение представителей судейского корпуса, тем самым расширив возможность субъективизма судей в реализации штрафа. Нам необходимо констатировать, что этот вид наказания фактически мог бы быть сформулирован законодателем непосредственно в положениях санкций статей Особенной части Уголовного кодекса, реально увеличив их количество соответствующим образом. По нашему мнению, так, именно «Штраф», как обязательный или факультативно дополнительный вид наказания следует воспроизвести только в положениях тех статей Уголовного кодекса, которые предусматривают реализацию категории уголовной ответственности, если содеянное в виде составов общественно-опасных деяний, отнесено к категории средней тяжести и тяжким, имеющих корыстную направленность. В свою очередь, также за деяния, которые связаны с причиненным виновным материальным ущербом потерпевшему. Как

нам представляется, фактически к данным преступлениям непосредственно должны быть реально отнесены следующие составы:

- ◆ особо квалифицированные разновидности состава преступления «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения» согласно положениям, ч. 3 и 4 ст. 166 Уголовного кодекса;
- ◆ квалифицированный состав умышленного уничтожения или повреждения имущества в соответствии с ч. 2 ст. 167 Уголовного кодекса;
- ◆ квалифицированный состав нарушения правил изготовления и использования государственных пробирных клейм на основании положений части 2 статьи 181 Уголовного кодекса;
- ◆ квалифицированная разновидность состава преступления «превышения полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей», исходя, из положений части 2 статьи 203 Уголовного кодекса;
- ◆ квалифицированный вид состава преступления «Массовые беспорядки» согласно положениям части 2 статьи 212 Уголовного кодекса;
- ◆ квалифицированная разновидность состава преступления «создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ» в соответствии с положениями части 2 статьи 273 Уголовного кодекса;
- ◆ квалифицированная разновидность состава преступления в виде нарушения посредством посягательства на правила эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей на основании положений части 2 статьи ст. 274 Уголовного кодекса;
- ◆ иные составы общественно-опасных деяний, предусматривающих уголовную ответственность положениями статей Уголовного кодекса.

На наш взгляд, неприемлемо предложение некоторых ученых об «целесообразности применения вида «Штраф» и как в дополнительное наказание в положениях санкций за совершение составов преступлений, относящихся ко всем категориям тяжести, которые совершены исходя из корыстной мотивации либо причинив значительный материальный вред потерпевшим» [4, с. 9]. Поскольку фактически содеянное, относящиеся к категории небольшой, либо категории средней тяжести, которые были корыстно мотивированны и (или) причинили материальный вред, непосредственно назначение штрафа наиболее высокоэффективно в качестве основного вида, соответственно является нецелесообразным дополнительно к лишению свободы осужденного. Нам

необходимо констатировать, что, позиционируя его в качестве дополнительного вида наказания, на основании положений части 4 ст. 73 Уголовного кодекса при условном осуждении помимо основного вида, назначаются также и дополнительные виды наказаний. По нашему мнению, нецелесообразно его применение фактически как дополнительный вид именно в связи с условным

осуждением, так как непосредственно по экспоненте ужесточается данная принудительная мера воздействия на осужденного. Нам представляется, в настоящее время, имеется недооценка в целом судами Российской Федерации превентивного потенциала штрафа, в качестве основного, и дополнительного разновидностей, в системе видов статьи 44 Уголовного кодекса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. 400 с.
2. Лакеев А. А. Виды уголовных санкций по законодательству зарубежных стран и их применение. Рязань, 1994. 278 с.
3. Курц А. В. Штраф как вид уголовного наказания по законодательству России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. Йошкар-Ола, 2001. 203 с.
4. Кучвальская И. В. Штраф в системе мер воздействия уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1996. 17 с.
5. Сакаев А. И. Система наказаний по уголовному праву России (История и современность): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1999. 297 с.
6. Разумов С. А. Преступления и наказания. К вопросу о соразмерности установленных УК РФ мер ответственности // Российская юстиция. 2002. № 11. С. 7–9.
7. Наумов А. В. «Камни преткновения» уголовного наказания // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 53–54.
8. Милюков С. Ф. Российская система наказаний. СПб., 1998. 48 с.
9. Лемперт И. Н. Правовая характеристика штрафа как вида уголовного наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 209 с.
10. Погосян Т. Ю. Штраф как мера уголовного наказания: учеб. пособие. Свердловск, 1989. 48 с.
11. Смолькова И. В. Назначение наказания, его эффективность и освобождение от уголовной ответственности и наказания. Иркутск, 1978. 90.

© Дворецкий Михаил Юрьевич (dvoretzkiymy@gmanagement.ru), Клюкин Андрей Игоревич (mio-slim@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Тамбов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ЧАСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НДС УСЛУГ, ОКАЗЫВАЕМЫХ В РАМКАХ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Зайцев Сергей Владимирович

Финансовый университет при Правительстве РФ
zsv014@gmail.com

ACTUAL ISSUES OF VAT ON SERVICES PROVIDED WITHIN FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY AND THEIR WAYS OF SOLVING

S. Zaitsev

Summary. This article is devoted to most common problems of Russian tax legislation in part of VAT on services provided both by Russian and foreign suppliers within foreign economic activity. The most common problems, which contribute to decreasing of Russian suppliers' competitiveness and which make Russian market less attractive for the foreign suppliers, were considered by author. For each issue author proposed possible methods of elimination by amendment of Russian tax legislation.

Keywords: VAT, foreign economic activity, issues of Russian tax legislation in part of VAT; VAT on services provided to foreign buyer; recovery of input VAT; place of supply

Аннотация. В данной статье автором рассмотрены наиболее распространенные проблемы налогового законодательства Российской Федерации в части налогообложения налогом на добавленную стоимость услуг, оказываемых как российскими, так и иностранными поставщиками, в рамках внешнеэкономической деятельности. Автором рассмотрены наиболее распространенные проблемы, которые способствуют снижению конкурентоспособности российских поставщиков и которые делают российский рынок для иностранных поставщиков менее привлекательным. По каждой проблеме автором предложены возможные методы устранения путем внесения существенных изменений в российское налоговое законодательство.

Ключевые слова: НДС; внешнеэкономическая деятельность; проблемы законодательства в части НДС; налогообложение НДС услуг, оказываемых иностранному покупателю; возмещение входного НДС; место реализации.

Формирование развитой рыночной экономики не представляется возможным без успешной внешнеэкономической деятельности (далее ВЭД). Она выступает ее неотъемлемым атрибутом и, на сегодняшний день, представляет важность, поскольку большинство стран придерживаются рыночной системы хозяйствования. В связи с этим, очевидным является тот факт, что ВЭД должна иметь четкое и структурированное нормативно-правовое регулирование. Налогообложение ВЭД не является исключением, поскольку должно отражать современные особенности хозяйственной жизни страны и реагировать на изменения, происходящие на мировом рынке. Одним из обязательных платежей, затрагивающих ВЭД, является налог на добавленную стоимость (далее НДС).

Российский бизнес имеет большой опыт во внешней торговле товарами. Это объясняется тем, что Российская Федерация является крупным поставщиком сырьевых товаров, поэтому налоговое законодательство в части экспорта товаров бурно развивалось, чтобы отвечать всем современным требованиям. Более того, при экспорте товаров, налогоплательщик имеет дело со специальным органом исполнительной власти (Федеральная таможенная служба), который, непосредственно на практике, имеет возможность разрабатывать зако-

нопроекты, которые потом будут предложены Минфином для рассмотрения в Государственной Думе. Однако, нормы, затрагивающие налогообложение внешней торговли услугами, существенно отстают по качеству и детализации от ведущих стран, оказывающих услуги на мировом рынке. Возможно, это связано с тем, что Российская Федерация не имеет ни одной транснациональной компании, оказывающей услуги или выполняющей работы, что опускает необходимость совершенствования данной части налогового законодательства. Тем не менее, в современных условиях колоссальную значимость на мировом рынке представляют именно услуги и работы, поэтому необходимо упрощать и делать налоговое законодательство более выгодным для российских предпринимателей. Рассмотрим самые актуальные проблемы и неопределенности налогообложения НДС услуг (работ) при осуществлении внешней торговли.

Установленный в настоящий момент НК РФ механизм исчисления НДС при внешней торговле работами (услугами) существенным образом отличается от механизма исчисления НДС, действующего в странах (за исключением стран ЕАЭС), являющихся крупнейшим деловым партнерами.

Существование различий в порядке обложения НДС между странами — деловыми партнерами уже само

по себе является отрицательным фактором, поскольку приводит к нарушению принципа зеркальности обложения, в результате чего, обороты по реализации могут быть либо не обложены НДС ни в одной из стран, либо обложены НДС сразу в обеих странах.

При этом необходимость безотлагательных мер по гармонизации механизма обложения НДС со странами-партнерами в отношении «экспорта» и «импорта» услуг (работ) вызвана тем, что на данный момент в результате существующих различий:

1. Российские налогоплательщики при реализации услуг (работ) иностранным покупателям поставлены в заведомо невыгодное положение по сравнению с иностранными (местными) поставщиками.
2. Иностранные продавцы при реализации услуг (работ) российским покупателям фактически имеют налоговые преимущества по сравнению с российскими налогоплательщиками-поставщиками.
3. Имеет место правовая неопределенность в отношении порядка определения места реализации услуг (работ) при ведении внешнеэкономической деятельности через зарубежные обособленные подразделения российских организаций, и российские обособленные подразделения иностранных организаций.

Таким образом, в Западных странах более эффективно, чем в Российской Федерации, используется регулирующая функция налогов, которая стимулирует конкурентоспособность своих налогоплательщиков на внешних рынках. Основные направления повышения конкурентоспособности российских налогоплательщиков, оказывающих услуги и (или) выполняющих работы путем гармонизации действующего механизма в Российской Федерации исчисления НДС с налоговым правом ведущих Западных стран. Ниже более подробно описаны и обоснованы предложения по усовершенствованию механизма исчисления НДС при внешнеторговой деятельности путем:

Изменение места реализации «прочих» услуг (работ) с места деятельности продавца, на место деятельности покупателя.

В настоящий момент в соответствии с подпунктом 5 п. 1 ст. 148 НК РФ местом реализации «прочих» услуг (работ) является место деятельности продавца. При этом в соответствии с законодательством стран Европейского союза (ЕС). Местом реализации «прочих» услуг (работ) является место деятельности покупателя, таким образом в ЕС практически полностью реализован общий принцип взимания НДС по «стране назначения».

Существующая ситуация приводит к тому, что:

Российские налогоплательщики поставлены в заведомо невыгодное положение при выходе на иностранные рынки услуг (работ) по сравнению с иностранными продавцами аналогичных (услуг, работ) поскольку:

1. Иностранный покупатель не может зачесть предъявленный ему российский НДС, что для него означает прямое увеличение стоимости услуг (работ) на 18%. При этом иностранный НДС местных (иностранных) поставщиков может быть принят к вычету.
2. Возникает экономическое двойное налогообложение услуг (работ), реализуемых российскими налогоплательщиками, так как иностранный покупатель оплачивает одновременно и российский НДС, предъявленный ему, но не возмещаемый, и исчисленный им как налоговым агентом иностранный НДС.
3. Иностранные организации имеют налоговое преимущество при реализации работ (услуг) российским покупателям, поскольку их реализуемые российскими налогоплательщиками «прочие» услуги (работы) не подлежат обложению ни российским НДС, ни иностранным НДС.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что изменение места реализации «прочих» услуг (работ) с места деятельности продавца на место деятельности покупателя:

1. Во-первых, приведет к повышению конкурентоспособности услуг (работ) российских налогоплательщиков на внешних рынках.
2. Во-вторых, не приведет к выпадению налоговых доходов для бюджета поскольку Российская Федерация является нетто-импортером услуг (работ) и снижение доходов от НДС из-за выпадения из обложения услуг (работ) российских налогоплательщиков будет компенсировано увеличением НДС с приобретения услуг (работ) у иностранных организаций.
3. В-третьих, упрощит налоговое законодательство, поскольку (исключая случаи фрахта и транспортировки) российскому налогоплательщику, необходимо будет выбрать только между двумя категориями услуг (работ): облагаемых по месту фактического выполнения или облагаемых по месту деятельности покупателя.

В настоящий момент в Российской Федерации входной НДС, относящийся к услугам (работам), место реализации которых не считается территорией Российской Федерации, зачету (возмещению из бюджета) не подлежит, а относится на себестоимость реализуемых услуг (работ). При этом в Западных странах входной НДС по услугам (работам), местом реализации которых не является

территория соответствующей страны, подлежит зачету, то есть применяется режим налогообложения аналогичный экспорту товаров.

Существующая ситуация приводит к тому, что:

1. Не возмещаемый для российского налогоплательщика входной российский НДС включается в себестоимость услуг (работ) и в итоге увеличивает их стоимость для иностранных покупателей. При этом стоимость услуг (работ) местных (иностраных) поставщиков сформирована без учета невозмещаемого российского или иностранного НДС.
2. Возникает экономическое двойное налогообложение услуг (работ), реализуемых российскими налогоплательщиками, так как иностранный покупатель оплачивает одновременно и не возмещаемый для российского налогоплательщика входной российский НДС в составе стоимости покупаемых услуг (работ), и исчисленный им как налоговым агентом иностранный НДС.
3. Одновременно иностранные продавцы облагаемых по месту деятельности покупателя услуг (работ) на российском рынке имеют как минимум равные с российскими налогоплательщиками условия, поскольку в стоимости их услуг не заложен невозмещаемый иностранный НДС.

Таким образом, отсутствует стимулирование экспорта услуг (работ), что особенно важно в постиндустриальной экономике.

С точки зрения юридической техники данная проблема может быть реализована одним из следующих способов:

1. Распространением ставки 0% на услуги (работы) местом реализации которых не является Российская Федерация, или
2. Введением прямого разрешения на вычет входного НДС по работам и услугам оказанных в условиях, когда местом реализации, которых не является Российская Федерация.

Реализация любого из подходов потребует внесения текстуальных изменений в целый ряд статей НК РФ. Также очевидна существенность вопросов налогового контроля, возникающих в связи предлагаемыми изменениями, в частности, введением в законодательство положений, препятствующих злоупотреблениям.

3. Уточнение порядка определения места реализации работ (услуг) при ведении внешнеэкономической деятельности через обособленные подразделения и (или) постоянные представительства

Последняя из выделенных проблем представляется следующим образом: ст. 148 НК РФ содержит неопреде-

ленность в отношении порядка определения места реализации услуг (работ) при ведении внешнеэкономической деятельности через обособленные подразделения и (или) постоянные представительства. Эта неопределенность касается, в частности, таких случаев как:

1. Приобретение для деятельности иностранных обособленных подразделений и (или) постоянных представительств российских организаций услуг (работ), местом реализации которых считается место деятельности покупателя.
2. Выполнение иностранными обособленными подразделениями и (или) постоянными представительствами российских организаций услуг (работ) местом реализации которых считается место деятельности продавца.
3. Приобретение иностранными организациями, имеющими российские обособленные подразделения, услуг (работ) облагаемых по месту деятельности покупателя, но не связанных с деятельностью российских их обособленных подразделений.
4. Выполнение иностранными организациями, имеющими российские обособленные подразделения, услуг (работ) облагаемых по месту деятельности покупателя, без участия российских обособленных подразделений.

Из буквального толкования положений ст. 148 НК РФ следует, что местом реализации услуг (работ) во всех рассмотренных выше случаях всегда будет являться Российская Федерация, что не имеет экономического смысла и вряд ли являлось намерением законодателя. Хотя Минфин РФ, в частности, по первому примеру, и высказывал позицию о неприменении российского НДС, но данный вывод все-таки из законодательства не следует и, мы предполагаем, что именно поэтому Минфин РФ не привел никакого обоснования своей позиции.

Данная ситуация из-за своей правовой неопределенности сдерживает участие российских организаций во внешнеэкономической деятельности через иностранные обособленные подразделения и (или) постоянные представительства, а кроме того, создает неопределенность для российских налогоплательщиков, выполняющих услуги (работы) не связанные с российской деятельностью иностранных организаций, но при этом имеющих российские обособленные подразделения.

Обратным примером может служить налоговое право ЕС, в котором четко реализована концепция, что при приобретении или реализации услуг (работ) через обособленные подразделения и (или) постоянные представительства для определения места реализации принимается во внимание место нахождения обособленного

подразделения и (или) постоянного представительства, а не место нахождения организации.

Все это является доказательством того, что необходимо незамедлительное совершенствование налогового законодательства в области внешней торговли услугами (работами).

Безусловно, налогообложение внешней торговли товарами представляется более прозрачным и практич-

ным, поскольку оно затрагивает материальные объекты. Также огромный вклад в его качество внесли международные договоры Российской Федерации об избежании двойного налогообложения. Однако, как уже было отмечено выше, на сегодняшний день, внешняя торговля услугами и работами имеет огромное значение в экономике развитых стран, поэтому развитие законодательства и, как следствие, налогового контроля за «экспортом» и «импортом» работ и услуг представляется первоначально важным.

ЛИТЕРАТУРА

1. COUNCIL DIRECTIVE 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax. Опубликовано в Официальном Журнале (далее ОЖ) N L 347~<11. 12. 2006;
2. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: Федер.закон от 08 декабря 2003 г. № 164-ФЗ // Российская газета. — 2003. — Федеральный выпуск № 3368 (0) - Ст. 2–33.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации часть 2: Федер.закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Актуальное законодательство - ред. на 21 января 2018 г. - С. 410–551.
4. Гончаренко, Л. И. Налогообложение организаций: Учеб. для вузов / А. А. Артемьев [и др.]; Под. ред. Л. И. Гончаренко. — М.: Кнорус, Экономика, 2016. — 508 с.
5. Официальный сайт Федеральной налоговой службы: Аналитические справки о поступлении администрируемых ФНС России доходов в консолидированный бюджет Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — URL.: <https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm> (дата обращения: 09.04.2018).

© Зайцев Сергей Владимирович (zsv014@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

THE BASIC DIRECTIONS OF PERFECTION OF CRIMINAL LEGISLATION ABOUT ILLEGAL ACTIONS IN BANKRUPTCY

**A. Zatsepin
O. Filippova
M. Permyakov**

Summary. Based on the study of signs of illegal actions in bankruptcy, this article identifies the main shortcomings of the current criminal and related legislation and formulated proposals for its improvement.

Based on the logic of the elements of the crime, the article also highlighted the shortcomings of the legislative description of the subject of the crime in article 195 of the criminal code.

Keywords: criminal legislation, illegal actions, bankruptcy, criminal article.

Зацепин Александр Михайлович

К.ю.н., доцент, Уральский институт ДПО (филиал)
«Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»; доцент УрГЮУ; председатель
отделения Российской криминологической ассоциации
tr0507@ya.ru

Филиппова Ольга Владимировна

К.ю.н., доцент, Уральский институт ДПО (филиал)
«Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)», член Российской
криминологической ассоциации, Нотариус
г. Екатеринбург, г. Екатеринбург
ovz24@ya.ru

Пермяков Максим Владимирович

Уральский государственный юридический
университет; Уральский государственный экономический
университет
pmv0929@yandex.ru

Аннотация. Основываясь на исследовании признаков состава неправомерных действий при банкротстве, в данной статье выявлены основные недостатки действующего уголовного и смежного законодательства и сформулированы предложения по его совершенствованию.

Основываясь на логике признаков состава преступления, в статье также были выделены недостатки законодательного описания предмета преступления в ст. 195 УК РФ.

Ключевые слова: уголовное законодательство, неправомерные действия, банкротство, уголовная статья.

Понятие «имущество» является родовым для имущественных прав и имущественных обязанностей, оно также используется в ч. 3 ст. 195 УК РФ, поэтому необходимо в целях единства законодательного текста и упрощения языка уголовного закона отказаться от отдельного выделения в ч. 1 ст. 195 УК РФ имущественных прав и имущественных обязанностей (поддержали 65% респондентов) [3; 4].

Необходимо также устранить казуистичность текста в ч. 1 ст. 195 УК РФ. Применительно к имуществу особо выделены сведения о его размере и местонахождении, хотя эта информация предполагается в составе информации об имуществе. К тому же неясно, что понимать под «иной информацией» об имуществе, если понятийная сущность «сведения об имуществе» по своему природному содержанию охватывает все возможные

информационные данные о нем (поддержали 65% опрошенных).

Излишне описание в ч. 1 ст. 195 УК РФ бухгалтерских и иных учетных документов категориально определенных как «отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя», поскольку что то иное, выходящее за рамки экономической и предпринимательской деятельности, в силу своей природы, они отражать, по сути, и не могут (п. 1 ст. 1, ст. 2 Закона о бухгалтерском учете).

Что касается описания в законе признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, то следует наряду с устранением казуистичности текста закона декриминализировать действия, не представляющие большой общественной

опасности, и, напротив, установить уголовную ответственность за действия (бездействие), являющиеся в достаточной степени общественно опасными, однако неучтенными в тексте действующего УК РФ.

Не всякая передача имущества во владение иным лицам может рассматриваться как уголовно наказуемое деяние, а лишь сопряженная с сокрытием имущества, составляющим суть правонарушений при банкротстве, поэтому указанное действие можно исключить из ч. 1 ст. 195 УК РФ. Передачу имущества во владение иным лицам необходимо будет рассматривать как разновидность сокрытия имущества (из опрошенных нами практических работников с этим согласны 66%).

Опираясь на опыт дореволюционного законодательства, следует декриминализировать уничтожение имущества. Данное действие не сочетается с корыстной или иной личной заинтересованностью как мотивами преступления. Соответствующие действия при наличии к тому оснований вполне могут быть квалифицированы по ст. 167 УК РФ либо по ст. 201 УК РФ (с этим согласны 87% респондентов).

Напротив, необходимо рассмотреть вопрос о внесении законодательного установления ответственности, в том числе и уголовной, в отношении виновного лица за отказ его от права собственности на имущество, и определить данное деяние противоправным, как одним из наиболее эффективных инструментов, используемых с целью уменьшения активов должника (поддержали 76%).

Также представляется возможным уточнить сферу уголовно наказуемых действий применительно к сокрытию, фальсификации, уничтожению, воспрепятствованию в получении бухгалтерских и иных учетных документов, в содержании которых отображена экономическая деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя.

Действующий уголовный закон, в отличие от законодательства зарубежных государств (например, Германии, Швейцарии), не наказывает нарушения обязанностей по ведению бухгалтерского учета при наличии признаков банкротства, что является очевидным пробелом (из опрошенных нами практических работников с этим согласны 58%).

Криминализовать необходимо и фальсификацию долгов как наиболее эффективного способа создания видимости увеличения пассива должника и тем самым сокрытия реального положения вещей, а так же формальной передачи его имущества другим лицам, представляющим интересы должника (поддержали 65% респондентов).

Вместе с тем мы не можем согласиться с предложениями ряда авторов дифференцировать уголовную ответственность, установив в этих целях различный размер крупного ущерба применительно к правонарушителям при банкротстве, с одной стороны, юридических лиц и, с другой, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств [1–7].

Все указанные категории субъектов занимаются предпринимательской деятельностью, при этом объем конкурсной массы при возможном банкротстве у многих индивидуальных предпринимателей зачастую значительней, чем у некоторых юридических лиц. Иными словами, указанная дифференциация не оправдана с криминологической точки зрения. Из опрошенных нами практических работников с такой дифференциацией согласились 39%.

Сомнительным представляется предложение установить в ст. 195 УК РФ такой квалифицирующий признак преступления, как совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

В обоснование этого делается ссылка на то, что свыше 90% преступлений, квалифицируемых по ст. 195 УК РФ, совершается в соучастии, то есть группой лиц по предварительному сговору или организованной группой [7].

По нашему мнению, при такой статистике данный факт требует не введения нового квалифицирующего признака, а уточнения санкции за совершение преступления, то есть ее усиления с одновременным сохранением неизменного нижнего предела санкции с тем, чтобы расширить возможности суда по назначению наказания для оставшихся 10% негрупповых случаев.

Мы считаем, что дополнительной аргументации также требует предложение ввести в ст. 195 УК РФ квалифицирующий признак совершения преступления с причинением ущерба в особо крупном размере [5; 6; 7].

Такое дополнение уголовного закона, на наш взгляд, преждевременно. Возможно, оно будет обоснованным с течением времени наработкой практики применения уголовного закона, появлением более достоверных статистических и криминологических данных.

В ч. 2 ст. 195 УК РФ, по нашему мнению, не совсем уместно используется законодателем такой признак, как «имущественные требования», который видится размытым и неопределенным, а взамен предлагается ввести согласованный с законодательством о банкротстве термин «требования кредиторов».

В части признаков субъективной стороны представляется необходимым дополнение ч. 1 ст. 195 УК РФ указанием в диспозитивной части уголовно-правовой нормы на такой обязательный признак, как корыстная или иная личная заинтересованность виновного лица.

Учитывая сложности в толковании и применении ч. 3 ст. 195 УК РФ, следует также конкретизировать основные значимые элементы объективной стороны рассматриваемого состава преступления.

Наряду с этим, следует отметить и тот факт, что наряду с законодательным совершенствованием и оптимизацией действия нормы в правоприменительной деятельности видится целесообразным по ч. 3 ст. 195 УК РФ уточнить определение обстановки совершения преступления и исключить такой признак, как крупный ущерб, а так же расширить сферу действия в рамках административной ответственности за подобные общественно вредные проявления, соответственно степени тяжести наступивших последствий, и предусмотреть уголовную ответственность при наиболее опасных формах проявления противоправного воспрепятствования законной деятельности арбитражного управляющего или временной администрации кредитной либо иной финансовой организации. В том числе учесть квалифицирующий признак по основаниям систематического воспрепятствования либо совершение данного деяния в составе группы лиц по предварительному сговору.

Признак систематичности известен уголовному закону (ст. 117, 151, 241 УК РФ) и отображает пограничные составляющие, которые, в свою очередь, определяют область действия административного или уголовно-правового характера.

Совершение же преступления группой лиц по предварительному сговору позволяет с большим успехом добиться поставленных целей.

Относительно неправомерных действий при банкротстве, с одной стороны, в законодательстве наблюдается тенденция отказа от ограничения

перечня возможных субъектов, что встречается поддержку в науке уголовного права [2].

С другой стороны, из-за дискуссионности содержания признаков специального субъекта следует отказаться от прямого указания на него в ч. 2 ст. 195 УК РФ.

Таким образом, в ст. 195 УК РФ нами предлагается внести следующие изменения:

- ◆ в части 1 исключить словосочетания:

- а) «имущественные права и имущественные обязанности», (по смыслу данные понятия признаются родовыми);
- б) «сведения о размере и местонахождении имущества», (вся эта информация включается в состав определения «информации об имуществе»);
- в) «иную информацию об имуществе» (в данном случае позиция «сведения об имуществе» достаточно широко определяет круг возможных данные о нем);
- г) описание бухгалтерских и иных учетных документов как «отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя», так как ничто иное они отражать в силу своей природы не могут;
- ◆ исключить из числа уголовно наказуемых деяний действия, направленные на передачу имущества во владение иным лицам и уничтожение имущества (в ч. 1) и, в то же время, установить уголовную ответственность за деяния, связанные с нарушением обязанностей по ведению бухгалтерского учета при имеющихся признаках несостоятельности (банкротства), а так же за отказ от права собственности в отношении имущества, поскольку это один из наиболее эффективных способов уменьшения активов должника, фальсификацию долгов, являющуюся наиболее эффективным способом увеличения пассива должника и сокрытия его имущества у доверенных лиц;
- ◆ дополнить ч. 1. указанием на корыстную или иную личную заинтересованность как обязательный признак состава преступления;
- ◆ часть 1 изложить в следующей редакции:

Сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, отчуждение имущества, отказ от права собственности в отношении имущества, фальсификация долговых обязательств, нарушение обязанностей по ведению бухгалтерского учета, а равно сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, если эти действия (бездействие) совершены из корыстной или иной личной заинтересованности при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб,— наказываются...».

- ◆ в части 2 следует:

- а) отказаться от такого неопределенного признака состава преступления, как «имущественные требования», заменив его на термин, предусмотренный законодательством о банкротстве,— «требования кредиторов»;
- б) исключить прямое указание на специальный субъект;
- ◆ часть 3 изложить в следующей редакции:

«Систематическое либо совершенное группой лиц по предварительному сговору незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной или иной фи-

нансовой организации, если это действие (бездействие) совершено при наличии признаков банкротства (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного частью первой настоящей статьи),— наказывается...».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубанцев С. П. Фиктивное банкротство в США // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 110–111
2. Кудрявцев А. Г. Криминальные банкротства, административные правонарушения, связанные с банкротствами, и гражданско-правовые нарушения положений конкурсного процесса: некоторые вопросы соотношения // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV международ. науч.-практ. конф. М., 2005. С. 290–291.
3. Кудрявцев А. Г. Нормы о криминальных банкротствах в свете предлагаемых изменений УК РФ. С. 238
4. Кудрявцев А. Г. Преднамеренное банкротство: оценка первой попытки реформировать содержание ст. 196 УК РФ // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2004. С. 385.
5. Кузнецов А. В. Конструкции составов преступлений, связанных с банкротством (ст.ст. 195–197 УК РФ), и вопросы их правоприменения // Налоговые и иные экономические преступления / под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль, 2002. Вып. 4. С. 120–133
6. Кузнецов А. В. О конструировании составов преступлений, связанных с банкротством (ст.ст. 195–197 УК РФ) // Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения: материалы второй науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 2002. С. 56–65
7. Кузнецов А. В. Преступления в сфере несостоятельности (ст. 195–197 УК РФ). С. 9, 18.

© Зацепин Александр Михайлович (tp0507@ya.ru),

Филиппова Ольга Владимировна (ovz24@ya.ru), Пермяков Максим Владимирович (pmv0929@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский государственный юридический университет

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

SOCIAL FUNCTION OF CIVIL LAW

S. Ibragimova

Summary. The article outlines the category of social function of civil law. It is noted that the goals of the social function of law is to ensure social cohesion and social justice, resolving existing social contradictions, creating opportunities for every citizen to participate in public life. In recent years the civil law social impact on public relations is actively carried out on the legal regulation of the activities of non-profit organizations and voluntary initiatives. A new aspect of the social function of law is the need to ensure citizens' access to digital technology.

Keywords: social function of law, civil law functions, social impact, functions of law.

Ибрагимова Светлана Вахитовна

*К.ю.н., доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
sv.ibragimova@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется социальная функция гражданского права. Отмечается, что задачами социальной функции права является обеспечение в обществе социального согласия и социальной справедливости, разрешение существующих социальных противоречий, создание возможностей для участия каждого гражданина в общественной жизни. В последние годы социальное воздействие гражданского права на общественные отношения активно осуществляется по направлению правового регулирования деятельности некоммерческих организаций и добровольческих инициатив. Новым аспектом социальной функции права, на который необходимо обратить внимание, является необходимость обеспечения доступа граждан к цифровым технологиям.

Ключевые слова: социальная функция права, функции гражданского права, социальное воздействие, функции права.

На современном этапе развития общества значение социальной функции права постоянно возрастает. Во многом это связано с тем, что в обществе крепнет понимание ценности каждого человека и необходимости создания достойных условий жизни для всех групп населения.

Как справедливо отмечал С.С. Алексеев, в самой природе человека заложена устремленность к свободе, незыблемости его высокого, достойного места в жизни [1].

Основополагающие устремления граждан находят свое отражение на конституционном уровне. Согласно ст. 7 Конституции Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Претворяя положения Конституции в жизнь, все отрасли права стремятся к наиболее полной реализации социальной функции, поскольку каждая из них затрагивает социальные права граждан, влияет на их уровень жизни и возможности для свободного развития.

Гражданское право занимает важное место в жизнедеятельности общества, создает условия для развития общества и личности, стимулирует граждан к активному и инициативному поведению по созданию и предоставлению материальных и духовных благ для себя и иных лиц, использованию своих способностей

и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, проявлению творческой инициативы для создания объектов науки и техники, литературы и искусства.

Многие задачи гражданского права касаются экономической сферы, поскольку оно призвано регламентировать имущественные отношения людей, определить основания возникновения и порядок осуществления права собственности, интеллектуальных прав, установить порядок создания и функционирования юридических лиц и т.д.

Ведущая роль экономической функции гражданского права не препятствует его социальной функции. Социальное воздействие гражданского права на общественные отношения направлено на достижение социальной справедливости, обеспечение минимального уровня материальной обеспеченности, поддержки социально незащищенных граждан. Право создает условия для достижения социальных стандартов качества жизни людей, определяемых в соответствии с уровнем развития общества на конкретном историческом этапе.

В настоящее время социальные стандарты определяются Конституцией РФ через термины достойная жизнь и свободное развитие человека. Во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, в пункте 1 статьи 25 говорится о праве каждого человека на определенный жизненный уровень, под которым понимается

право на пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния человека и его семьи, о праве на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам.

В Европейской социальной хартии (пересмотренной), принятой 3 мая 1996 года, и ратифицированной Российской Федерацией 3 июня 2009 года, социальные стандарты определены через условия, обеспечивающие эффективное осуществление совокупности прав и принципов в области охраны здоровья и труда, социального обеспечения, защиты наиболее уязвимых групп населения (детей и молодежи, работающих матерей, пожилых людей и инвалидов).

Согласно Европейской социальной хартии каждый человек имеет право на защиту от бедности и социального отторжения путем получения доступа к занятости, жилью, профессиональной подготовке, образованию, культуре, а также к социальной и медицинской помощи.

Реализуя социальную функцию права, законодатель стремится обеспечить в обществе социальное согласие и социальную справедливость, разрешить существующие социальные противоречия, создать возможности для участия каждого гражданина в общественной жизни.

При этом следует согласиться с В.Е. Чиркиным, что обеспечение основных социальных нужд человека не должно вести к хозяйственной, политической и иной пассивности личности, к ее иждивенчеству. Право должно создать условия для обеспечения социальных нужд, но человек тоже должен заботиться о себе и своей семье [5].

По обоснованному мнению В.Н. Соловьева, для эффективного достижения социальных целей гражданско-правовое регулирование должно, прежде всего, обеспечивать гарантии интересов частного собственника, поскольку обладание гражданином собственностью является условием и дополнительной гарантией, так или иначе приближающей его к достойной жизни и обеспечивающей его свободное развитие [4].

Наличие собственности делает человека финансово самостоятельным, материально независимым от государства, способствует его активной деятельности, создает условия для ощущения его социального комфорта.

Правовые гарантии права собственности закреплены в гражданско-правовом принципе неприкосновенности собственности, который обеспечивает свободу осуществления правомочий собственника; право на защиту своего имущества; возмещение убытков при принудительном изъятии или прекращении права собственности; право на восстановление нарушенного права собственности и др. [3].

Иным важным аспектом социальной функции гражданского права является создание правовых условий для реализации индивидами своих навыков и способностей. Гражданское право предоставляет возможность гражданам заниматься любыми видами деятельности, не запрещенными законом; заключать договоры, как предусмотренные, так и не предусмотренные законом или иными правовыми актами; вступать в гражданские правоотношения с любыми лицами по своему усмотрению, определять условия договора и т.д.

Гражданское право создает широкий спектр возможностей для реализации научных и творческих способностей людей. В этих целях гражданское право признает интеллектуальные права (имущественные, а в случаях, предусмотренных ГК РФ, также личные неимущественные права и иные права), обеспечивает бессрочную охрану авторства, регламентирует договоры по созданию объектов интеллектуальной собственности и передаче прав на них и др.

Отмеченные гражданско-правовые отношения имеют социальную ценность для граждан по нескольким причинам. Во-первых, это получение материальной выгоды и улучшение своего материального положения, что, безусловно, влияет на социальный статус людей и ощущение ими социального комфорта. Во-вторых, это получение удовлетворения от социальных взаимодействий, осознание личностью нужности и полезности для других членов общества. И, в-третьих, это возможность для самореализации, для раскрытия своих талантов и способностей, приобретения новых навыков.

Претворение в жизнь данных положений позволяет говорить о реальных возможностях для свободного развития граждан, а также о реализации социальной функции гражданского права.

Самостоятельное обеспечение основных социальных нужд, к сожалению, доступно не всем категориям граждан. Существует немалое число людей, которые в силу различных причин не могут самостоятельно заработать себе на жизнь (дети, инвалиды, пожилые граждане и др.). Без помощи государства и общества таким гражданам не обойтись.

Конституция РФ гарантирует всем без исключения гражданам достойную жизнь и свободное развитие. В ст. 7 Конституции РФ определены средства достижения данной цели: охрана труда и здоровья людей, установление гарантированного минимального размера оплаты труда, обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты.

Одной из гарантий достойной жизни для социально незащищенных граждан является установление в Российской Федерации прожиточного минимума. Согласно ст. 1 Федерального закона № 134-ФЗ от 24.10.1997 г. «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» прожиточным минимумом является стоимостная оценка потребительской корзины, куда включены необходимые для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности минимальный набор продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, а также обязательные платежи и сборы.

Прожиточный минимум предназначается для оценки уровня жизни населения Российской Федерации и обоснования устанавливаемых на федеральном уровне минимального размера оплаты труда, размеров стипендий, пособий и других социальных выплат (ст. 2 ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»).

В гражданском праве величина прожиточного минимума используется для защиты прав потерпевших, которым причинен вред здоровью, а также получателей ренты или платежей по договору пожизненного содержания с иждивением. Так, например, в силу п. 2 ст. 590 ГК РФ размер выплачиваемой постоянной ренты, определенной договором постоянной ренты, в расчете на месяц должен быть не менее установленной в соответствии с законом величины прожиточного минимума на душу населения в соответствующем субъекте Российской Федерации. При этом размер постоянной ренты, установленный на уровне величины прожиточного минимума на душу населения, подлежит увеличению с учетом роста соответствующей величины прожиточного минимума.

Установление прожиточного минимума в России, безусловно, имеет прогрессивное значение, поскольку предоставляет социальные гарантии личности. Однако следует признать, что выплата гражданам величины прожиточного минимума не решает в полной мере проблему обеспечения достойного уровня жизни социально незащищенных групп населения.

Как обоснованно отмечает Е.В. Чупрова, Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» закрепляет лишь физиологический минимум, традиционно в мире считающийся нижней границей бедности. Тогда как существует еще один стандарт — социальный минимум — это уровень обеспеченности, или нижняя граница достаточных доходов, что позволяет обеспечивать жизнь человека в обществе как социального субъекта [6].

Поскольку все люди нуждаются в удовлетворении как физиологических, так и социальных потребностей, то и минимальное число благ и услуг, предоставляемых социально незащищенным гражданам, должно удовлетворять оба вида их потребностей. Каждый человек должен иметь социальные блага, достаточные для утверждения его человеческого достоинства; а также иметь возможность участвовать в социальной жизни общества и не быть социально отвергнутым.

В последние годы социальное воздействие гражданского права на общественные отношения активно осуществляется по направлению правового регулирования деятельности некоммерческих организаций и добровольческих (волонтерских) инициатив.

В России получили правовую регламентацию и государственную поддержку социально ориентированные некоммерческие организации, то есть те организации, которые осуществляют деятельность, направленную на решение социальных проблем; развитие гражданского общества; социальное обслуживание, социальную поддержку и защиту граждан; деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан и др.

Приняты новые нормативные положения, закрепляющие правовые основы добровольческого (волонтерского) движения в России. Так, например, определены понятия и цели добровольческой (волонтерской) деятельности; установлен правовой статус добровольцев (волонтеров), добровольческих (волонтерских) организаций и организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности; сформулированы условия и порядок участия добровольцев (волонтеров) в осуществлении благотворительной деятельности и пр.

Деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций наряду с участием в волонтерской деятельности все большего числа граждан создает в обществе значительный социальный потенциал. Граждане и некоммерческие организации своими активными действиями занимаются решением социальных вопросов, зачастую находящихся в зоне

ответственности государственных и муниципальных структур, и делают это нередко более эффективно. Их участие в решении социальных вопросов может помочь государству обеспечить целостность общества, улучшить условия жизни социально незащищенных граждан, обеспечить гарантии для получения различной социальной помощи.

Новым аспектом социальной функции права, на который необходимо обратить внимание, является необходимость обеспечения доступа граждан к цифровым технологиям. Прежде всего, речь идет о доступе каждого человека к сети интернет посредством компьютеров и иных цифровых устройств.

В настоящее время материальное положение не всех российских граждан позволяет им приобрести компьютер и оплачивать интернет-услуги. Кроме того, немалое число граждан (особенно старшего поколения) не умеют пользоваться цифровыми устройствами, компьютерными программами и не используют цифровые достижения, которые доступны другим людям, что ведет к информационному неравенству.

Как отмечается в Докладе Всемирного банка «Цифровые дивиденды», подготовленного в 2016 году, современное расширение доступа к цифровым технологиям несет многим людям все большие возможности.

За счет усиления социальной интеграции, повышения эффективности и внедрения инноваций такой доступ открывает бедным и обездоленным слоям населения возможности, которых они прежде были лишены. Так, например, в мире насчитывается 1 миллиард человек с ограниченными возможностями — 80 процентов из них проживают в развивающихся странах,— и благодаря текстовой, голосовой и видеосвязи они могут вести более продуктивную жизнь [2].

Цифровые технологии позволяют разным категориям населения получить доступ к новым рабочим местам, допускающим работу из дома, что особенно важно, например, для инвалидов, имеющих физические отклонения, или для женщин, имеющих малолетних детей.

Возможно, уже сейчас следует говорить о доступе к цифровым технологиям, как о неотъемлемой составляющей права на достойную жизнь и свободное развитие человека, и возможно даже о необходимости включения услуги доступа в сеть интернет в прожиточный минимум.

Мир не стоит на месте, и задача социальной функции права обеспечивать соответствие правовой регламентации реальной жизни, отвечать современным социальным запросам, которые ставит перед правом общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. С. Теория права / С. С. Алексеев. — М.: Издательство БЕК, 1995. — 320 с.
2. Доклад о мировом развитии «Цифровые дивиденды». Обзор. — Всемирный банк, Вашингтон, округ Колумбия. — 2016. — 41 с.
3. Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права / О. А. Кузнецова. — М: Статут, 2006. — 269 с.
4. Соловьев В. Н. Основные направления реализации социальной функции гражданского права / В. Н. Соловьев // Гражданское право. — 2012. — № 2. — С. 21–23.
5. Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы / В. Е. Чиркин // Журнал российского права. — 2008. — № 12. — С. 24–37.
6. Чупрова Е. В. Проблема достойного уровня жизни в пенсионном обеспечении граждан / Е. В. Чупрова // Адвокат. — 1999. — № 2 // СПС КонсультантПлюс.

© Ибрагимова Светлана Вахитовна (sv.ibragimova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИНЯТИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И ТАКТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

ACCEPTANCE BY THE INVESTIGATOR OF THE PROCEDURAL AND TACTICAL DECISIONS

A. Milikova

Summary. In the work of the investigator decision-making is an integral part of his professional activities. The article discusses topical issues related to the definition of the concepts of procedural and tactical decision of the investigator. The definition and correlation of the concepts "decision" and "decision-making" are considered.

As the main elements of the solution, the definition of the purpose of action and the establishment of ways to achieve it are investigated. The influence of psychological features on the investigator's decision-making is highlighted. The author analyzes the relationship between the concepts of procedural, tactical, managerial and strategic decisions.

Keywords: investigator, decision, investigative actions, procedural decisions, tactical decisions.

Миликова Анна Владимировна
Старший преподаватель, Волгоградский
государственный университет
Milikova_AV@mail.ru

Аннотация. В работе следователя принятие решений является неотъемлемой частью его профессиональной деятельности. В статье обсуждаются актуальные вопросы, связанные с определением понятий процессуальное и тактическое решение следователя. Рассматриваются определение и соотношение понятий «решение» и «принятие решений».

В качестве основных элементов решения исследуется определение цели действия и установление способов ее достижения. Выделяется влияние психологических особенностей на принятие следователем решений. Автором анализируется соотношение понятий процессуальное, тактическое, управленческое и стратегическое решения.

Ключевые слова: следователь, решение, следственные действия, процессуальные решения, тактические решения.

На сегодняшний день актуальной остается проблема принятия следователями процессуальных и тактических решений. Быстрое и своевременное расследование уголовных дел, эффективность проводимого расследования, оперативный, точный и результативный выбор и проведение следственных действий, и другие вопросы до настоящего времени остаются востребованными для разрешения в современной науке уголовного процесса.

Вся деятельность следователя состоит из совокупности разного рода действий и решений, основанных на уголовно-процессуальном законодательстве и направленных на решение задач и достижение целей уголовного процесса.

Профессиональная деятельность следователя во многом схожа с работой управленца, поэтому важно учитывать положения, разработанные в теории принятия решений. В следственной деятельности также имеются элементы управленческой деятельности, а значит и способы ее выполнения, факторы, оказывающие влияние на нее, применимы в практической области.

Определение и соотношение понятий «решение» и «принятие решений».

Рассмотрение решений, принимаемых следователями, изучение вопросов, касающихся процесса их принятия, вызывает необходимость сформулировать определение понятия «решение» следователя.

В толковом словаре С.И. Ожегова под решением понимается постановление, заключение, вывод, ответ к задаче [10, С. 671]. По мнению Д.Н. Ушакова, решением является какой-либо избранный путь действий после обдумывания или обсуждения, вывод, заключение [11, С. 1355]. Одним из необходимых моментов волевого действия, состоящим в выборе цели действия и способах его выполнения называется решение в Большой Советской Энциклопедии [3, С. 455]. Обобщающим элементом данных определений понятия решения является действие, являющееся заключением или итогом какого-либо предшествующего выбора.

В общей теории принятия решений, с точки зрения формальной логики и математических методов, решение определяется как выбор из множества имеющихся вариантов наиболее предпочтительной альтернативы. В логике и математике термин решение определяется как значение, которое соответствует условиям уравнения и является итогом определенных вычислений. В экономической науке решение рассматривается как процесс,

акт выбора или результат выбора. Выбор из множества наиболее эффективного, оптимального, лучшего варианта и есть выбор из множества, который предполагает принятие решения. Он вполне применим и для сферы уголовного процесса, только лишь с условием, что принимаемые следователями решения не должны противоречить законодательству.

Интересно отметить, что большинство определений вписываются в широкое понимание теории принятия решений. Несмотря на то, что теория принятия решения является частью множества изучающих ее наук, можно выделить нечто общее, содержащееся в приведенных определениях понятия решения и выявить его основные элементы.

В качестве основных элементов решения можно выделить следующие: 1) определение цели действия, 2) установление способов достижения цели. Эти элементы могут относиться к любому виду деятельности. Например, они могут характеризовать управленческое решение или процессуальное и т.п.

Среди приведенных выше определений понятия «решение», представляется верным считать решением выбор цели действия, основанный на сделанных ранее выводах. Под принятием решения можно понимать деятельность по выбору оптимального решения.

Соотношение данных дефиниций на протяжении многих лет остается в юридической науке дискуссионным. «Решение» и «принятие решения» в уголовно-процессуальном кодексе никак не разграничиваются. Тем не менее, следует отграничивать данные термины друг от друга для правильного толкования положений законодательства. Обобщающим для них, как представляется, учитывая содержание ранее проанализированных понятий, является понимание под термином «принятие решения» процесса, состоящего из постановки задачи, разработки решения, выбора из имеющихся альтернатив, а затем контроля наступающих последствий. Термин «решение» является результатом процесса по его принятию. Так, к примеру, по мнению П.Г. Марфицына и В.Ю. Толстолицкого «уголовно-процессуальное познание выступает в качестве необходимой предпосылки усмотрения следователя и одновременно — результатом усмотрения». Вызывает интерес попытка авторов объединить субъективное и объективное начала, представление их в виде неразрывного целого [7, С. 202].

Представляется верным считать, что результатом деятельности по выбору решения может являться процессуальное решение, которое, в свою очередь, может быть отражено в каком-либо процессуальном акте. Если составление соответствующего документа не требуется,

то результат может быть закреплен в процессуальном документе, оформляющем процессуальное действие или закрепляющем его результат.

В некоторых случаях принятому решению требуется отдельное процессуальное оформление, как в случае с вынесением постановления о производстве освидетельствования, после чего протоколом освидетельствования закрепляется результат его проведения. Иногда в наличии отдельного документа нет необходимости — решение о проведении допроса оформляется повесткой, а результатом будет служить протокол. Таким образом, процессуальное решение должно всегда выглядеть в виде процессуального акта, однако, разное их оформление позволяет классифицировать процессуальные решения по признаку процессуального оформления принятого решения.

Принятие процессуального решения включает такие этапы как собирание и оценка информации, которые приводят к выводу о том, имеются ли необходимые признаки и обстоятельства для осуществления выбора.

Для определения этапов процесса принятия решений необходимо сформулировать понятие «принятие решения». В теории принятия решений существуют расширенное и узкое определения. Первое охватывает весь процесс осуществления деятельности, второе определяет принятие решение как выбор одного из возможных вариантов. Представляется, что в теорию принятия решений может быть включена выработка альтернативных вариантов, контроль и анализ результатов, выполнение действия.

П.А. Лупинская писала о том, что «при выборе процессуального решения имеет значение единство законности и целесообразности, правильное определение оценочных понятий в уголовно-процессуальном праве и их применение при формулировании процессуальных решений. Конкретные обстоятельства также влияют на правильный выбор правоприменителя при принятии процессуального решения с учетом правовых гарантий, сформулированных законом». К числу основных правовых свойств процессуальных решений, по мнению П.А. Лупинской, относятся достоверность, законность, обоснованность и мотивированность [9, С. 607].

Определение и соотношение понятий управленческое, процессуальное, тактическое и стратегическое решения.

Среди решений следователя можно выделить процессуальные, тактические и стратегические. Согласно п. 33 статьи 5 УПК РФ процессуальным решением называется решение, принимаемое уполномоченными

на то органами в установленном законом порядке. Получается, что решением называется «решение». В статье 5 УПК РФ «определение», «постановление» и «приговор» также определяются законодателем как решения. Данные правовые акты объединяются общим фактором — все они являются результатом решения или совершенного действия [6, С. 207].

Несомненно, что решения, принимаемые в уголовном судопроизводстве, носят управленческий характер. Говорить о «выработке решения» не представляется целесообразным, отдавая предпочтение термину «принятие решения». По мнению П. В. Фомичева «решение — зафиксированный устно или письменно волевой акт, вывод субъекта управления (руководителя) о необходимости или желательности действия, или бездействия объекта управленческого воздействия (производственная ситуация) для достижения поставленной цели, обеспечения эффективного функционирования данной системы управления» [12, С. 67].

Соотношение понятий процессуальное и управленческое решение остается дискуссионным. Принятие решения является важнейшим моментом в управленческом процессе. Если нет решения, то есть поставленной цели и определения способов ее выполнения, нельзя начать процесс управления.

В. А. Леонтьевский определяет процессуальное решение как «индивидуальный правовой акт, принятый в установленном уголовно-процессуальном законом порядке и в надлежащей форме соответствующим должностным лицом» [5, С. 12]. Но нельзя считать процессуальное решение лишь документом, поскольку правоприменительный акт — это результат принятого процессуального решения.

Р. Ш. Асанов приходит к выводу, что наряду с поручением о производстве отдельных следственных действий одним следователем другому возможна передача права принятия процессуальных решений, что облегчит и упростит деятельность следователей [1, С. 13]. Возможно, в случае необходимости, осуществлять такие функции, но в случае, если они касаются изменения направления хода расследования, следует все же уведомить следователя ведущего расследование по данному уголовному делу.

УПК РФ не дает четкого указания на необходимость оформления следователем всех решений о производстве следственных действий в качестве постановления или иного процессуального документа. Но, представляется, что четкая регламентация таких действий и решений может способствовать дополнительному контролю за качеством проводимого расследования, особенно

в случае, если происходит передача каких-либо полномочий.

Под тактическим решением Р. С. Белкин понимал воздействие на следственную ситуацию путем выбора целей, которые будут оказывать влияние на процесс расследования, на следственную ситуацию или ее элементы [2, С. 537]. Процессуальному решению предшествует тактическое, которое является результатом интеллектуальной деятельности, мысленной моделью предстоящего процессуального решения и действия.

Соотношение понятий тактического и процессуального решения видится неоднозначным. В основе процессуального решения лежит тактическое начало, например, в случае принятия процессуального решения о производстве обыска и др. Ведь уголовный процесс — это процедура, а тактика — это рекомендации по организации расследования. Таким образом, процессуальное решение является продолжением тактического, но это не значит, что одно из них имеет преимущество перед другим. Это лишь означает, что их следует разграничивать друг от друга. Тактическое решение, которое принимается следователем, может влиять как на принятие отдельного процессуального решения, так и на тактику производства следственных действий в целом.

В теории принятия решений выделяются стратегические решения. Данный вид решений независимо от области, в которой их используют, всегда касаются долгосрочных и масштабных целей. Ориентация на будущее и затрагивание внешних факторов являются обязательными условиями, которые влияют на деятельность в целом в зависимости от принимаемого стратегического решения [8, С. 24].

Психологические особенности принятия следователем решений.

Решение следователя о производстве следственного действия не является только лишь процессуальным документом. Внешнее его выражение в виде постановления является результатом мыслительного процесса оценки следственной ситуации, анализа вариантов развития событий, возможных рисков. Субъективная оценка психологической, социальной и управленческой областей знаний выходит за пределы лишь уголовно-процессуальных отношений. Следователь самостоятельно направляет ход расследования, руководствуясь законом и собственным усмотрением, основанном на опыте.

В настоящее время актуальной научно-практической задачей является определение и исследование психологических особенностей принятия следователем решений, в частности, касающихся проведения следствен-

ных действий. Т. Н. Кабанова, Е. М. Шмакова, Л. Н. Саутова провели исследования психологических особенностей принятия решений сотрудниками силовых структур, проводя анализ среди военнослужащих и специалистов в области уголовного судопроизводства, а именно следователей и судей. В результате сравнительного анализа «у юристов выявлены более высокие показатели профессионального стресса. При его выраженности отмечается снижение самооценки и положительного образа собственного Я. По сравнению с группой военнослужащих, у юристов в меньшей степени выражена способность к постановке цели, мотивы их деятельности в меньшей степени ориентированы на достижение реальных результатов» [4, С. 31]. С учетом выявленных результатов, предлагается снижать влияние стрессогенных факторов, повышать стрессоустойчивость и самооценку сотрудников для более продуктивной и качественной работы.

Принятие следователями решений является неотъемлемой частью их профессиональной деятельности. Эффективность их принятия напрямую зависит от их оптимальности и оперативности принятия. Однако, очень часто на работу следователя оказывают влияние различные факторы как объективного, так и субъек-

тивного характера. Различного рода препятствия могут привести к ошибкам в принятии решений. В связи с этим исследование психологических особенностей, влияющих на принятия решений, является актуальной научно-практической задачей.

ВЫВОДЫ

Управленческий характер деятельности и принимаемых решений можно отнести к числу особенностей принятия следователем решений о производстве следственных действий. Процессуальные и тактические решения принимаются следователем в ходе предварительного расследования. Волеизъявление следователя, основанное на законе, на внутреннем убеждении, на тактике и облеченное в соответствующую процессуальную форму является уголовно-процессуальным решением следователя о производстве следственных действий. Психологические особенности заслуживают пристального внимания, поскольку оказывают большое влияние на работу следователя, которую характеризуют высокая степень профессионального стресса, работа в условиях риска, четко ограниченных временных сроков и высокой ответственности за принимаемые решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асанов Р. Ш. Поручение следователя о принятии процессуальных решений и производстве следственных действий // «Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика». Материалы V Международной научно-практической конференции. — 2017. — С. 12–13.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р. С. Белкина. М., 2005. — 990 с.
3. БСЭ. 2-е изд. Т. 36. — Гл. ред. Б. А. Введенский — 1955. — 672 с.
4. Кабанова Т. Н., Саутова Л. Н., Шмакова Е. В. Психологические особенности принятия решений у сотрудников силовых структур // Прикладная юридическая психология. Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань). — № 3 (40). — 2017. — С. 25–32.
5. Леонтьевский В. А. Процессуальные решения об освобождении от уголовной ответственности: понятие, содержание, условия принятия [Текст]: учеб. пособие; ВолГУ. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. — 80 с.
6. Манова Н. С., Фомичев П. В. Решение о производстве следственного действия как процессуальное основание его проведения // Вестник Саратовской государственной юридической академии — 2015. — 2 (103). — С. 206–212.
7. Марфицын П. Г., Толстолуцкий В. Ю. Усмотрение следователя с точки зрения деятельностного подхода // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1 (17). С. 201–203.
8. Молчанов Д. С. Процесс принятия стратегического решения в организации, действующей на российском рынке недвижимости. дисс. на соискание ученой степени канд. экон. наук. — Москва, 2005. — 133 с.
9. Муратова Н. Г. Модель процессуального решения П. А. Лупинской // Lex Russia. 2010. Т. 69. № 3. С. 605–608.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1960. — 900 с.
11. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка — Т. III. — гос. изд-во иностранных и национальных словарей. М., 1939. — 1424 стб.
12. Фомичев П. В. Процедура выработки и принятия решения следователем о производстве следственных действий // Вестник Самарского юридического института. — № 1 (3). — 2011. — С. 67–70.

© Милюкова Анна Владимировна (Milikova_AV@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ON SOME ASPECTS OF LEGISLATIVE
REGULATION THE ORGANIZATION
OF THE OVERHAUL OF THE COMMON
PROPERTY OF APARTMENT BUILDINGS
IN THE RUSSIAN FEDERATION

V. Mishchenko
A. Gudkov
D. Dolotova

Summary. In this article, the authors note the importance of the overhaul of the common property of apartment buildings, analyze various organizational methods of accumulating funds for the implementation of this important task, and make suggestions for improving the legislative regulation of ways to form a capital repair fund.

Keywords. Owner, overhaul, common property of an apartment building, ways of financing capital repairs, regional operator, special account.

Мищенко Вячеслав Иванович

К.ф.н., доцент, ВЮИ ФСИИ России
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Гудков Анатолий Иванович

К.ю.н., доцент, ВЮИ ФСИИ России
gudkovaniv@yandex.ru

Долотова Дарья Валерьевна

К.ю.н., преподаватель, ВЮИ ФСИИ России
d.v.dolotova@mail.ru

Аннотация. В данной статье авторы отмечают важное значение капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов, анализируют различные организационные способы накопления денежных средств для реализации этой важной задачи, высказывают предложения по совершенствованию законодательного регулирования способов формирования фонда капитального ремонта.

Ключевые слова: Собственник, капитальный ремонт, общее имущество многоквартирного дома, способы финансирования капитального ремонта, региональный оператор, специальный счет.

Нередко мы произносим фразу «Мой дом — моя крепость», подчеркивая важное, системообразующее значение жилого помещения в жизни каждого человека. При этом, следует отметить, что в ментальности россиян прослеживается желание иметь жилье в собственности. Но когда речь идет о квартире в многоквартирном доме, собственник должен ясно осознавать, что дом может быть крепостью только в случае надлежащего состояния общего имущества многоквартирного дома.

В разделе II Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ) «Право собственности и другие вещные права на жилое помещение» законодатель в ч. 3 ст. 30 подчеркивает, что собственник жилого помещения в многоквартирном доме должен нести бремя содержания не только квартиры, но и общего имущества собственников помещений в соответствующем многоквартирном доме [1].

Вещные права на жилое помещение, по сути, определяют отношение собственника к жилому помещению как к вещи, которая является предметом гражданского оборота. Однако это очень специфическая и весьма дорогостоящая вещь, бережливое отношение к которой

дает возможность субъектам гражданского права владеть, пользоваться и распоряжаться ею на протяжении всей жизни.

В течение всего советского периода россияне не могли стать собственниками, получив квартиру по договору социального найма. Жилые помещения находились в собственности государства или органов местного самоуправления. И наниматели жилых помещений привлекли к тому, что капитальный ремонт многоквартирных домов — это обязанность муниципалитетов. Однако после вступления в силу Закона РФ от 4 июля 1991 года 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» года ситуация резко изменилась: государственное финансирование строительства жилья и капитального ремонта многоквартирных домов сократилось более чем на 80%. Став собственниками жилых помещений, граждане приобрели обязанность проведения капитального ремонта.

В ст. 158 ЖК РФ законодатель предусматривает, что собственник помещения в многоквартирном доме обязан не только нести расходы на содержание принадлежащих ему комнаты или квартиры, но и участвовать в расходах на содержание общего имущества в много-

квартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество путем внесения платы за содержание и ремонт жилого помещения. Гражданский кодекс РФ (ст. 210) также возлагает на собственника обязанность по содержанию принадлежащего ему имущества [2].

Федеральным законом № 271-ФЗ от 25.12.2012 в ЖК РФ был введен раздел «Организация проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах». Закон определил требования к организации региональных систем капитального ремонта многоквартирных домов, установил обязанность собственников как жилых, так и нежилых помещений в многоквартирных домах уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт. В соответствии с законом, собственники жилья должны выбрать способ формирования фонда капитального ремонта. Предусмотрено два вида финансирования капитального ремонта: первый — накопление денежных средств на счете регионального оператора, второй вид — накопление денег на специальном счете (депозите).

В связи с предоставлением определенной свободы выбора при формировании фонда капитального ремонта, часть собственников многоквартирных домов воспользовались этим правом, открыв специальные счета в банках РФ. Подчеркнем, что речь идет об открытии специального счета юридическим лицом. Однако при этом нельзя забывать, что в соответствии со ст. 176 ЖК РФ специальный счет может быть открыт в российских кредитных организациях, которые должны соответствовать императивным требованиям ЦБ РФ к величине их собственных средств (капитала). В апреле текущего года Постановлением Правительства РФ № 497 от 24.04.2018 г. требования к банкам, в которых размещаются взносы на капитальный ремонт, были ужесточены: размер капитала банка должен быть не менее 250 млрд. рублей (ранее эта сумма составляла 20 млрд. руб.); банк должен обладать кредитным рейтингом не ниже уровня А+ (RU) по национальной рейтинговой шкале Аналитического кредитного рейтингового агентства и (или) кредитным рейтингом не ниже уровня «ruA+» по национальной рейтинговой шкале для Российской Федерации кредитного рейтингового агентства «Эксперт РА». Причем указанные требования применяются, как в отношении «общего котла», так и в отношении специальных счетов [4]. Таким образом, требования к банкам, в которых могут быть открыты спецсчета для накопления средств на проведение капремонта общего имущества многоквартирного дома стали аналогичны требованиям к банкам, в которых размещаются средства федерального бюджета.

Банк России ежеквартально размещает информацию о кредитных организациях, которые соответствуют требованиям, установленным

ч. 2 ст. 176 ЖК РФ, на своем официальном сайте в сети Интернет. С одной стороны, законодатель заботится о сохранности денежных средств граждан. А с другой, учитывая тот факт, что только с начала действия программы капитального ремонта ЦБ РФ отозвал лицензии на осуществление банковской деятельности у 3 банков из первого десятка крупнейших банков РФ, сделать такой выбор кредитной организации без риска оказаться без накоплений на проведение капремонта весьма непросто. Учитывая, что региональные программы капремонта рассчитаны не на одно десятилетие, (например, региональная программа капитального ремонта во Владимирской области — на период с 2014 по 2043 год), полагаем целесообразным в дальнейшем на законодательном уровне рассмотреть вопрос о включении этих накоплений в систему страхования банковских вкладов в соответствии с Федеральным законом «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации». Конечно, можно предвидеть возражения по поводу данного предложения о том, что этот счет открывает юридическое лицо. Однако такой счет имеет свою специфику: это деньги граждан, собираемые на целевые расходы.

Вообще, вопрос о том, каким образом накапливать средства для проведения капитального ремонта многоквартирных домов, как открыть спецсчет, как им управлять, реагируя на часто меняющееся законодательство, далеко непростой, имеющий важное значение. Так, в «Юридическую клинику» при ВЮИ ФСИН России, которая является общественным формированием, обеспечивающим сочетание теоретического и практического обучения курсантов и студентов с оказанием бесплатной юридической помощи гражданам, обратился председатель одного из ТСЖ г. Владимира за консультацией по вопросу правового регулирования использования специального счета, который по решению общего собрания собственников многоквартирного дома был открыт во Владимирском филиале Промсвязьбанка. Дело в том, что Промсвязьбанк — универсальный банк с государственным участием, основанный в 1995 году, входил в десятку крупнейших банков России и в список системно значимых кредитных организаций, утвержденный Центробанком. ТСЖ открыло специальный счет в июне 2014 года. Но 15 декабря 2017 года ЦБ ввел в Промсвязьбанке временную администрацию и объявил о его санации посредством вхождения в капитал через Фонд консолидации банковского сектора (ФКБС) [5]. Учитывая тот факт, что Промсвязьбанк во Владимире работает в обычном режиме, лицензия у него не была отозвана, собственники не торопились закрывать счет и переходить в другой банк. Однако на официальном сайте ЦБ РФ на 01.04.2018 года был размещен перечень банков, в которых собственники многоквартирных домов вправе открывать специальные счета вправе, и Промсвязьбанк в этом списке не значился.

Обратившемуся председателю ТСЖ была дана подробная консультация со ссылкой на ст. 176 ЖК РФ. То есть, в данном конкретном случае председатель ТСЖ должен проинформировать о сложившейся ситуации собственников помещений многоквартирного дома, провести общее собрание, на котором принять решение о закрытии специального счета в Промсвязьбанке и открытии другого счета в одной из кредитных организаций, указанных на официальном сайте ЦБ РФ. В рассматриваемом конкретном случае по состоянию на 01.04.2018 были названы следующие кредитные организации: Газпромбанк (АО), банк ВТБ (ПАО), АО «Альфа-банк», ПАО «Сбербанк» и АО «Россельхозбанк». Обращает на себя внимание, что список банков существенно сократился, изначально в нем числилось около двадцати кредитных организаций.

Что же произойдет, если собственники не выполняют предписание закона? Если собственники не примут решение, либо НКО «Фонд капитального ремонта» (в нашем случае — Фонд капитального ремонта Владимирской области) не получит копию протокола общего собрания в установленный срок, последний самостоятельно определит российскую кредитную организацию, в которой будет открыт специальный счет, о чем собственники будут уведомлены. На практике это означает, что, скорее всего, деньги будут переведены на счет той кредитной организации, в которой открыт счет регионального оператора, то есть, фактически на счет регионального оператора.

Итак, платежи по капремонту являются обязательными, именно собственники должны принимать решение, каким образом они будут финансировать предстоящие работы. Если собственники не проявили свою правосубъектность и не предприняли никаких действий по вопросу формирования фонда капитального ремонта, уплачиваемые ими взносы автоматически попадают на счет регионального оператора. При этом они не имеют возможности каким-либо образом управлять уплаченными взносами. Например, дом поставлен в очередь в соответствии с региональной программой капремонта, работы по его ремонту могут начаться через десятки лет, а деньги владельцев недвижимости будут использоваться на оплату текущих расходов по реализации региональной программы капремонта.

Открытие специального счета в банке для формирования фонда капремонта дает возможность собственникам жилых и нежилых помещений

в многоквартирных домах самостоятельно решать, когда и куда тратить накопленные средства. Вместе с тем, по данным Фонда «Институт экономики города», к 2016 году лишь 9,5% общего числа многоквартирных

домов, включенных в региональные программы, выбрали для себя форму специального счета. Очевидно, это связано с рядом трудностей, с которыми сталкиваются собственники и о которых мы упоминали выше. Кроме того, формирование фонда капремонта на специальном счете связано с дополнительными расходами собственников недвижимости. Это и оплата услуг по выставлению платежных документов, и расходы по обслуживанию счета, предоставлению необходимых сведений, работе с должниками. Сам процесс организации работы — выбора подрядчика, заключения договоров, осуществление технического контроля также требует финансовых затрат. Отметим также, что требования по оформлению протокола собрания, даже если оно и вынесло решение, на наш взгляд, излишне суровые. Допущенные ошибки при оформлении протокола могут привести к тому, что средства принудительно переведут на счет регионального оператора, то есть в «общий котел».

Следует подчеркнуть, что в настоящее время перейти на специальный счет для формирования фонда капитального ремонта в многоквартирном доме стало намного проще. Процедуру упростил Федеральный закон от 29.07.2017 № 257 — ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации». Так, например, если собственники многоквартирного дома решили перейти с общего счета регионального оператора на спецсчет дома, достаточно будет того, чтобы это решение поддержала более чем половина собственников, а не две трети, как это было раньше.

Отметим также, что после внесения изменений в ЖК РФ, позволяющих в определенной мере защитить накопленные на капремонт средства от инфляции, собственники стали активнее открывать специальные счета для накопления средств на проведение капремонта. Речь идет о важной новелле действующего законодательства. Так, в соответствии с Федеральным Законом от 03.07.2016 г. № 355 — ФЗ внесены поправки в Жилищный Кодекс РФ, согласно которым владелец специального счета по решению общего собрания собственников, накапливающих средства на спецсчете, может разместить временно свободные средства на специальном депозите [3]. Представляется, что эта норма права поможет уберечь средства собственников, накапливаемых на специальном счете, от инфляции и получить больший процент от размещения своих средств на специальном депозите. Однако доходы, полученные от размещения на специальном депозите временно свободных средств фонда капремонта дома, могут использоваться только в целях финансирования капремонта дома.

В заключение подчеркнем, что, несмотря на трудности и противоречия, возникающие в ходе правового регулирования организации и проведения капитального

ремонта, эта система сформировалась и работает. С 2014 по 2018 годы в России отремонтировано 135~<000 домов. Общая площадь этого жилья составляет 450 миллионов квадратных метров, на которых проживают более 17 миллионов человек. Собираемость взносов на капремонт составила более 90% [6]. По нашему мнению, в вопросах оплаты взносов на капремонт многоквартирных

домов ключевым стратегическим направлением должен стать переход от «общего котла» к специальному счету и ремонту собственного дома. Только в этом случае может быть в полной мере реализовано право собственника, степень его полной ответственности за организацию и проведение капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жилищный кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 2004 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2005. — № 1, ч. 1, ст. 14.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 23.05.2018) //Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N32, ст. 3301.
3. Федеральный закон от 03.07.2016 N355-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О водоснабжении и водоотведении». СПС Консультант плюс. Дата обращения 06.11.2018
4. Постановление Правительства РФ от 24.04.2018 № 497 «Об установлении требований к российским кредитным организациям, в которых может быть открыт специальный счет, и внесении изменений в Положение о проведении конкурса по отбору российских кредитных организаций для открытия счетов региональным оператором. СПС Консультант плюс. Дата обращения 06.11.2018
5. <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2017/12/>
6. [http:// www.aif.ru/realty/utilities/minstroy](http://www.aif.ru/realty/utilities/minstroy)

© Мищенко Вячеслав Иванович (vyacheslav-mischenko@mail.ru),

Гудков Анатолий Иванович (gudkovaniv@yandex.ru), Долотова Дарья Валерьевна (d.v.dolotova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ¹

ANTI-CORRUPTION EDUCATION IN HIGHER EDUCATION

**E. Popova
E. Gulina**

Summary. the problem of corruption of employees of higher education has become the subject of many studies, the authors of which state a high degree of corruption of the teaching staff. The authors of this publication do not question the results of such research, pay attention to the prevalence of alleged bribery mediation, which is typical for the modern University environment. It is stated that the teaching staff has a very vague idea of the legislation establishing liability for corruption offenses. The directions of anti-corruption education of University staff, students, and other persons related to the field of education are indicated.

Keywords: corruption, higher education system, anti-corruption education, legal education, bribe.

Попова Елена Ильинична

К.ю.н., доцент, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Popovaelena03@yandex.ru

Гулина Елена Витальевна

Аспирант, Бурятский государственный университет

gulinaalyona@mail.ru

Аннотация. Проблема коррумпированности работников системы высшего образования становилась предметом многих исследований, авторы которых констатируют высокую степень коррумпированности профессорско-преподавательского состава. Авторы настоящей публикации, не ставя под сомнение результаты таких изысканий, обращают внимание на распространенность мнимого посредничества во взяточничестве, которое типично для современной вузовской среды. Констатируется, что профессорско-преподавательский состав имеет весьма смутное представление о законодательстве, устанавливающем ответственность за коррупционные правонарушения. Обозначаются направления антикоррупционного просвещения сотрудников вузов, обучающихся, иных, имеющих отношение к сфере образования лиц.

Ключевые слова: коррупция, система высшего образования, антикоррупционное просвещение, правовое просвещение, взятка.

Высшее образование в России на сегодняшний день стало нормой. В силу доступности получения последнего, многие граждане страны имеют не одно, а два и более дипломов об окончании высших учебных заведений. Однако наличие «корочки» не говорит о надлежащем уровне подготовки бывшего выпускника, не всегда дает основания определять его как квалифицированного специалиста в той или иной области. Причинами такого положения вещей называют: несовершенство проводимых в сфере образования реформ, переход на болонскую систему обучения, невысокую квалификацию профессорско-преподавательского состава и др. [11, 7]. В числе прочих, полагаем, одной из существенных причин некоего «упадка» подготовки обучающихся в высших учебных заведениях является и наличие коррупционных отношений в рассматриваемой сфере. На сегодняшний день о коррумпированности профессорско-преподавательского состава не рассуждают зачастую, как говорится «лишь ленивый». В средствах массовой информации то и дело публикуются заметки о подозрении или осуждении преподавателей за взяточничество [9].

Однако, несмотря на распространенное мнение о коррумпированности представителей высшего образования официальная статистика, которая бы могла дать представление о масштабах противоправных деяний коррупционной направленности, на сегодняшний день отсутствует. Тем не менее, ряд авторов представили результаты своих исследований в этой области. Так, по мнению Ю.П. Стребкова, в последние годы наблюдается постоянный рост коррупции в системе образования, так по данным МВД России в 2009 г. было выявлено 1143 факта дачи и получения взятки в сфере образования, что на 91%, чем в 2008 году. Средний размер взятки составил около 20 тысяч рублей, сумма материального ущерба — 155,8 млн. руб., а общая сумма взяток — 22,6 млн. руб. Из 928 человек подозреваемых в коррупции больше половины (495 человек) являлись сотрудниками учреждений среднего образования, 265 — учреждений высшего образования и 33 — учреждений, осуществляющих подготовку юридических кадров. В 2009 г. было выявлено 3177 коррупционных преступлений в сфере образования, из них: служебный подлог — 1343 фактов; получение взятки — 1046; злоупотребления должностными

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ России НШ-4484.2018.6

полномочиями — 332; дача взятки — 97; нецелевое расходование бюджетных средств — 33[20, с. 4].

Как отмечает С.С. Донецкая, со ссылкой на других авторов, в сфере российского образования взятки берут чаще, чем в медицине, налоговых ведомствах, суде и адвокатуре. Ежегодный оборот коррупционных услуг в этой области сопоставим с годовым бюджетом российской системы образования [8, с. 152–159]. По данным ее исследования в Российской Федерации в целом в 20,6% вузах уровень коррупции можно охарактеризовать как катастрофический, в половине вузов (50,5%), как высокий (взятки практикуются довольно часто), и только в 28,8% вузах уровень взяточничества, по мнению указанного автора, можно назвать средним и очень низким [7, с. 71–72].

Оценивая, приводимые данные, следует быть в определенном смысле осторожным. Дело в том, что во многом слухи о коррумпированности профессорско-преподавательского состава являются беспочвенными. Авторы настоящей публикации не понаслышке знакомые с процессом обучения в вузах констатируют наличие следующей типичной ситуации. Студент, который не смог сдать экзамен (получить аттестацию, защитить курсовую и др.) в силу отсутствия надлежащей подготовки в оправдание сложившейся ситуации говорит примерно следующее: «Я отвечал, но меня завалили». Среди причин завала называются — «я не ее (его любимчик)», «препод сегодня не в настроении» и др. При этом зачастую можно услышать, что незадачливый студент утверждает, что с него вымогают взятку («препода надо простимулировать»). К подобного рода заявлениям, объективность которых во многом вызывает сомнения, стоит относиться, мягко говоря, с осторожностью, поскольку зачастую, напомним, объясняются они отсутствием надлежащего ответа (выполнения задания) со стороны обучающегося.

Кроме того, считаем возможным в русле рассматриваемого вопроса упомянуть о «мнимом» посредничестве во взяточничестве. Так, по данным Всероссийской антикоррупционной общественной приемной «Чистые руки» упоминается о неких «решальщиках», «посредниках», которые берутся за определенное вознаграждение помочь добиться того или иного желаемого для «клиента» решения. Однако, как отмечают эксперты, подобного рода «представители» чаще всего являются мошенниками [10]. Несмотря на то, что исследование было направлено на деятельность органов государственной и местной власти в России, полагаем, что сделанные Всероссийской антикоррупционной общественной приемной выводы справедливы и для сферы высшего образования [3]. При этом противоправные действия преступников данной категории приводят к тому, что в сознании миллионов российских граждан закладывается ложное убеждение в коррумпированности соответствующих должностных лиц, в том, что огромные теневые средства

выводятся из законного оборота и передаются в качестве взятки, в основном оседая в карманах опаснейших преступников — мнимых посредников во взяточничестве [18].

Вместе с тем, не берем на себя смелость, да и не считаем возможным, отрицать, что представителями профессорско-преподавательского состава все-таки совершаются преступления коррупционной направленности. Причем зачастую лица их совершающие — не считают либо не осознают, что нарушают закон, заблуждаясь относительно преступности (противоправности)/ неприступности (не противоправности), совершаемых ими деяний. Однако следует отметить, что во многом преступления, рассматриваемой категории совершаются по незнанию соответствующих норм закона либо по легкомыслию. Так, авторы настоящей статьи в течение длительного времени проводят занятия по противодействию коррупции как среди обучающихся, так и среди работников высших учебных заведений, иных категорий граждан. Опыт участия, в такого рода образовательном процессе, дает основания сделать следующие выводы.

Большинство представителей вузовской системы образования имеют не достаточно четкое, а порой и весьма смутное представление о действующем законодательстве в той части, в которой оно определяет коррупционность тех или иных деяний, предусматривает ответственность за их совершение и возможность освобождения от ответственности. Причем речь идет, в том числе и о преподавателях юридических факультетов, например тех, кто читает курсы отечественной и зарубежной истории государства и права, правоведения и т.п.

В ходе проведения обозначенных занятий мы выяснили, что практически единственные преступления, которые большинство сотрудников вузов (67%) и обучающихся (82%) идентифицируют как коррупционные это дача взятки (ст. 290, 291.2 УК РФ) и получение взятки (ст. 291, 291.2 УК РФ). При этом диспозиции названных норм уголовного законодательства достаточно трудны для восприятия абсолютно большинству опрошенных (95%). Необходимо отметить, что нами были опрошены 210 сотрудников и обучающихся вузов Республики Бурятия и Иркутской области¹

О том, что коррупционными являются не только дача и получение взятки, но и другие преступления (злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, служебный подлог и пр.) наверняка знали лишь 17% из числа опрошенных [15, с. 36–39].

93% сотрудников вузов и 97% обучающихся не знали, что законом не определен минимальный размер взятки.

¹ Нами были опрошены 210 сотрудников и обучающихся вузов Республики Бурятия и Иркутской области.

По мнению многих респондентов (89%) не могут носить коррупционный характер действия, ставшие уже традиционными для многих вузов — «накрытие столов» по случаю защиты выпускной квалификационной работы; передача так называемых «презентов», «подарков» кафедре или конкретному преподавателю, в том числе не самому экзаменатору, а например тому, кто помог повлиять на положительную оценку знаний студента. Однако большинство респондентов понимает, что передача студентом или иным заинтересованным лицом денежных средств преподавателю является не законной. Респонденты, в том числе и интуитивно указали, что такие действия должны быть квалифицированы как взяточничество. Вместе с тем немногие знают, что передача денежных средств в сумме до 3000 рублей должностному лицу за выполнение желаемых для дающего действий может подпадать под признаки преступлений (ст. 290, 291, 291.2 УК РФ).

Таким образом, можно утверждать, что имеется острая необходимость в разъяснении сотрудникам высших учебных заведений, обучающимся и в целом широким слоям населения (в первую очередь из числа родителей, родственников студентов, иных заинтересованных в получении образования лиц) содержания норм права, устанавливающих ответственность за совершение коррупционных преступлений.

Представляется, что законодатель, осознавая сложившуюся ситуацию, в числе основных принципов противодействия коррупции называет приоритетное применение мер по ее предупреждению (п. 6 ч. 1 ст. 3 Федерального закона № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции») [13]. Дальнейшее свое развитие и конкретизацию обозначенное направление нашло в ряде актов нормативного характера. В этой связи следует упомянуть и о Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2016 годы [12], в котором Министерству образования и науки Российской Федерации совместно с Министерством внутренних дел Российской Федерации и Следственным комитетом Российской Федерации было предложено обеспечить проведение в 2014 году в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования комплекса просветительских и воспитательных мер по разъяснению ответственности за взяточничество и посредничество во взяточничестве (п. 17 «б»). Работа по проведению комплекса указанных просветительских и воспитательных мер образовательных организациях высшего образования выполнена, представлен соответствующий Отчет о реализации подпункта «б» пункта 17 Национального плана противодействия коррупции на 2014–2016 годы [14]. Однако вынуждены констатировать, что до сих пор нельзя однозначно утверждать, что работники и обучающиеся вузов имеют четкое представление о том какие действия (бездействия) определяются действующим законодательством как коррупционные.

Указанное, естественно, не способствует предупреждению совершения преступлений рассматриваемой категории в сфере высшего образования.

С учетом изложенного, считаем наиболее эффективным системный подход к антикоррупционному просвещению обозначенной категории, который, как минимум, должен включать комплекс следующих мероприятий:

1. Проведение занятий (тренингов, вебинаров) в рамках курсов повышения квалификации педагогических работников [15, с. 36–39];
2. Введение обязательного курса по антикоррупционному просвещению студентов и магистрантов высших учебных заведений вне зависимости от специализации и формы обучения;
3. Создание и широкое распространение (внедрение) просветительских материалов. Именно поэтому, например, профессор Ю.П. Гармаев совместно со своими учениками (в числе которых и авторы настоящей статьи) не только актуализирует необходимость правового просвещения населения, но и предлагает практические рекомендации в этом направлении. Такие конкретные научно-обоснованные рекомендации, оформлены в виде «Кратких руководств ...» и «Памяток ...» (буклетов, брошюр) разрабатываются и предлагаются как с учетом специфики деятельности тех или иных категорий граждан, так и для широких слоев населения [2, 3, 4, 5, 6, 16, 19].

Внедрение подобного рода Памяток и Руководств получило множество откликов, в которых в числе основных положительных сторон этих изданий отмечается отсутствие излишней теоретизированности и доступность восприятия текста, обоснованность его содержания нормами действующего законодательства и правоприменительной практики и пр.

Полагаем, такого рода просветительские материалы целесообразно внедрять:

- ♦ в печатной форме, например путем непосредственной раздачи обучающимся в рамках проведения соответствующих занятий; распространения буклетов (брошюр) в свободном доступе в холлах, буфетах, иных местах общего пользования студентов и сотрудников вузов и т.п.;
- ♦ в электронной форме, например, в виде мобильных приложений.
- ♦ в формате видеороликов, социальной рекламы, транслирующихся в университетах.

4. организации и проведения ежегодных научных мероприятий (форумов, конференций, круглых столов) по проблемам антикоррупционного просвещения в каждом вузе. Участниками таких мероприятий, пола-

гаем должны обязательно быть не только сотрудники вузов, но и обучающиеся, а также, по возможности их родители, иные законные представители.

5. организация и проведение различного рода мероприятий непосредственно для обучающихся. Например, конкурсов студенческих работ по тематике антикоррупционного просвещения.

Основной целью обозначенных мероприятий должно быть донесение информации о том, какие действия могут подпадать под признаки коррупционных правонарушений,

в том числе преступлений, какая ответственность предусмотрена за совершение таких деяний, как не допустить вовлечение себя в их совершение, куда обращаться при возникновении ситуаций, связанных с коррупционными рисками.

Нами обозначены лишь некоторые направления антикоррупционного просвещения сотрудников вузов, обучающихся, иных, имеющих отношение к сфере образования лиц, однако полагаем, они, безусловно, должны учитываться при реализации соответствующих мер по предупреждению коррупции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вагнер М.-Н.Л. Болонский процесс — за и против, дискуссия продолжается // Вестник РУДН. История России. 2009. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolonskiy-protsess-za-i-protiv-diskussiya-prodolzhaetsya> (дата обращения: 12.10.2018).
2. Гармаев Ю. П. Мультимедийные межотраслевые средства предупреждения преступности: перспективы разработки и внедрения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 78.
3. Гармаев Ю. П. Предупреждение коррупции в вузе и защита от незаконного обвинения в коррупционном преступлении (для занятий с профессорско-преподавательским составом): практ. пособие. Улан-Удэ, 2014.
4. Гармаев Ю.П., Попова Е. И. Памятка подозреваемому, обвиняемому об особенностях рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ и советы по ее практическому применению // Российский следователь. 2013. № 24. С. 10–13;
5. Гармаев Ю.П., Фалилеев В. А. Предупреждение коррупции и реализация мер антикоррупционного просвещения органами прокуратуры РФ и органами Следственного комитета РФ: учебно-методическое пособие. Новосибирск, 2015.
6. Гармаев. Ю. П. Антикоррупционная памятка. [Мобильное приложение]. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?> . . .
7. Донецкая С. С. Состояние и структура коррупции в российских вузах (Анализ мнений студентов) // Высшее образование в России. 2015. № 8–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-struktura-korruptsii-v-rossijskih-vuzah-analiz-mneniy-studentov> (дата обращения: 12.10.2018).
8. Коньшев В.Н., Сергунин А. А. Система индикаторов вузовской коррупции (гипотеза) // Высшее образование в России. 2011. № 10. С. 152–159.
9. Коррупцированные вузы и как с этим бороться [Электронный ресурс]. URL: <http://pozhalovatsja.ru/articles/korruptcija-vuz-prepodavatel> (дата обращения: 12.10.2018)
10. Коррупция в России: независимый годовой доклад Всероссийской антикоррупционной общественной приемной «Чистые руки». 14 января 2013–31 августа 2014. М., 2014 // Официальный сайт Ассоциации адвокатов России за права человека. URL: <http://www.rusadvocat.com/node/954>
11. Можно ли победить коррупцию в высшем образовании? URL: <https://newtonew.com/opinion/corruption-education> (дата обращения: 12.10.2018)
12. Национальный план противодействия коррупции на 2014–2016 годы: Утвержден Указом Президента РФ от 11 апреля 2014 г. N226 (в ред. от 15.07.2015) URL: <http://www.consultant-plus.ru> (дата обращения 15.11.2015).
13. О противодействии коррупции: Федеральный закон № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. (ред. от 28.11.2015) // СПС КонсультантПлюс.
14. Отчет Минобрнауки России о реализации подпункта «б» пункта 17 Национального плана противодействия коррупции на 2014–2016 годы // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: (дата обращения: 15.11.2015).
15. Попова Е.И. О некоторых особенностях проведения занятий по предупреждению коррупции среди широких слоев населения // Юридическое образование и наука. 2016. № 2. С. 36–39.
16. Попова Е. И. Памятка потерпевшему об особенностях рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ // Администратор суда. 2014. № 2. — 3–7.
17. Сенашенко В.С. О реформировании отечественной системы высшего образования: некоторые итоги // Высшее образование в России. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-reformirovanii-otechestvennoy-sistemy-vysshego-obrazovaniya-nekotorye-itogi> (дата обращения 12.10.2018).
18. Степаненко Р.А. Особенности методики расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве: дисс. . . канд. юрид. наук: 12.00.12. Улан-Удэ, 2015.
19. Степаненко Р.А., Гармаев Ю. П. Противодействие коррупционным преступлениям, связным с мнимым посредничеством во взяточничестве: памятка для следователей Следственного комитета Российской Федерации и работников других правоохранительных органов / отв. ред. Ю. П. Гармаев. — Новосибирск, 2015.
20. Стребков Ю. П. Коррупционные преступления в сфере образования: автореф. дисс. . . канд. социолог. наук. Москва, 2012.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ХАРАКТЕР ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

NEW TENDENCIES OF LAW-APPLICATION AND THEIR INFLUENCE ON THE NATURE OF THE LEGAL IMPACT

O. Puchkov
V. Puchkov

Summary. The article is devoted to the phenomenon of legal influence. The impact of legal impact on law-application is considered. The special tendencies of law enforcement, due to the nature of the legal impact, are justified. The features of the idea of law as a means of legal influence are investigated.

Keywords: legal impact, law-application, idea of law, theory of law, realization of law

Теория государства и права как фундаментальная юридическая наука для реализации своего прогностического потенциала должна обращаться к практике. Научное познание права, оторванное от данные актуальной политико-правовой действительности, в этом смысле в существенной степени лишается смысла. В этой связи теоретическое осмысление ключевых категорий современной теории права (и в первую очередь — категории правового воздействия) видится невозможным вне прикладных контекстов юридической деятельности. По этой причине, по нашему мнению, существо правового воздействия как юридического феномена следует рассматривать в неразрывной связи с правоприменением, его актуальными тенденциями и закономерностями.

Обращение к категории «правоприменение» безусловно требует ее теоретической концептуализации. В этом смысле представляется значимой теоретико-методологическая рефлексия научных подходов к содержанию правоприменения как правовой категории. Так, советское правоведение, базирующееся на гносеологических установках юридического позитивизма, в аспекте общетеоретического понимания правоприменения характеризовалось его трактовкой в качестве одного из видов государственной деятельности; соответственно, роль правоприменителя отводилась системе властных субъектов, уполномоченных рассматривать и разрешать юридические дела (в первую очередь — суду и органам административной юстиции) [1, 230]. Правотворчество, правоприменение и право в целом объ-

Пучков Олег Александрович
*Д.ю.н., профессор, Уральский государственный
юридический университет*
roa@ru66.ru

Пучков Владислав Олегович
*Уральский государственный юридический
университет*
pravoprocess@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена феномену правового воздействия. Рассматривается влияние правового воздействия на правоприменение. Обосновываются особые тенденции правоприменения, обусловленные характером правового воздействия. Исследуются особенности идеи права как средства правового воздействия.

Ключевые слова: правовое воздействие, правоприменение, идея права, теория права, реализация права.

единял государственный концепт. Государство, таким образом, объективно «возвышалось» над правом в социокультурной плоскости, поскольку определяло не только его содержание, но и реализацию, в том числе посредством правоприменительной деятельности. Современная концепция правопонимания, широкий подход к социальному феномену правоприменения требует, в свою очередь, его теоретического переосмысления.

Отметим в связи с изложенным, что некоторые из современных определений правоприменения содержат герменевтический круг. Так, Е. Е. Тонков, В. И. Коваленко и Л. А. Пожарова указывают, что «правоприменение... целесообразно понимать как универсальный способ применения права (выделено нами — *Авт.*)» [2, 146]. В определении, данном названными авторами, видовое понятие правоприменения определяется через родовое — «применение права». С одной стороны, диалектика части и целого в философской герменевтике исходит из того, что «отдельное может быть понято только из целого» [3, 71]. Но, с другой стороны, герменевтическая методология в юриспруденции характеризуется определенной спецификой, которую продуцирует метафизика права, отсутствие денотатов у права как научной категории. В этом смысле содержание логического понятия «правоприменение» авторами не раскрывается, так как определяется через другое понятие, семантически смежное. Кроме того, сложно согласиться с мнением авторов о том, что *применение права* выступает в качестве родовой категории по отношению к правоприменению, поскольку в качестве таковой в отечественной

теоретико-правовой науке традиционно понимается *реализация права* [4, 55–56]; в свою очередь термины «правоприменение» и «применение права» в теории государства и права выступают в качестве логико-содержательных синонимов, обозначающих одно и то же правовое понятие [5, 98].

Каковы же содержательные характеристики правоприменения? Представляется, что понимание права как онтологии, как более широкого явления, чем система юридических норм, воплощенных в актах уполномоченных государственно-властных субъектов, обуславливает необходимость широкого подхода к правоприменению. В предыдущем параграфе настоящего диссертационного исследования нами была предпринята попытка обосновать социальное содержание права через его идею, которая, в свою очередь, объективирована в правотворческих актах; поскольку носителями идеи права являются все его субъекты, то и их действия, соответственно, могут носить правотворческий характер. Полагаем, что такой методологический подход допустимо применять и в отношении категории «правоприменение». Применение права в этой связи видится несводимым исключительно к властной деятельности компетентных органов. Социальный смысл правоприменения состоит в воплощении права в социальной практике, в «оживлении» его содержания (в первую очередь — нормативного), которое вне социальной практики становится сугубо декларативным и нерелевантным общественно-экономической системе. В этой связи трудно не согласиться с мнением классика немецкого правоведения Р. Иеринга, который отмечал: «Что не реализуется, не есть право и наоборот, то, что отправляет функции, есть право, хотя бы оно и не было признано таковым» [6, 47]. Реализуемость, таким образом, выступает одновременно и в качестве функции права, и в качестве его неотъемлемого свойства. Сферой реализации права, как верно отмечает М. Ф. Маликов, выступают общественные отношения [7, 285]. Из этого логически следует, что субъектами реализации права выступают все лица, обладающие правосубъектностью. В данном аспекте мы сталкиваемся с проблемой диалектики правоприменения и реализации права как диалектики части и целого. Средневековый теолог И. Дунс Скот, рассматривая данную проблему в эпистемологической плоскости, подчеркивал, что первично свойственное целому не может быть первично свойственно части; целое определяет свойства части, задавая ей определенную функцию [8, 241].

Таким образом, налицо философско-теоретический парадокс: «правоприменение» как часть — это способ «реализации права» как целого; но в то же время реализуемость выступает в качестве свойства права, его сущностной онтологической характеристики. Тем самым содержание части фактически определяется через

свойство целого, что логически недопустимо. Как мы уже подчеркивали выше, в советском правопонимании такой подход был вполне обоснован методологически: право определялось как продукт государственной деятельности; только государство в лице его органов было способно и создавать право, и применять его. Но в условиях многоаспектности правопонимания, разнообразия субъектов правотворческой деятельности и отсутствия у государства «монополии» на идею права в рамках данного подхода проявляется указанный выше логико-методологический дефект.

Представляется, что одним из способов его устранения является обращение к категории «правовое воздействие». Будучи воплощением права во всем многообразии его форм (нормативно-правовых актах, юридически значимых событиях и действиях), правовое воздействие опосредует и правотворческую, и правоприменительную деятельность. Реализация права в таком понимании — это его содержательная характеристика, присущая и правотворчеству, и правоприменению как формам правового воздействия. В связи с этим, по нашему мнению, правовое воздействие как целое опосредует содержательные свойства правотворчества и правоприменения как его частей, в том числе и реализуемость права.

Таким образом, правоприменение — это одна из форм правового воздействия наряду с правотворчеством, ключевым свойством которого является направленность на реализацию идеи права. Однако, в чем же состоит специфика правоприменения как формы правового воздействия? Для ответа на этот вопрос обратимся к грамматическому толкованию. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова указывается следующее значение слова «применить»: «Дать употребление чему-нибудь, осуществить на деле каким-нибудь образом, приложить» [9, 731]. В данном аспекте применить право — значит объективировать его в юридически значимом поведении. Полагаем, что здесь уместно привести мнение Ю. А. Тихомирова, который для характеристики правоприменения вводит категорию «цикл права» как его движение от идеи к практике [10, 27]. Цикл правоприменения охарактеризован исследователем как «фаза обратной связи — от общества к правосознанию» [10, 28].

В этот цикл, по мнению автора, включаются такие компоненты как «динамика интеллектуального потенциала права», «динамика правового поведения всех субъектов..., их реальные статусы и правовые и неправовые роли», «последовательное осуществление норм законов и актов высокой юридической силы», динамика социальных институтов, ресурсное обеспечение общества, а также правовой мониторинг [10, 28]. Названный

ученый, отстаивая широкий подход к пониманию правоприменения, отмечает, в связи с этим, что к числу субъектов правоприменения относятся также частные лица — граждане и организации, применяющие право путем соблюдения юридических запретов, осуществления субъективных прав и исполнения правовых обязанностей [10, 30].

В приведенном выше подходе Ю.А. Тихомирова усматривается безусловно верным продуцирование широким подходом к праву — широкого подхода к правоприменению. Соответственно, право как категория, содержательно «выходя за рамки» системы нормативно-правовых актов и содержащихся в них юридических норм, тем самым наполняет новым содержанием категорию «правоприменение». Любой субъект права как носитель его идеи воплощает ее в своих юридически значимых действиях. *Prima facie* такая логическая цепочка может привести к выводу о том, что правоприменение — это, как указывает Ю.А. Тихомиров, любое правовое поведение. Однако правоприменение как деятельность характеризуется наличием специфической формы объективации — правоприменительного акта, юридического документа, регламентирующего отношения сторон [11, 114]. В этом смысле правоприменение — это не всякое правовое поведение, но такое, которое направлено на разрешение юридического дела путем применения права, которое не ограничивается лишь совокупностью юридических норм, воплощенных в нормативно-правовых актах.

Из вышеизложенного можно вывести следующие признаки правоприменителя как центрального субъекта правоприменительной деятельности:

а) Правоприменитель — носитель идеи права; к числу их, как мы уже неоднократно подчеркивали, относятся не только государственно-властные субъекты (административные органы и суды), но и частные лица.

б) Правоприменитель обладает свойствами компетенции и компетентности. Компетенция в данном аспекте понимается как наличие у него возможности разрешать конкретные юридические дела, применять право к тем или иным жизненным обстоятельствам и влиять таким образом на правовое поведение (т.е. осуществлять правовое воздействие на социальные отношения). Компетентность выражается в наличии у правоприменителя специальных знаний, необходимых для разрешения дела.

в) Правоприменителю принадлежат особые полномочия, позволяющие ему оказывать влияние на правовое поведение субъектов. При этом факт наличия таких полномочий не свидетельствует об исключительно

властно-публичном характере правоприменительной деятельности, поскольку частные субъекты, издавая индивидуальные акты правоприменения, также могут осуществлять правовое воздействие. Из этого следует, что признаками правоприменителя обладает, к примеру, руководитель организации — работодателя, издающий приказ о приеме гражданина на работу. С одной стороны, организация — работодатель не обладает государственно-властными полномочиями и не выступает субъектом административного регулирования. Однако приказ о приеме на работу объективирует правовое воздействие: у организации и гражданина — работника с момента издания такого акта возникает система взаимообусловленных прав, обязанностей и ответственности в плоскости трудового права. Тем самым соответствующий юридический документ, по справедливому мнению М.А. Жильцова, приобретает характер правоприменительного акта, а сам работодатель в лице руководителя организации при этом становится субъектом правоприменительной деятельности [12, 136].

Таким образом, к числу субъектов правоприменительной деятельности следует относить всех субъектов, уполномоченных издавать акты применения права как формы объективации правового воздействия. Помимо судов и органов административной юстиции к ним следует относить: международные судебные учреждения, третейские суды (арбитражи), комиссии по трудовым спорам и иные юрисдикционные органы, частные организации, органы и служащие которых в пределах своей компетенции издают правоприменительные акты (приказы, распоряжения), собрания, уполномоченные на принятие юридически значимых решений. Деятельность этих субъектов, направленная на воплощение идеи права в форме правовых актов и на объективацию правового воздействия, составляет содержание правоприменения.

Идея права в правоприменительной деятельности выступает в качестве аксиологической парадигмы, социокультурный концепт которой составляют нравственные ценности, исторически сложившийся общественный порядок и обычаи, правосознание и основные принципы построения государства и функционирования общества. Без идеи права правоприменение, по справедливому утверждению А.Г. Карапетова, превращается в «механический и рутинный процесс подставления фактов в шаблон заранее установленных законодателем норм и автоматического выведения решений» [13, 127]. Идея права несводима к позитивному праву. Она характеризует право как триединую сферу, в которой находят разумный баланс интересы человека, общества и государства. В отличие от идеи права, от права вообще позитивное право может носить по своему содержанию неправовой характер, в случае противоречия его нормоустановле-

ний актуальным социокультурным ценностям. Именно идея права, а не соответствие правоприменительного акта требованиям формального закона *per se*, составляет сущность принципа справедливости в правоприменительной практике. Показательным в данном аспекте является содержание преамбулы Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. N1761-I «О реабилитации жертв политических репрессий», в которой отмечается: «Осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права (выделено нами — Авт.)..., Федеральное Собрание Российской Федерации выражает глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким, заявляет о неуклонном стремлении добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека» [14].

В этой связи одной из актуальных тенденций правоприменения становится его «выход за рамки» официального, позитивного права, обращение субъектов правоприменительной деятельности к общечеловеческим, нравственным и философским категориям для вынесения юридического решения. Эта тенденция в той или иной степени начинает проследиваться в правоприменительной практике Европы после Второй Мировой войны, с возрождением концепций юснатурализма и международным признанием системы прав человека. В данном аспекте представляет безусловный интерес пример, который приводит американский юрист L. Fuller в своем монографическом исследовании «Позитивизм и верность праву».

В 1944 г. один германский солдат был отправлен на короткое время в отпуск. В этот период в разговорах со своей женой он неоднократно высказывался о лидере германских нацистов А. Гитлере в крайне негативном ключе, в частности, сожалел о том, что тот не был убит во время покушения 20 июля 1944 г. Впоследствии жена солдата написала в местное отделение НСДАП заявление о совершении им государственного преступления, подчеркнув в его тексте: «Человек, сказавший такое, не достоин жизни». В результате солдат был судим военным трибуналом и приговорен к смертной казни, однако впоследствии назначенное наказание было заменено на пребывание в дисциплинарной воинской части.

В 1949 г. жена приговоренного была судима в Федеративной Республике Германия за соучастие в незаконном лишении его свободы. На суде она заявила, что на момент совершения ею вмененного преступления она находилась под юрисдикцией нацистских законов, которые и следует применять к ее делу на основании общих норм о действии закона во времени и пространстве. Таким образом, в соответствии с законодательством нацистской Германии в ее действиях отсутствовал

состав преступления. Суд первой инстанции согласился с ее доводами и прекратил дело за отсутствием состава преступления. Представители обвинения обжаловали приговор в апелляционном порядке. Пересматривая обжалуемый приговор, апелляционный суд признал подсудимую виновной, отметив: «Законы нацистов действительно подлежат применению к данному делу. Однако они *не могут быть применены, потому как противоречат здравой совести и чувству справедливости любого порядочного человека* (выделено нами — Авт.)» [15, 630–672].

Приведенный пример наглядно иллюстрирует, что идея права не сводится к позитивному праву, и, обнаружив противоречие между формальным правом и его идеей, суд отдал предпочтение именно ей. При этом, как отмечает С.В. Моисеев, «аналогичные случаи нередко возникали в те годы, когда в западногерманских судах рассматривались дела доносчиков и военных преступников. Обвиняемые часто утверждали, что они невиновны, так как поступали в соответствии с законами того времени. Но суды заявляли, что те законы недействительны, так как противоречат фундаментальным принципам морали или правам человека. В постановлениях некоторых судов говорилось, что законы нацистской Германии противоречат высшему закону и потому не являются законами» [16,9]. Таким образом, идея права уже сама по себе способна оказывать правовое воздействие, и в первую очередь на самого правоприменителя, побуждая его отказываться от мотивировки решения путем обращения к позитивному праву. Правовое воздействие в этом случае приобретает *опосредованный характер*, поскольку не объективируется в нормах позитивного права, а проистекает из аксиологического концепта идеи права, присущего правоприменителю как носителю нравственных и социальных принципов. О главенствующей роли идеи права в правоприменительном процессе рассуждает Д. Ллойд, также рассматривая данную проблему в аспекте уголовных производств в судах послевоенной Германии над лицами, действия которых, признаваемые правомерными по нацистским законам (безусловно подлежащими применению темпорально), признавались преступными с общечеловеческих позиций [17, 89–90]. Особый интерес в связи с этим представляют воззрения данного автора на идею права. «В XIX веке, когда естественное право сдало свои позиции, его место прочно заняли незыблемая вера в моральный и материальный прогресс и твердое убеждение в постоянном приумножении и постепенном распространении благ цивилизации на все человечество в целом,— подчеркивает исследователь.— Поэтому, независимо от того, основаны существующие законы на естественном праве или нет, можно считать, что, пока они действуют на практике, эти законы направлены на достижение высших целей человечества в социальном контексте» [17, 90].

Таким образом, идея права как его смысловое и содержательное ядро, не статична по своей природе. Она опосредуется многими факторами: экономической системой, политическими отношениями, развитием международных связей и т.д. Но центральное место среди них занимают именно ценностные ориентировки общественного сознания. Социальная аксиология, исторически сложившиеся общественные практики и признаваемая обществом концепция морали оказывают основное воздействие на динамику идеи права. Однако при этом, следуя терминологии И. Лакатоса, важно подчеркнуть, что «твердым ядром» этой идеи выступают ценности, присущие каждому человеку независимо от социально-экономической и политической организации общества и от его принадлежности к какой-либо социальной группе. Те же ценности и идеи, которые носят сами по себе динамический характер и приходят на смену друг другу с течением исторического времени и развитием государственно-общественных институтов, составляют ее «защитный пояс». Коренные социальные перемены, вызванные революционными событиями или иными политическими потрясениями (например, распадом государства), приносят в общественную жизнь ту аксиологическую парадигму, которой следуют идеологи и конструкторы этих перемен. Эти перемены ярче все отражаются в плоскости позитивного права. Здесь вновь уместным является обращение к опыту Германии. Государство, в котором сформировалась пандектистика и концепция исторического подхода к праву, в котором было разработано Гражданское уложение, закрепившее идеи неприкосновенности статуса человека в экономических отношениях, практически одновременно превратилось в машину подавления личности, попирающую сущностные основы общественного устройства. То право, которое установили нацисты, не было правом, поскольку *идеи нацистского законодательства* ни в коей мере не соответствовали *идее права*.

Следует подчеркнуть, что идея права определяет его онтологию. Она воплощает в себе ценности, *имманентно присущие* человеку, обществу и государству. Именно эти ценности формируют фундамент правового воздействия и образуют его динамическое начало. Идея права по своей природе рефлексивна и присуща каждому человеку. Поступая в соответствии с ней, он тем самым объективирует правовое воздействие. Идея права, присущая законодателю, воплощается в принятых законах; присущая судье — в его постановлениях. Однако в процессе динамики идеи права, выраженной в системе правового воздействия, она неизбежно реконструируется в индивидуальном и коллективном сознании, приобретает ряд элементов, присущих индивидуальному правосознанию. Задача правового воздействия видится в этой связи в реализации идеи права *per se*, в максимально возможной минимизации субъективного влияния на нее

со стороны субъектов права. Поэтому ни *право*, ни его *идея* не могут быть содержательно идентичны *позитивному праву*, которое, как достоверно усматривается из приведенного выше примера, может им противоречить. В этой связи, в частности, видится необоснованным подход Д. В. Осинцева к *праву* как к «принимаемым социумом способам вторжения в устоявшуюся социокультурную ситуацию и придания ей некоей консервативной традиции после изменения естественного хода дел и замены его на нормативный порядок управления» [18,4]. Автор тем самым фактически подчеркивает деструктивный характер права по отношению к регулируемым им отношениям; об этом свидетельствует использование им таких оборотов как «вторжение в устоявшуюся социокультурную ситуацию», «изменение естественного хода дел». Такой характер может быть присущ только неправовым законам, т.е. тем, которые не соответствуют праву именно как «устоявшейся социокультурной ситуации», как аксиологической парадигме. Однако далее к числу источников права Д. В. Осинцев относит «общественное мнение, духовно-нравственные устои» [18, 5]. Следуя логике автора, можно прийти к парадоксальному выводу о том, что общество само заинтересовано в том, чтобы в «естественный ход» его дел совершилось вторжение. Интерпретируя таким образом идею права, Д. В. Осинцев тем самым отводит праву и обществу роль надсмотрщика и заключенного соответственно. Об этом свидетельствует, в частности, авторское понимание *правового* как «того, что основано на замещении естественным образом созданных норм» [18, 5].

Исследователь, вводя такой логико-методологический операнд как «правовое воздействие», тем самым фактически сводит его содержание к позитивному праву и к одному из типов влияния права на социум. Однако далее Д. В. Осинцев обращается к категории «правовое регулирование», под которым он понимает «управление... правовыми инструментами... в различных отраслях деятельности» [18,5]. Неясно, зачем автор выделяет правовое регулирование и правовое воздействие в качестве различных по своему содержанию типов влияния права на социум, если их содержание в авторской концепции является идентичным. Представляется, что правовое воздействие — это свойство права как *онтологии*, одной из множества форм объективации которой выступает позитивное право. По этой причине правовое регулирование логичнее понимать в качестве одного из способов правового воздействия.

Таким образом, идея права выступает в качестве исходного пункта правового воздействия; будучи присущей каждому субъекту права, она реализуется в его юридически значимых действиях, в продуцируемом этим субъектом правовом воздействии, одной из форм которого выступает правоприменение. В этой связи но-

вой тенденцией правоприменения выступает отход правоприменителя от позитивистских позиций в понимании, обращении его к фундаментальным ценностям и нравственным идеям при разрешении юридических дел. Такая тенденция оформилась в правоприменительной практике после Второй Мировой войны, хотя предпосылки ее усматривались и в более ранние периоды мировой истории. Так, в известном деле *Mayor of Bradford v. Pickles* [19], рассмотренном Апелляционным Судом Англии и Уэльса в 1895 г., была сформулирована доктрина нарушения прав человека, в силу которой осуществление законного права может быть признано неправомерным, если оно используется в недостойных целях.

Социальные ценности, лежащие в основе идеи права, находят свое отражение не только в юридическом мышлении, но и в содержании позитивного права. Так, согласно ч. 2 ст. 6 Закона Республики Польша от 2 июля 2004 г. «О свободе хозяйственной деятельности» [20] (*Ustawa z dnia 2 lipca 2004 r. o swobodzie dzialalności gospodarczej*) органы исполнительной власти не вправе принимать подзаконные акты, противоречащие сложившимся традициям и условиям предпринимательской деятельности. В ч. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Швейцарской Конфедерации [21] (*Schweizerisches Zivilgesetzbuch*) определено, что судья, обнаружив наличие пробела в праве при разрешении гражданского дела, может «разрешить дело по таким правилам, какие он установил бы сам, будучи законодателем».

Верховный Суд Швейцарии, разъясняя смысл данного положения в постановлении от 12 июля 1961 г. по делу *i.S. X. gegen Basel-Landschaft, Kanton und Verwaltungsgericht* [22], указал, что, применяя его, судья должен исходить в первую очередь из соображений позитивного социально-экономического эффекта, который будет достигнут вынесенным решением, а также из ценностей и идей, обеспечивающих эффективный диалог между человеком, обществом и государством. Подчеркнем в связи с изложенным, что Конституционный Суд России не раз обращался в своих решениях именно к идее права. Так, в постановлении Конституционного Суда от 31 марта 2015 г. №6-П [23] отмечается: «Требование определенности правового регулирования, обязывающее законодателя формулировать правовые предписания с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину (объединению граждан) образовывать с ними свое поведение — как запрещенное, так и дозволенное, не исключает использование оценочных или *общепринятых понятий* (выделено нами — *Авт.*), значение которых должно быть доступно для восприятия и уяснения». Тем самым высший орган конституционной юстиции фактически указал, что в основе права лежат общепринятые понятия как форма объективации общечеловеческой идеи права. Обраще-

ние правоприменителя к идее права не означает, таким образом, безусловного нивелирования позитивно-правовых установок; однако при этом новым содержанием наполняется характер правового воздействия, осуществляемого субъектом правоприменительной деятельности на участников дела. Это содержание, напрямую выводимое правоприменителем из самой идеи права и лишь опосредованно подкрепленное нормами позитивного права, придает правовому воздействию особый, *метанормативный* характер.

Такой характер правового воздействия ярче всего усматривается из правовой позиции, выраженной Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлении от 24 апреля 2012 г. № 16404/11 [24]. Обстоятельства дела заключались в следующем. Российская фирма обратилась в арбитражный суд с иском к двум акционерным коммерческим банкам, являющимся резидентами Латвийской Республики о расторжении договоров о приеме и обслуживании срочных депозитов и о взыскании солидарно внесенных депозитов. Свои требования истец обосновал тем, что один из ответчиков недобросовестно выделил ликвидные активы другому в результате реорганизации, оставив себе дебиторскую задолженность (в том числе и по депозитам) и низколиквидные активы. Ответчики иск не признали, мотивировав свою позицию тем, что основным местом их деятельности является Латвийская Республика, а отделения банков, расположенных в России, являются представительствами и не имеют прав юридического лица. С такими доводами ответчиков не согласилась надзорная инстанция в системе арбитражных судов. «Тот факт, что данные представительства фактически функционировали как представительства банков..., реализующие их услуги в России, и у потребителей услуг существовала возможность совершать сделки по месту нахождения представительств без прямого контакта с головными офисами банков в Риге, а общества... являлись субъектами, созданными в целях обхода законодательства Российской Федерации о банковском контроле, свидетельствует о том, что предпринимательскую деятельность на территории Российской Федерации осуществляют именно ответчики, используя аффилированных лиц (доктрина «срывания корпоративной вуали»)» — указывается в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда по данному делу. На момент вынесения данного постановления доктрина снятия корпоративной вуали не была закреплена в законодательстве России, однако Президиум Высшего Арбитражного Суда обосновал свою позицию по делу, обращаясь именно к ее положениям, поскольку они отражают ценности права в аспекте гражданского оборота.

Обращение правоприменителя к нравственным и философским категориям, к идее права, как тенденция

правоприменения придает ему, таким образом, метанормативный характер, поскольку правоприменитель, следуя данному подходу, выходит за рамки, установленные нормой позитивного права, апеллируя к ее аксиологическим основаниям. Эмпирически об этом свидетельствуют проанализированные выше материалы российской и иностранной судебной практики.

Идея права как сущностно-содержательный концепт вышеназванной тенденции правоприменения опосредует другую, состоящую в том, что правоприменительная практика придает норме права динамическое содержание, наполняя ее новым смыслом в соответствии с запросами времени, тенденциями общественного и государственного развития и актуальной экономической ситуацией. Как подчеркнул в связи с этим Конституционный Суд России в определении от 11 ноября 2008 г. N556-О-Р [25], «неконституционный смысл придается норме в результате неадекватного Конституции Российской Федерации ее истолкования *правоприменителем* (выделено нами — *Авт.*)». Тем самым Конституционный Суд отметил, что применение права как динамический процесс определяет динамику содержания правовой нормы; оставаясь неизменным в рамках текста закона, норма права может содержательно меняться в зависимости от обстоятельств конкретного дела, ее концептуализации правоприменителем и иных факторов. Как указывает в связи с этим А.В. Волков, наибольший динамический потенциал имеет содержание таких норм, которые содержат в своих конструкциях оценочные понятия и категории [26, 29–34]. Такие термины как «добросовестность», «добрые нравы», «нравственные ценности», «разумность» и проч. нередко становятся операндами законодателя при конструировании им правовых норм. Однако на вопрос о том, каково содержание понятий, обозначаемых данными терминами, невозможно дать однозначный ответ. Соответственно, подходы правоприменителя к разрешению данной проблемы могут значительно отличаться даже в рамках одного и того же государства. Это объясняется тем, что, по выражению германского правоведа R. Stammeler, оценочные понятия — это по своей сути «нормы, указывающие для каждого особого положения правильное в смысле *правового идеала* (выделено нами — *Авт.*)» [27, 36]. Социально-правовое значение оценочных конструкций подчеркивал немецкий автор F. Endemann: «в руки судье дается масштаб, покоящийся на нравственных убеждениях общества, как они отливаются в действительности, в практике оборота» [28, 20].

Однако, по нашему мнению, оценочные конструкции в праве не исчерпывают всех форм динамики содержания юридических норм в правоприменительной практике. Для иллюстрации такого подхода обратимся к постановлению Конституционного Суда Российской

Федерации от 17 октября 2017 г. N24-П [29]. Вопрос, разрешаемый в данном деле Конституционным Судом, касался соответствия федеральной Конституции положения, закрепленного в п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, в силу которого новым обстоятельством, являющимся основанием для пересмотра гражданского дела, является определение (изменение) практики применения правовой нормы, закрепленное в актах Президиума или Пленума Верховного Суда России. Конституционный Суд, рассматривая дело, обратился к практике Европейского Суда по правам человека, отметив: «Европейский Суд по правам человека не отрицает возможность квалифицировать изменение толкования законодательства в качестве вновь открывшегося или нового обстоятельства, однако подчеркивает, что такое изменение не оправдывает отмену судебного решения, вынесенного в пользу заявителя. Недопустимость отмены связывается им не с характером обстоятельств, как не существовавших на момент рассмотрения дела, а с тем, что отмена судебного решения привела к ухудшению установленного этим решением положения лица». При этом ранее Конституционный Суд в своем постановлении от 21 января 2010 г. N1-П [30] подчеркнул, что в акте Верховного Суда определившем (изменившем) практику применения правовой нормы, должно содержаться указание на возможность пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений, при вынесении которых правовая норма была применена судом иначе. Кроме того, пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений признается допустимым, если в результате нового толкования правовых норм не ухудшается положение слабой стороны в правоотношении. Таким образом, Конституционный Суд фактически наполнил положения, закрепленные в п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ новым содержанием, установив новые критерии для пересмотра гражданского дела в связи с изменением практики применения правовой нормы в акте Верховного Суда.

Следует подчеркнуть, что, обеспечивая динамический характер смысла правовой нормы, правоприменитель фактически реализует полномочия законодателя. В этом заключается еще один аспект диалектического взаимодействия правотворчества и правоприменителя. В этом смысле правоприменительные акты, будучи формами объективации правового воздействия, порождают его в той же плоскости, что и применяемая норма. Правовое воздействие при этом приобретает *синкретический характер*. Сущность такого характера правового воздействия состоит в соединении элементов прямого правового воздействия (нормы права, правоприменительного акта) и опосредованного (рефлексии идеи права в сознании правоприменителя). Правоприменитель, напрямую не обращаясь к идее права, в то же время применяет норму права сообразно этой идее, вследствие

чего соответствующим образом изменяется содержание юридической нормы.

Проанализированные выше тенденции в правоприменительной практике и их влияние на характер правового воздействия опосредуют третью — корреляцию юридической науки и правоприменения. Как мы уже подчеркивали выше, одной из существенных характеристик континентальной правовой традиции является тесная связь юридической практики и правоправедения. В этой связи для повышения эффективности правоприменения безусловной необходимостью является внутринаучная рефлексия, осознание научным сообществом методологических основ своей деятельности. Однако еще в конце XX — начале XXI вв. отечественные ученые-юристы неоднократно отмечали кризис научного правосознания и декларативный характер отказа от научно-методологического монизма в юриспруденции [31]. Такие проблемы, по нашему мнению, характеризуют и актуальное состояние современного правоправедения, поскольку современные авторы уделяют крайне мало внимания методологическим проблемам правовой науки. В этой ситуации, когда отсутствуют комплексные методологические исследования в рамках правоправедения, говорить о действительном, а не декларативном отказе от методологического монизма и об эффективном развитии юридической практики, по нашему мнению, преждевременно. Именно поэтому затрудняется корреляция юридической науки и юридической практики, в частности — правоприменения, которую, тем не менее, следует обозначить в качестве новой тенденции правоприменения по ряду причин.

Во-первых, в правоприменительных актах все чаще усматривается эмпирическая рефлексия научно-теоретических правовых конструкций. Так, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 г. №6-П [32] подчеркивается: «В сложившейся правовой доктрине и сформированной на ее основе юридической практике... под нормативным правовым актом понимается письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм...». Ранее, в постановлении от 17 декабря 1996 г. №20-П [33] высшим органом конституционной юстиции было выведено понятие налога на основании его доктринальной рефлексии. Как отмечает в связи с этим Н. А. Рогожин, «понятие налога, сформулированное Конституционным Судом, позволило точно уяснить содержание *категории* (выделено нами — *Авт.*) «налог» [34, 135]. Конституционный Суд, таким образом, сформулировал не только правовое, но и доктринальное понимание налога как юридической конструкции, наполнив его новым содержанием как в теоретическом, так и в нормативном аспекте.

Во-вторых, все большую роль начинает играть научный фактор в правоприменении. Наиболее ярко об этом свидетельствует постепенное восприятие процессуальным правом России института «*amicus curiae*» («друг суда» — *лат.*). Как отмечает J. S. McLaughlan, институт «*amicus curiae*» возник еще в римском праве. Под «друзьями суда» в Риме понимались лица, оказывающее содействие суду в его юрисдикционной деятельности, предлагая его вниманию информацию, имеющую отношение к делу; при этом «друзья суда» не являлись стороной в процессе и не привлекались к участию в деле [35, 266]. Процессуальная роль «друзей суда» была обозначена в постановлении Королевской скамьи Высокого Суда Лондона по делу *Allen v. Sir Alfred McAlpine & Sons Ltd* [36], в котором отмечалось: «функцией *amicus curiae* является помощь суду в беспристрастном толковании закона, или, в случае, когда одна из сторон не представлена в процессе, в выдвижении законных доводов в ее пользу». «Друг суда», таким образом, занимает промежуточное представление между экспертом и процессуальным представителем. При этом, как указывает T. K. Saha, заключение по делу, представленное «другом суда», должно быть научно обоснованно и содержать ориентиры для будущего судебного решения [37, 94]. В этом смысле наука, научное сообщество осуществляет опосредованное правовое воздействие на суд через институт *amicus curiae*.

Следует подчеркнуть, что таким образом корреляция науки и правоприменения начинает осуществляться и в России. Несмотря на то, что процессуальный статус «друга суда» отечественным процессуальным законодательством не урегулирован, соответствующие заключения неоднократно представлялись общественными объединениями в Конституционный Суд. Так, высшим органом конституционной юстиции были приняты во внимание такие заключения по ряду дел (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 г. №27-П [38], от 8 апреля 2014 г. №10-П [39]). Соответствующие заключения были квалифицированы Судом как внепроцессуальные обращения. Подобный статус был закреплен Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации за заключением Российской Арбитражной Ассоциации по делу № А40–117039/2015 [40].

Таким образом, корреляцию юридической науки и правоприменения представляется допустимым понимать в качестве одной из новых тенденций в правоприменении. При этом правовое воздействие в рамках такой корреляции может быть как опосредованным и синкретическим, так и прямым, когда заключение *amicus curiae* напрямую формирует рациональные и теоретико-прикладные основания правоприменительного акта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байтин М. И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов, 1978.
2. Тонков Е.Е., Коваленко В. И., Пожарова Л. А. Правоприменение как способ реализации юридических норм // Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право». 2012. № 2 (121). Выпуск 19.
3. Шлейермахер Ф. Академические речи 1829 года. М.: Науч. изд. 1987.
4. Ефремова Т. Д. Правоприменительная деятельность как этап реализации права: понятие и признаки // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2010, № 1.
5. Зеленина А. Ю. Применение как основная форма реализации норм права социального обеспечения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013, № 1 (7).
6. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875.
7. Маликов М. Ф. Истоки познания. Том 4. Генетические основы регионального права: по материалам Республики Башкортостан / М. Ф. Маликов. Изд. 8-е, доп. и перераб. Монография. Уфа: ГИЛЕМ. 2012.
8. Дунс Скот И. Reportatio IV (фрагмент) // Методология науки: исследовательские программы [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. С. С. Неретина. М.: ИФРАН. 2007.
9. Толковый словарь русского языка. Под редакцией проф. Д. Н. Ушакова. Том III. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1939.
10. Тихомиров Ю. А. Правоприменение: от стихийности к системе // Журнал российского права. 2007. № 12.
11. Палеха Р. Р. Правоприменительный акт — завершающий этап правоприменительной деятельности // Вестник ТГУ. Выпуск 2 (42). 2006.
12. Жильцов М. А. Правовая природа индивидуальных актов работодателя // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 6.
13. Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М.: Статут. 2011.
14. «О реабилитации жертв политических репрессий»: Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. N1761-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 31 октября 1991 г. N44. Ст. 1428.
15. Fuller F. Positivism and Fidelity to Law. — A Reply to Professor Hart // Harvard Law Review. 1958. N630.
16. Моисеев С. В. Философия права. Курс лекций [Текст] / С. В. Моисеев. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Сиб. унив. изд.-во. 2004.
17. Ллойд Д. Идея права / Перевод с английского: М. А. Юмашева, Ю. М. Юмашев; научный редактор Ю. М. Юмашев. Изд. 5-е. — М.: «КНИГОДЕЛ». 2009.
18. Осинцев Д. В. Правовые модели управления: монография. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ. 2017.
19. Mayor of Bradford v. Pickles, A.C. 587 (1895).
20. Ustawa z dnia 2 lipca 2004 r. o swobodzie dzialalności gospodarcej // Dz.U. 2004. Nr 173. Poz. 1807.
21. Schweizerisches Zivilgesetzbuch vom 10 Dezember 1907 // BBl 1904 IV 1, 1907 VI 367.
22. Bundesgericht Urteil vom 12. Juli 1961, i.S. X. gegen Basel-Landschaft, Kanton und Verwaltungsgericht, BGE: 86 I 36.
23. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 г. N6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. N3.
24. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2012 г. № 16404/11 // СПС «Консультант Плюс».
25. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2008 г. N556-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года N2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2008 г. 28 ноября.
26. Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: монография / А. В. Волков. — М.: Волтерс Клувер. 2009.
27. Stammler R. Das Recht der Schuldverhältnisse. — Lpz., 1897.
28. Endemann F. Einführung in das Studium des BGB. Lehrbuch des bürgerlichen Rechtes. 3—4 Aufl. Bonn. 1897.
29. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2017 г. N24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. А. Абрамова, В. А. Ветлугаева и других» // Российская газета. 2017 г. 9 ноября.
30. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. N1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» // Российская газета. 2010 г. 10 февраля.
31. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 2-е изд. М.: Аванта+, 2001; Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. — М., 1998; Поляков А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. 2000. № 2; Сырых В. М. Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1. Элементный состав. М., 2000.
32. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 г. N6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть» // Российская газета. 2015 г. 13 апреля.

33. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 1996 г. N20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» // Российская газета. 1996 г. 26 декабря.
34. Рогожин Н. А. Судебная практика и ее роль в правовом регулировании предпринимательской деятельности. М.: Волтерс Клувер. 2004.
35. McLaughlan J. S. Congressional Participation As Amicus Curiae Before the U. S. Supreme Court. — LFB Scholarly Publishing. 2005.
36. Allen v. Sir Albert McAlpine and Sons Ltd. (1968) 2 Q.B. 229.
37. Saha T. K. Textbook on Legal Methods, Legal Systems & Research. — Universal Law Publishing. New Dehli. 2010.
38. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 г. N27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // Российская газета. 2013 г. 18 декабря.
39. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2014 г. N10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л. Г. Кузьминой, С.М. миренского и В. П. Юкечева» // Российская газета. 2014 г. 18 апреля.
40. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 августа 2016 г. № 305-ЭС16–4051 // СПС «Консультант Плюс».

© Пучков Олег Александрович (roa@gu66.ru), Пучков Владислав Олегович (pravoprocess@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский государственный юридический университет

КЛАССИФИКАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ ФОРМ ЗАВЕЩАНИЙ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВЫБОР ПРИОРИТЕТОВ

Сывороткина Ирина Юрьевна

Преподаватель, Академия Федеральной службы
исполнения наказаний России
i.sivorotkina@yandex.ru

CLASSIFICATION AND TYPOLOGY OF FORMS OF WILLS AS THE FACTOR OF DEVELOPMENT OF THE LAW OF SUCCESSION IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION: CHOICE OF PRIORITIES

I. Syvorotkina

Summary. This article discusses the experience and practice of hereditary-legal regimes of the world, a comparative analysis, the theoretical justification of ways to consider the systemic problems caused by the lack of elaboration of the issues of modern probate legislation on the classification of forms of wills and the impact of their diversity on the development of inheritance law. From the point of view of studying the institutional features, history and culture of typologies of wills, the author explores the space of ethnic diversity, uniqueness of national legal traditions of different countries.

The logical conclusion has allowed to formulate recommendations for the improvement of legislation to ensure the availability of procedures for the transfer of the inheritance, and also the objectiveness of the procedure for determining the constant of localization of the latter. The author uses both system and holographic methods of research, which makes it possible to compare the object of research more fully.

Keywords: globalization, integration, joint wills, mutual wills, inheritance agreement, unilateral transaction, joint wills of spouses, testamentary refusal (legate), testamentary assignment.

Аннотация. В данной статье рассмотрены опыт и практики наследственно-правовых режимов стран мира, проведен сравнительный анализ, дано теоретическое обоснование способов рассмотрения системных проблем, вызванных недостаточной проработанностью вопросов современного завещательного законодательства по классификации форм завещаний и влиянию их многообразия на процесс развития наследственного права. С точки зрения изучения институциональных особенностей, истории и культуры типологизаций форм завещаний автор исследует пространство этнического многообразия, уникальности национальных правовых традиций разных стран.

Логические заключения позволили сформулировать рекомендации по совершенствованию законодательства в вопросах обеспечения доступности процедуры передачи наследства, а также объективизации процедуры определения постоянной локализации последних. Автор использует как системный, так и голографический методы исследования, что создает возможность наиболее полно сравнить объект исследования.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, совместные завещания, взаимные завещания, договор о наследстве, односторонняя сделка, совместные завещания супругов, завещательный отказ (легат), завещательное возложение.

Анализируя генезис такой сферы современного российского законодательства, как гражданское, многие исследователи отмечают тенденции гуманизации, либерализации, политизации законодательной сферы, которые закономерно связываются с целенаправленной государственной политикой Российской Федерации, ориентированной на международную интеграцию, где правовые нормы неизбежно имплементированы в жизнедеятельность социума [7, С. 113].

Рассматривая историю вопроса наследственного законодательства в его исторической ретроспективе закономерно сделать вывод относительно того, что само наследственное право, как институт, неоднократно претерпевал трансформации масштаба от ло-

кальной коррекции, до — катастрофического. Такие метаморфозы не могли не сказаться на законодательстве в сфере наследования имущества. Однако, многочисленные попытки ликвидировать само наследственное право, как институт оказались неудачными и бесполезными [6, С. 505].

В лучших традициях изменяющегося правопорядка наследственное законодательство, следуя существующей терминологии зарубежных стран континентальной Европы, преимущественно продолжает обычаи, сохраненные известной рецепцией римского частного права. Именно такие реновации обуславливают всевозрастающий интерес к изучению всего частного правового направления данного сложного процесса институционального совершенствования.

Терминология «романская наследственная система» сопрягает наследственное право ряда государств. Своеобразным отличием при этом становится дифференциация наследников по четырем последовательно призываемых к наследованию группам: нисходящие; родители, братья и сестры; неполнородные братья и сестры; остальные боковые родственники. Наследственное право Франции в историко-культурном контексте представлено достаточно богато и многогранно, изначально его относят к «романской системе». Высоко по степени его влияние на правотворческий подход в Италии, Бельгии и некоторых других, не европейских стран (преимущественно прежде колониальных латиноамериканских и африканских колоний). Множество обстоятельств обусловили эволюцию института наследственного права в мировой цивилистике. Динамика развития совокупности факторов раскрывает изменчивый характер рассматриваемой правовой сферы, стремящейся в последние десятилетия к унификации. При всей значимости имплементации римского — в национальное право ряд европейских государств (Германия, Австрия, Швейцария, Япония) сохранили традиции, действовавшие до рецепции наследования.

С учетом вышеизложенного напрашивается вывод о том, что существует широкое поле для совершенствования в организации всего спектра работы по данному направлению, так и в улучшении нормативно-правовой базы функционирования.

Наследственные права приобретают в этой связи особенный механизм реализации через создание системы поправок и дополнений законодательства, в том числе в направлении международного частного правового регулирования.

Многообразие типов завещаний в законодательных конструктах зарубежных стран — закономерная тенденция периода экономических преобразований, культурной гибридной глобализации как определяющих факторов развития права. Именно это и обуславливает особый интерес к изучению в целом частного правового направления с его сложными, но столь важными и необходимыми процессами пересмотра законодательства.

В современном обществе при всей специфике и сложности модернизации наследования по завещанию, следует отметить, что один из самых востребованных институтов сохранил многие римско-правовые конструкции. В отдельных зарубежных странах определить судьбу имущества на случай успеха можно практически только посредством индивидуально совершаемой и односторонней сделки.

Практика правоприменения в данной сфере отражает объективный тренд либерализации наследственного права, развитие теории юриспруденции, что приводит к появлению новых научно обоснованных конструкций наследственного права.

Систематика применения совместных завещаний США, Германия, Россия [5], взаимных завещаний (США) и договоров о наследстве (Германия, Россия) является определяющей тенденцией и допускается в международном праве.

Завещательный отказ (легат) распространен во многих странах, в частности в Испании, Германии, Франции, Венгрии. Кроме того, гражданское законодательство зарубежных стран предусматривает и другие виды завещательных распоряжений. ГК Венгерской Республики 1959 г. содержит такие не известные российскому законодательству виды распоряжений, как договор о наследовании и дарении на случай смерти, договор в отношении ожидаемого наследства (предоставлено исключительно потомкам наследодателя). В отличие от завещательного отказа, завещательное возложение, как и прежде, предполагает возложение на наследника обязанности совершить какое-либо действие, направленное на осуществление общественной цели (ГК РФ содержит перечень уточнений) [1, С. 74].

В рамках изменяющегося законодательства формы завещания подвергаются все большему реформированию. В наследственном праве отмеченных стран теория права, тем не менее, придерживается двух основных систем: системы плюрализма форм завещания и системы единообразия формы завещания.

С точки зрения *legal form* завещания автор исследования современного гражданского оборота отмечает разнообразные и во многом противоречивые требования: следствие переплетения обременительности формы препятствовать совершению завещания в любое время, в любом месте; уникальность и подлинность завещания рассматривается как специфика в этнокультурном симбиозе, что не должно противоречить тайне завещания, как историко-культурной составляющей международного законодательства, которое парадоксально сочетает многообразие форм и др.

Можно сказать, что наследственное право стран интеграции структурировано несколькими формами завещания. Лидирующее направление сфокусировано на конкурентных формах, придающих приоритетные значения различным требованиям, предъявляемым гражданским оборотом, определяющим возможности и перспективы развития. Завещателю предоставляет

ся право — монополия выбора. Плюрализм форм завещания свойство наследственного права Франции, Италии, Германии, Японии, США, России и многих других стран. Эффект, который не способен генерировать ни один другой институт. Завещательное право иных стран указывает на единственную форму завещания. Этим определяется контрастность правовой культуры с отблесками самобытности отдельных дефиниций. Кроме того, некоторым требованиям гражданского оборота уделяется меньше внимания, что само по себе не способствует функциональности правоприменения. Так развивается вопрос в английском наследственном праве, но все же приносит значительный вклад в экономику и является прекрасной альтернативой привычному, позволяя взглянуть на эту страну абсолютно по-другому.

Разнообразие, проявляющееся в направлениях форм завещаний, преследует установленное конвенционное требование: письменная сделка. Редким исключением разрешаются устные завещания. Допускаются правом некоторых штатов США в части имущества ограниченной стоимости или для завещателя, находящегося в неминуемой и внезапно возникшей смертельной опасности. В наследственном праве России для обеспечения указанной функции используется форма завещания, составленного в чрезвычайных обстоятельствах распространенная достаточно недавно новым гражданским законодательством в эпоху так называемой культурной гибридизации — смешения, взаимопроникновения и переработки элементов различных культур в определенном правовом и социокультурном пространстве.

Режим свободного правового поля в секторе развития и совершенствования наследования по завещанию позволяет определить четыре основные формы, встречающиеся в праве различных стран.

Собственноручное завещание встречается в праве значительного числа ведущих стран мира (Франция, Италия, Германия, Япония, значительное число штатов США). Собственноручное написание и подписание распоряжения, безусловно, не предполагает сложности в исполнении для завещателя, неукоснительно обеспечивает при этом тайну самого послания потомкам.

О существовании подлинности волеизъявления свидетельствует публичное (секретное) завещание. Характерная особенность включает участие компетентного должностного лица, уполномоченного государством. Франция: публичное завещание составляется двумя нотариусами (альтернатива — одним нотариусом в присутствии двух свидетелей). Италия

и Япония: завещатель диктует завещание нотариусу в присутствии двух свидетелей. Германия: заповедь совершается путем письменного или устного заявления, сделанного судье или нотариусу. В некоторых штатах США наказ удостоверяется нотариусом. В России — это завещания, приравняемые к нотариально удостоверенным. Возможность их подписания предоставлена: начальникам госпиталей, директорам или главным врачам домов для престарелых и инвалидов; капитанам судов, плавающих под государственным флагом Российской Федерации; начальникам разведочных, арктических, антарктических или других подобных экспедиций российских антарктических станций или сезонных полевых баз; командирам воинских частей; начальникам мест лишения свободы.

Тайное завещание преследует многоцелевое назначение: помимо тайны, гарантируется и подлинность сделки. Эта форма существует во Франции, Италии и Японии, России. В Гражданском кодексе Российской Федерации достаточно недавно появилась норма о закрытом завещании. Представленная в типологии классификация характеризуется специфической особенностью. Совершивший ее завещатель наедине составляет завещание и вкладывает его в конверт. Опечатанный конверт он предъявляет нотариусу в присутствии свидетелей, а нотариус совершает на конверте удостоверительную надпись.

Подтверждением существования завещания, удостоверенного свидетелем, служат примеры англосаксонского законодательства, в праве которых это единственная форма. В последние годы Англия с ее уникальными культурно-правовыми традициями наследования становится страной-открытием для граждан многих стран. К завещанию «прикладывается рука», допускается машинописный или типографский на бланке текст. Подпись завещателя, подтверждают своим удостоверением два свидетеля (в некоторых штатах США — три).

Проводя теоретический обзор форм распоряжений для разрешения системных проблем, вызванных недостаточной проработанностью ряда вопросов современного завещательного права, отметим, что аналогичная типологизация доступна в механизме реализации новейшего Гражданского кодекса Российской Федерации через создание системы многочисленных поправок и дополнений наследственного законодательства.

Становление современной законодательной базы Российской Федерации не было свободным от воздействия противоречивых тенденций. В условиях крайне важной политической стабильности процесс

совершенствования и обновления действующего федерального законодательства с учетом той практики, которая сложилась в стране в процессе демократических преобразованиях, выдвигается на первое место. Естественным сопровождением этому изменению содействует система имплементации зарубежных норм завещательного права, имеющая немалый исторический и практический путь развития [2].

Концепция развития отечественного гражданского законодательства 2009 г. признала приоритетным обращение к истории и правовым традициям прошлого. Стремление нашего законодателя искусственно состарить право посредством признания его современным с 1833 г. (год принятия Свода законов Российской империи — СЗРИ) пока успехов не принесло. Мало обозначить начало российского права в XIX столетии, необходимо ещё связать действующее правовое регулирование с прошлым. Р.А. Бевзенко в 2011 г. отметил, что за 20–30 лет мы должны пройти тот путь, который многие иностранные правовые порядки прошли за несколько сотен лет [4]. Но право не искусственная конструкция, способная к мгновенному изменению, а живой организм. В этой связи помогают иностранные юридические конструкции, которые имеют многовековую историю, но использование их должно происходить с учётом самобытности национального правового регулирования. Исследование критериев правомерных заимствований из иностранного правового опыта — перспектива дальнейших исследований [7, С. 131].

Своеобразным ответом на современные вызовы мирового завещательного правового порядка стало широкое внедрение проектной законодательной деятельности. Вместе с тем, система реформаций в данном направлении оказывается порой достаточно фрагментированной решением отдельных вопросов, а не их комплекса.

Новая эпоха реформирования наследственного законодательства в России, начавшаяся в 90-х годах 20 века, приблизила отечественное законодательство к мировому правовому порядку: в Гражданском кодексе Российской Федерации (часть 3, раздел V) появилась норма о завещаниях, при написании или записи которых могут быть использованы технические средства (электронно-вычислительная машина, пишущая машинка и другие для завещателя, находящегося на лечении в больницах, госпиталях, в домах для престарелых и инвалидов: незрячих, глухонемых, с тяжёлыми ранениями и др.). Завещательное распоряжение правами на денежные средства в банке — нетипичная для европейского права и новая для российского правового порядка типологизация, которая по-своему решает достаточно широкий круг вопросов, связанных с рас-

пределением завещанных денежных средств их владельцами.

Законодательное закрепление выше обозначенных проблем и практик позволяет: обеспечить реальное правовое положение граждан в сфере имущественных прав при совершении завещания; эффективнее использовать средства, которыми обладает данный институт; правильно выбирать методы воздействия для правоконсультационной работы с различными социальными и демографическими группами населения; выработать четкие критерии функционирования государственных и негосударственных органов, осуществляющих правоприменение в области наследования по завещанию; адекватно оценивать правотворческую деятельность по указанному направлению в целом.

Какой будет новая мода в интеграционных соглашениях? Охват участников или глубина проникновения в национальную компетенцию? Заинтересованы ли развивающиеся страны подхватить повестку глобализации? Какой будет интеграционная повестка России на постсоветском пространстве, с европейскими и азиатскими странами, есть ли у России интересы, достаточные для выхода на более широкие и глубокие интеграционные соглашения? В чем выгоды глобализации в XXI веке для отрасли завещательного права? Ответы на поставленные вопросы даст только время. В тоже время ряд из указанных проблем был решен достаточно давно, но не имел широкой практики применения по причине неготовности национального законодательства к унификации. Сфера наследственно-правового законодательства малых стран сильно подвержена влиянию национальных традиций и обычаев в наследовании по завещанию. Вместе с тем, мода в интеграционных соглашениях [3] о форме международного завещания ведущих зарубежных стран вошла в практику правоприменения давно и успешно.

Ключевое событие в октябре 2017 года — прошедшая в г. Санкт-Петербург 137-я Ассамблея Межпарламентского Союза еще раз подчеркнула возможность и целесообразность взаимодействия по вопросам имплементации законодательных норм и подписания совместных многосторонних соглашений государств-участников [6, С. 507].

Таким образом, многообразие форм завещаний в законодательных конструктах зарубежных стран — закономерная тенденция периода экономических преобразований как определяющего фактора развития права. Серьезные преимущества правовой глобализации и интеграции. Именно это обуславливает особый интерес к изучению в целом всего частного правового направления данного сложного процесса законодательного совершенствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грудцына Л. Ю. Наследование. Дарение. Рента: Как правильно распорядиться своим имуществом. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 448 с.
2. Доценко Т. А. Законы в Российской Федерации (конституционно-правовые вопросы): автореферат диссертации к. ю. н. Санкт-Петербург, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://lawtheses.com/zakony-v-rossiyskoy-federatsii#ixzz5XfLPrzLG/2018/09>.
3. Конвенция, предусматривающая единообразный закон о форме международного завещания (Вместе с Единообразным законом о форме международного завещания) (Заключена в г. Вашингтоне 26.10.1973).
4. Концепции развития российского законодательства // Под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. — М.: Эксмо, 2010. — 732 с.
5. О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ (вступит в силу с 1 июня 2019 г.).
6. Сывороткина И. Ю. Либерализация современного наследственного законодательства в отношении осужденных — концентрированное выражение применения международных стандартов в уголовно-исполнительной системе // Балтийский гуманитарный журнал. — 2017. — № 4 (21). — С. 505–507.
7. Сывороткина И. Ю. Наследование по завещанию: история и современность // Национальные приоритеты России: история и современность: монография / Под ред. Подкопаева О. А. — Самара: ООО НИЦ «Поволжская научная корпорация», 2018. — 136 с.

© Сывороткина Ирина Юрьевна (i.sivorotkina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

ACTUAL PROBLEMS OF ELECTING AND APPLYING A PREVENTIVE MEASURE IN THE FORM OF HOUSE ARREST

V. Firsov

Summary. The article analyzes the problems arising from the selection and application of a preventive measure as house arrest, reveals unregulated by law issues of selection, extension and application of house arrest, considers the possibility of using the results of operational investigative activities as grounds for selection house arrest, justifies the need to improve legal regulation for the selection and application of house arrest as a preventive measure.

Keywords: a preventive measure, house arrest, prohibitions and restrictions, control and supervision, the results of operational and investigative activities.

Фирсов Владимир Григорьевич

Независимый исследователь

firsov_vg65@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ проблем, возникающих при избрании и применении меры пресечения в виде домашнего ареста, раскрываются неурегулированные законодательно вопросы избрания, продления и применения домашнего ареста, рассмотрена возможность использования результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве оснований для избрания домашнего ареста, обоснована необходимость совершенствования нормативно-правового регулирования избрания и применения домашнего ареста как меры пресечения.

Ключевые слова: мера пресечения; домашний арест; запреты и ограничения; контроль и надзор; результаты оперативно-разыскной деятельности.

Наиболее строгой мерой пресечения, альтернативной заключению под стражу, является домашний арест, предусмотренный ст. 107 УПК РФ. Эта мера пресечения заключается в полной либо частичной изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества без содержания под стражей, в жилом помещении, в котором он проживает, являясь собственником, нанимателем, либо на иных законных основаниях, с возможностью применения ограничений или запретов и осуществления за ним контроля.

Домашний арест корреспондирует назначению уголовного судопроизводства, обеспечивая компромисс между уголовным преследованием виновных лиц и защитой прав личности. Будучи внешне мягкой, данная мера пресечения представляет собой достаточно серьезное ограничение конституционных прав и свобод подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе, таких как право свободного передвижения, выбора места жительства и пребывания и ряда других прав и свобод.

Если раньше на практике имело место преимущественное применение такой меры пресечения, как заключение под стражу, то с 2009 года наблюдается устойчивый рост числа домашних арестов по уголовным делам. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, судами было удовлетворено ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста: за 2002–2005 гг. — 403, в 2010 г. — 668, в 2012 г. — 1508,

в 2016 г. — 6101. В 2017 году судами было удовлетворено 6423 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. В этот же период судами были заменены иные меры пресечения на домашний арест 6677 раз, тогда как в 2016 году — 5832 раза.

Домашний арест предусмотрен УПК РФ с 1 июля 2002 года, однако появление данной меры пресечения не было подкреплено нормативно, в связи с чем, несмотря на изменения, внесенные в текст ст. 107 УПК РФ Федеральными законами от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ, от 11 февраля 2013 года № 7-ФЗ, от 3 июля 2016 года № 325-ФЗ, от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ, избрание и применение данной меры пресечения на практике породило множество вопросов, противоречий и затруднений. За 16 лет действия закона многие проблемы, возникающие при применении данной меры пресечения, остались законодательно не урегулированными.

В уголовно-процессуальной науке нет достаточно полно сформулированных понятия и целей домашнего ареста, не исследованы основания и условия избрания данной меры пресечения, не определено соотношение закрепленных в ст. 107 УПК РФ понятий “ограничения” и “запреты”, не рассмотрены пути повышения эффективности применения домашнего ареста [1].

Наука не дает однозначного решения и по такому актуальному вопросу, как возможность использования ре-

зультатов оперативно-розыскной деятельности в качестве оснований для избрания данной меры пресечения.

Так, Овчинников Ю.Г. считает, что результаты оперативно-розыскной деятельности не могут быть положены в основу принятия процессуального решения об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, если они не введены в уголовный процесс в соответствии с требованиями УПК РФ, Федерального закона РФ "Об оперативно-розыскной деятельности" и межведомственной инструкции "О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд" [1].

По сути, аналогичную позицию занимает и Светочев В.А. По его мнению, в случае представления в суд материалов, содержащих результаты оперативно-розыскной деятельности, они могут быть положены в основу принятия решения об избрании меры пресечения лишь при надлежащем их представлении в соответствии с требованиями УПК РФ, Федерального закона РФ "Об оперативно-розыскной деятельности", а также соответствующих ведомственных инструкций [2].

В тоже время, иную позицию занимает Климов В.В., по его мнению, наличие фактических данных, выступающих основаниями избрания мер пресечения в виде домашнего ареста, и соответствие их определенным законом критериям должно быть установлено при строгом соблюдении процессуальных норм. Достоверность оснований обеспечивается процессуальным порядком доказывания и закрепления в материалах уголовного дела [3].

Вместе с тем, согласно ч. 3 ст. 107 УПК РФ, домашний арест в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ, при этом судья не может принимать решение на основании данных, не проверенных в ходе судебного заседания, в частности результатов оперативно-розыскной деятельности, представленных в нарушение требований ст. 89 УПК РФ. Если же проанализировать текст ст. 89 УПК РФ, то она не содержит порядка представления результатов оперативно-розыскной деятельности, в ней только говорится о запрете использования результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

С учетом того, что мера пресечения в виде домашнего ареста избирается обычно в начальный период расследования уголовного дела, после задержания лица, когда сведения, полученные путем производства следственных действий, еще не получены, представляется правильным и рациональным использование имею-

щихся результатов оперативно-розыскной деятельности, представленных в соответствии с требованиями Федерального закона РФ "Об оперативно-розыскной деятельности", а также соответствующих ведомственных инструкций, в качестве оснований для избрания данной меры пресечения.

Нерешенность указанных вопросов в теории, законодательстве, порождает трудности при избрании и применении меры пресечения в виде домашнего ареста. Так, при реализации данного института в деятельности следователей возникают проблемы, касающиеся возможностей использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве оснований для избрания данной меры пресечения; порядка исполнения меры пресечения, осуществления контроля за соблюдением обвиняемым (подозреваемым) установленных ограничений и запретов; получения следователями информации о допущенных нарушениях установленных ограничений и запретов.

О трудностях, с которыми сталкивается правоприменительная практика, свидетельствует Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 "О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога". В нем Верховный Суд РФ обратил внимание на ряд вопросов, прямо касающихся избрания и применения домашнего ареста. В постановлении, в частности, отмечалась необходимость указывать жилое помещение для нахождения подозреваемого или обвиняемого во время исполнения домашнего ареста, в котором он проживает на законных основаниях, а также то, что суд не вправе подвергать подозреваемого или обвиняемого запретам и (или) ограничениям, не предусмотренным ч. 7 ст. 107 УПК РФ.

В законе отсутствует регламентация порядка обеспечения контроля за исполнением подозреваемыми (обвиняемыми) установленных в отношении них запретов и ограничений.

Существуют сложности, связанные с контролем за исполнением домашнего ареста, в частности контролем за исполнением запрета вести переговоры с использованием любых средств связи и информационно-телекоммуникационной сети "Интернет". УПК РФ в подобных случаях не предусматривает осуществление контроля и записи телефонных и иных переговоров, а также получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами [4].

Уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможность проведения таких следственных действий как контроль и запись телефонных переговоров, полу-

чение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами) для осуществления контроля и надзора за соблюдением обвиняемым (подозреваемым) установленных судом ограничений и запретов. В законе отсутствуют и меры контроля за исполнением подозреваемым (обвиняемым) запрета использования информационно-телекоммуникационной сети "Интернет".

Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" не предусмотрена возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий для осуществления контроля и надзора за соблюдением обвиняемым (подозреваемым) установленных судом ограничений и запретов.

Таким образом, с позиции закона, осуществление контроля за соблюдением обвиняемым (подозреваемым) установленных судом запретов отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть "Интернет", практически не выполнимо.

В соответствии с ч. 11 ст. 105¹ УПК РФ, контроль за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов возлагается на федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных.

В тоже время, в ч. 13 ст. 105¹ УПК РФ указано, что в случае нарушения подозреваемым или обвиняемым возложенных на него запретов, суд по ходатайству следователя или дознавателя может изменить эту меру пресечения на более строгую, что является по крайней мере, не логичным, так как контроль за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов осуществляет другой федеральный орган исполнительной власти.

Кроме того, законодательно не урегулирован порядок исполнения судебного решения об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, а именно: не установлено, на кого и с какого момента возлагается обязанность исполнения и применения домашнего ареста,

должен обвиняемый или подозреваемый самостоятельно прибывать с судебным решением в территориальное подразделение ФСИН России, или сотрудники территориального подразделения ФСИН России должны находиться в суде и исполнять судебное решение.

Проведенный анализ позволяет выделить ряд статей УПК РФ (ст.ст. 105¹ 107, 185, 186, 186¹ УПК РФ), в которые необходимо внести изменения и дополнения с целью урегулирования проблем, возникающих при избрании и применении меры пресечения в виде домашнего ареста. В этой связи предлагается разработать проект федерального закона, в котором были бы решены указанные вопросы.

Предложение о необходимости разработки проекта Федерального закона "О домашнем аресте" ранее выдвигалось Светочевым В. А., при этом указывалось, что в нем должны быть урегулированы правоотношения между лицами, к которым домашний арест применен в качестве меры пресечения, участниками уголовного судопроизводства, которые ее избрали, а также должностными лицами и организациями, осуществляющими надзор и контроль за ее исполнением [2].

Для решения всего комплекса вышеизложенных проблем проект Федерального закона "О домашнем аресте" должен регулировать правоотношения, возникающие при избрании и применении меры пресечения в виде домашнего ареста между участниками уголовного судопроизводства, а также должностными лицами и органами, осуществляющими надзор и контроль за данной мерой пресечения. В проекте, кроме этого, необходимо предусмотреть действенный правовой механизм осуществления контроля за исполнением данной меры пресечения. Структурно данный проект может быть представлен в следующем виде: понятие и цели применения меры пресечения в виде домашнего ареста; субъекты; порядок избрания и исполнения; порядок продления срока домашнего ареста; порядок осуществления надзора и контроля за соблюдением наложенных судом запретов и ограничений; порядок изменения данной меры пресечения, порядок обжалования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овчинников Ю. Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: Дис. канд. юрид. наук — г. Омск, 2006.
2. Светочев В. А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации: Дис. канд. юрид. наук — г. Калининград 2009.
3. Климов В. В. Законность и обоснованность домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России: Дис. канд. юрид. наук — г. Москва 2011.
4. Жиляев Р. М., Первозванский В. Б., Медведева И. Н. О некоторых проблемах избрания судами меры пресечения в виде домашнего ареста и путях их решения /Российская юстиция. 2013 № 11.

© Фирсов Владимир Григорьевич (firsov_vg65@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Alexander Y. — Moscow international University
jurasow@mail.ru

Belyanina I. — PhD of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow Polytechnic University

Boyko K. — MGRI –RGGRU

Budzinskaya O. — Cand. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University)
budzinskaya@bk.ru

Chaplygina M. — PhD of Economic Sciences, Associate Professor, SWSU

Chernov A. — RUDN University (Moscow)
chernov-av@rudn.ru

Chernova V. — RUDN University (Moscow)
chernova-va@rudn.ru

Djoldosheva D. — PHD in economics, Kyrgyz Russian Slavic University after Elchin B.N.
ddjoldosheva@yahoo.com

Dolotova D. — Candidate of Legal Sciences, Lecturer of the VUI FSIN of Russia
d.v.dolotova@mail.ru

Dvoretzkiy M. — Ph.D. in Law, Tambov branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Tambov, Russia
dvoretzkiymy@gmanagement.ru

Enya V. — Economist, auditor of departmental control, independent researcher
vvenya@mail.ru

Fain B. — The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА)
fayn-bi@ranepa.ru

Fedorova O. — D.Sc., professor, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Filippova O. — Candidate of Law, Associate Professor of the Ural Institute of additional professional education «All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation)», Member of the Russian Criminological Association Ekaterinburg, Notary Public of Ekaterinburg
ovz24@ya.ru

Firsov V. — Independent researcher
firsov_vg65@mail.ru

Fomicheva L. — PhD of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow Polytechnic University
liliya.fomichewa@yandex.ru

Gudkov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the VEI of the FSIN of Russia
gudkovaniv@yandex.ru

Gulina E. — Post-graduate student, Buryat state University
gulinaalyona@mail.ru

Ibragimova S. — Candidate of Law sciences, docent of the Perm State University, Perm
sv.ibragimova@mail.ru

Kazanskaya N. — Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk)

Kiseleva E. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow Polytechnic University
klm18.08@mail.ru

Klekovskaya S. — Candidate of economical science, assistant professor, Moscow State Institute of International Relations
svetagle@gmail.com

Klyukin A. — Ph.D. in History, Tambov branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Tambov, Russia
mio-slim@yandex.ru

Knyazeva E. — Graduate student, MGRI – RGGRU

Konanova E. — Candidate of historical sciences, associate professor Southern Federal University
konanova-evgeniy@mail.ru

Kozhukhova Yu. — Graduate student, Central Russian Institute of Management — A branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
motina.julia@yandex.ru

Krekova M. — Doctor of Economic Sciences, Professor, Moscow Polytechnic University
kmm1901@mail.ru

Kuznetsov V. — Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)
kuznetsov.vasili@mail.ru

Lebedev N. — D.Sc., professor, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin
swonson@bk.ru

Maslak E. — Candidate of historical Sciences, associate Professor Southern Federal University

Milikova A. — Volgograd State University
Milikova_AV@mail.ru

Mindlin Y. — Candidate of Economic Sciences, associate professor, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin
mindliny@mail.ru

Mishchenko V. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the VUI FSIN of Russia
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Nazarova Z. — Doctor of Economics, Professor, MGRI – RGGRU

Onanko N. — Moscow international University
nataonanko@mail.ru

Permyakov M. — Ural State Law University; Ural State Economic University
pmv0929@yandex.ru

Popova E. — Candidate of law, associate Professor, East Siberian state University of technology and management
popovaelena03@yandex.ru

Puchkov O. — Doctor of Laws, professor of the Ural State Law University
poa@ru66.ru

Puchkov V. — Ural State Law University
pravoprocess@mail.ru

Roshchina O. — Doctor of Economics, Professor, MGRI – RSGRU

Shaipova S. — PhD (economic), **Associate** Professor. The chamber of advocates of the Moscow region
shaipovasvetlana@yandex.ru

Shidiev Z. — MGRI – RGGRU

Syrovotkina I. — The teacher, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
i.sivorotkina@yandex.ru

Syrovotkina I. — The graduate student of Ryazan State University named for S. Yesenin
is072017@mail.ru

Syrovotkina S. — The teacher, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

Trishkina N. — Moscow international University
ntrishkina@list.ru

Zaitsev S. — Financial University under the Government of the Russian Federation
zsv014@gmail.com

Zatsepin A. — PhD in law, associate professor, Ural Institute of additional professional education «All Russian state university of justice (RPA of the ministry of justice of the Russian Federation); Associate Professor of Criminal Law department of Ural state law academy; Head of Russian criminological association
tp0507@ya.ru

Zabaikin Y. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, MGRI – RGGRU
79264154444@yandex.com

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).